Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880-1881

Александр Александрович Майер

SHOUT
SHARE
IT

- Майер Александр Александрович

Майер Александр Александрович Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880-1881

Майер Александр Александрович

Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880-1881

(Из воспоминаний раненого)

Из предисловия автора: Будучи моряком, я мог быть вполне беспристрастным ко всем остальным родам оружия, что даже и в очерках, а не в историческом исследовании, все-таки играет значительную роль. Проглядывающее в моей книге боготворение покойного "Белого генерала", по всем вероятиям, ни одному истинно русскому человеку не покажется удивительным - Скобелев был у нас один обладавший способностью привлекать навсегда сердца тех людей, кровь которых, по словам недоношенного критика Градовского, он так мало берег... В моих воспоминаниях об экспедиции собственно Михаилу Дмитриевичу Скобелеву отведено мало места. Я выше уже говорил, что излагал главным образом собственные впечатления, произведенные на меня исключительною обстановкою степного похода.

С о д е р ж а н и е

Предисловие
1. На биваке
2. Переход в степи
3. Укрепление Бендессен и охотники
4. Правофланговая Кала
5. В горах Копет-Дага
6. Ночь в Эгян-Батыр-Кала
7. Осада и штурм Геок-Тепе

Посвящается памяти "Белого Генерала" и товарищей, павших под стенами Геок-Тепе

Предисловие

Взявшись за перо в минуту тяжелой хандры и чувства полного одиночества, я вскоре с искренней радостью заметил, что процесс приведения на память впечатлений моей боевой жизни заполняет пустоту моего прозябания... Длинной вереницей тянутся мысли одна за другою, сцена перехода по сыпучим пескам сменяется сценами боя, лица товарищей явственно представляются глазам, все это так живо, так рельефно!..

Незаметно для самого себя увлекаешься воспоминаниями, и в результате появляется изложение собственных чувств и мыслей,

пережитых за одиннадцать месяцев похода. Поэтому, читатель, вы и не найдете в предлагаемых вашему вниманию очерках объективного взгляда на экспедицию, не найдете критической оценки действий того или другого начальника, не найдете характеристики, по крайней мере обширной, распоряжений и образа ведения всего предприятия покойным Михаилом Дмитриевичем Скобелевым. То, что вы прочтете, если хватит терпения, есть сумма личных впечатлений, вынесенных мною за время участия в экспедиции.

Будучи моряком, я мог быть вполне беспристрастным ко всем остальным родам оружия, что даже и в очерках, а не в историческом исследовании, все-таки играет значительную роль.

Проглядывающее в моей книге боготворение покойного "Белого генерала", по всем вероятиям, ни одному истинно русскому человеку не покажется удивительным - Скобелев был у нас один обладавший способностью привлекать навсегда сердца тех людей, кровь которых, по словам недоношенного критика Градовского, он так мало берег...

Выступая впервые на литературное поприще, я сознаю себя слишком слабым, чтобы бороться с вышепоименованным г. Градовским, автором известного пасквиля на покойного героя. Да, собственно говоря, борьбы и быть не может - действие этого пасквиля было совершенно обратное тому, что ожидал г. Градовский; всякий, прочтя его брошюру, проникался еще большим уважением к памяти великого покойника, забрызгать которого грязью не удастся не только одной, но и целой своре чернильных "мосек".

Впрочем, лично для меня брошюра г. Градовского кажется изданною не с целью "облаяния" памяти Скобелева, а с целью более практичною - финансовою.

У покойника было и есть много завистников, как у всякого выдающегося человека, особенно в числе разных, лыком шитых генералов и других непризнанных военных гениев. Эта публика раскупала брошюру рьяно, нет сомнения. Почитатели покойного Скобелева тоже покупали книжонку, чтобы собственными глазами убедиться, до чего может дойти характеризующее вообще нашу эпоху нахальство бумагомарателей... В результате - хороший "гешефт" для г. Градовского, который, будучи истинным героем нашего продажного времени, логично рассудил, что за тычком или обруганием гнаться не следует, а деньги - вещь хорошая!..

В моих воспоминаниях об экспедиции собственно Михаилу Дмитриевичу Скобелеву отведено мало места. Я выше уже говорил, что излагал главным образом собственные впечатления, произведенные на меня исключительною обстановкою степного

похода. Всякий раз, когда передо мною являлся "Белый генерал" - он являлся в ореоле героя... Он производил на меня труднообъяснимое впечатление... Много раз, например, у меня являлось страстное желание быть убитым у него на глазах, с какою целью - я могу себе отдать отчет... Его присутствие в бою производило особенный подъем всей нервной системы...

Чувствуя себя не в силах дать какую-нибудь характеристику для этого человека, бывшего всегда в моих глазах чем-то особенным, я и не брался за эту непосильную работу, а удовольствовался изображением наиболее выдающихся картинок экспедиции, для большинства читающей публики остающейся малоизвестною.

Александр Майер

Николаев, 1884 год

1. На биваке

"Фельдфебеля к командеру!" - крикнул рыжий, весь в веснушках, солдат, старательно раздувавший голенищем дырявого сапога маленький нечищеный самовар с изломанной трубой, несомненно составлявший собственность "командера", сидевшего у входа в палатку и дымившего толстую папиросу из короткого обгрызенного мундштука. Вокруг ревели развьючиваемые верблюды, ржали лошади, гремел голос батарейного командира, разносившего какого-то унтер-офицера, на запыленной, медно-красной физиономии которого выражалась апатия в соединении с чувством удивления к необычайному красноречию усатого начальника, начинавшего, впрочем, уже исчерпывать свой лексикон ругательных выражений и закончившего таким словцом, что даже пехотный солдатик, поблизости протиравший винтовку, вполголоса произнес: "Ишь ты, ловко!"

Придерживая на бегу левой рукой гремевшую саблю, явился фельдфебель и истуканом стал пред "командером". Последний выпустил изо рта облако дыма и, глубокомысленно почесав кончик носа, изрек:

- Выставить немедленно аванпосты, да смотри у меня, назначить не по наряду, а людей посвежее. Как бы не было чего сегодня ночью...

- Слушаю, ваше в-родие, - рявкнул молодцеватый фельдфебель и, повернувшись налево кругом, сразу исчез в хаосе людей и лошадей.

Описываемая сцена происходила на одном из биваков колонны, шедшей из Чикишляра в Бами, в начале июля 1880 года.

Текинцы бродили шайками по степи, и поэтому действительно можно было чего-нибудь ожидать. Солнце

собиралось заходить, длинные тени падали от всех предметов, и хребет Копет-Дага как бы удалялся от глаз наблюдателя, принимая все более и более темно-лиловые оттенки.

Синева безоблачного неба обещала скоро обратиться в черный свод, вся же степь окрашивалась в бледно-оранжевый цвет. Красноватые лучи солнца играли на кончиках штыков ружей, составленных в пирамиды и освещали причудливым образом фантастически одетых в разноцветные лохмотья верблюдовожатых, копошившихся около разведенного в стороне огня, на котором готовился плов. Гортанные звуки их говора далеко разносились и покрывали собой голоса солдат, лежавших тут и там.

- Куда тебя черти несут? Не вишь нешто - человек лежит! - крикнул солдат казаку, несшему вязанку колючек и наступившему

ему на руку.

- А ты чего идолом разлегся на дороге, - степь, чай, узка тебе?

- Вот как накостыляю бока, тогда узнаешь, хохлацкая твоя образина! отвечал солдат, разобидевшийся дельным замечанием казака.

- Нехай его бреше, сучий москаль, то чай стынет, - увещевал другой таманец товарища, собиравшегося отмстить солдату за название "хохлацкая образина". И оба казака побрели к большому костру, откуда слышался малороссийский говор и громкие окрики на лошадей, бивших друг дружку на коновязи.

Солнце село, и на месте заката оставались багровые полосы, золотившие на горизонте холмы.

Невыносимая духота дня сменилась приятною прохладою. Показались звезды и серповидный кусочек луны, которая скоро должна была скрыться. Послышались песни и смех солдат, позабывших об усталости дня.

Господа офицеры выползли из палаток и собрались пить чай. Денщики забегали с переметными сумами; зазвенели стаканы, явилась бутылка с водкой и классическая закуска офицера в походе - коробки с сардинками и колбаса, пригодная по своей твердости заменить картечь в критический момент боя. Вот на двух разостланных на земле бурках разместилось человек восемь офицеров: тут и пехотинцы, и артиллеристы, и два моряка, и казак - словом, все роды оружия.

Первое время не слышно ничего, кроме бульканья и покрякиванья, бутылка обходит компанию; с болезненною напряженностью следят взоры тех, до кого она не дошла, за количеством остающейся в ней влаги. "А вдруг мне не хватит?" - думается непившим, но все благополучно: всем хватило и выпить

и закусить.

- А что, господа, не к ночи будь сказано, как бы эти черти, текинцы, не наделали нам хлопот, - сказал офицер, прожевывая кусок черного сухаря.

- Ну, вот тоже! - возразил усатый артиллерист, столь энергично разносивший недавно унтер-офицера. - Пускай явятся, узнают, что значит хороший картечный выстрел! - При этом он опрокинул в рот вторую порцию водки.

Артиллеристы в походе счастливейшие люди: у них всегда есть возможность набрать с собой массу закусок и вин, так как в зарядных ящиках может поместиться помимо смертельных гранат и шрапнелей много и других вещей. Начали пить чай, разговор принял оживленный характер.

Посыпались остроты, шутки; посмеялись добродушно над моряками, попавшими совершенно неожиданно не в свою стихию, поговорили о далеком Севере, и, как всегда в обществе офицеров, разговор перешел к скабрезным анекдотам, причем каждый обязывался рассказать по одному. Между тем наступила полная темнота. Завыли шакалы, на душе становилось как-то жутко; чувствовалось, что в случае нападения неминуемо должна произойти, вследствие темноты, суматоха, могущая не особенно хорошо для нас кончиться.

Наступила тишина, прерываемая только чавканьем верблюдов, пережевывавших свою жвачку, да храпом спящих солдат; изредка на коновязи начинала ржать и биться лошадь, и тогда слышался полусонный окрик дежурного по коновязи, и снова все замирало, и в степи мелькала масса огоньков глаза степных хищников, издававших звуки вроде плача маленького ребенка.

- Однако пора спать, - заявил кто-то из офицеров и, тяжело поднявшись с бурки, поплелся восвояси, натыкаясь на спящих и вполголоса ругаясь на темноту. Вся компания разошлась. Слышно было, как звали разных Иванов, Петров и других - это денщики должны были помогать своим господам ложиться спать. Затем, после неоднократного зова, слышалось зеванье, потягивание и неизменное: "Сейчас, ваше б-дие".

Бивак погрузился окончательно в сон, и только аванпосты зорко всматривались в темноту, ожидая нечаянного нападения.

2. Переход в степи

Жарко, душно... Губы и язык запеклись, глаза налились кровью, пот струится по исхудалым, обожженным лицам, оставляя грязные полосы. Ноги с трудом передвигаются, шаги неровные, колеблющиеся; винтовка кажется пудовой тяжестью и немилосердно давит плечо, а солдатик все идет, идет

машинально, пока не завертится все в глазах, не покроется кровавым облаком и сотни молотов не застучат в виски; тогда представитель касты "пушечного мяса" закачается, взмахнет руками, берданка вывалится и с тихим, душу надрывающим стоном свалится он на горячий песок с закатившимися глазами, с пеной у рта. Немедленно являются "земляки", такие же измученные, едва движущиеся, приподымают товарища, льют ему в горло теплую мутную воду из баклажек, смачивают голову, освежают воздух, размахивая своими отрепанными фуражками, но "земляк" лежит без чувств; хриплое дыхание со свистом вырывается из его конвульсивно подымающейся груди, он скрежещет зубами, и пена с кровью течет по его обострившемуся подбородку на смоченную потом изорванную рубашку, в многочисленные дыры которой видны ребра, обтянутые смуглой кожей, давно не видавшей бани. У солдатика солнечный удар - явление обыкновенное в Средней Азии. Но вот является представитель медицины - фельдшер - в большинстве случаев семитского происхождения. С помощью нашатырного спирта больной приводится в чувство, и счастье его, если открывается кровотечение носом: жизнь спасена. Поддерживаемый товарищами, бредет он к ротному фургону, где уже сидит не один "слабый"; тут же помещается фельдшер, который через краткие промежутки времени мочит ему водой голову, забинтованную куском полотна, и старается мешать ему уснуть, так как сон после солнечного удара может иметь смертельный исход. Дремлющий возница понукает лошадей, и фургон торопится снова занять свое место в длинном ряду других повозок и фургонов.

Бесконечною желтою скатертью раскинулась степь. Как может обнять взгляд, видна только пустыня, изрезываемая кое-где блестящими белыми полосами, - это солончаки. Ни клочка зелени, ни деревца, ни холма - ничего, на чем мог бы отдохнуть глаз, утомленный однообразием этой, Богом обиженной страны.

На бледно-голубом небе нет ни облачка - да откуда бы, впрочем, могло оно взяться, когда нет воды для испарений? Удушливый воздух неподвижен, нет ни малейшего ветра, и это счастье! Сколько раз мне приходилось слышать от новичков в степном походе пожелание, чтобы задул ветер, и затем, когда желание это случайно исполнялось, какие проклятия посылались этому, столь нетерпеливо ожидаемому ветерку! Да и было за что. Представьте себе удовольствие в течение пяти и шести часов идти в облаке мелкого песку, не видя ничего в десяти шагах и пропитываясь пылью, набивающейся в нос, рот, уши. Слезы льются градом, веки опухают и краснеют от постоянного вытирания глаз платком. Очки мало помогают, и наконец на

стекла наседает такой густой слой пыли, что через очки нет возможности ничего увидеть, и в довершение всего, ветер не приносит прохлады и производит на тело впечатление, сходное с тем, какое испытываешь в бане на полке при взмахах веника, пригоняющего на тело струю раскаленного воздуха.

Длинной вереницей тянутся верблюды, нагруженные провиантом, ротными хозяйственными принадлежностями, солдатскими и офицерскими вещами и патронами. На каждые шесть или семь штук полагается по вожатому. Вожатые разных национальностей: персы, туркмены, киргизы. Каждый из них сидит на горбе переднего верблюда, раскачиваясь с апатическим видом взад и вперед и мурлыча себе под нос далеко не музыкальную песенку. Остальные верблюды привязаны друг к другу за хвост или за седло. У многих из проткнутых ноздрей, куда вдета палочка на веревке, капает кровь, что служит доказательством дурного характера этого верблюда, желающего освободиться от своеобразной уздечки. На каждых десять верблюдов назначается солдат или казак, обязанность которого смотреть за вожатым и останавливать свою партию в случае потери какой-нибудь вещи, что случается довольно часто, так как веревки, коими привязывается груз, ослабляются от постоянно качающегося движения верблюда.

Версты за полторы или две видны отдельные группы наездников в три-четыре человека каждая - это наши казачьи разъезды. По временам один или два человека отделяются и рысью скачут в сторону осмотреть какую-нибудь балку или овраг и, не найдя ничего подозрительного, возвращаются на свое место.

- Дяденька, а дяденька! - робко обращается молодой солдатик-сапер к усатому ефрейтору, украшенному двумя крестами и шагающему с сосредоточенным видом и с каким-то озлоблением.

- Чего тебе? - еле повернув голову, спрашивает старый служака.

- Скоро ли "стой" сыграют? Просто моченьки нет, все ноги стер... плаксивым тоном жалуется солдатик, и неподдельное страдание выражается на его молодом, безволосом и глуповатом лице.

- А ты... (тут почтенный ефрейтор употребил довольно сильное выражение) Кто виноват, что надел сапоги? Вот тебя еще в ночные надо назначить, чтоб слушался в другой раз; ведь есть поршни, а то сапоги надо! Деревня! - И ефрейтор сплюнул в сторону.

Солдатик замолчал и продолжал идти ковыляя, стараясь ступать больше на носки.

По наружности ефрейтора видно, что это не новичок в степном походе. Все у него пригнано так, что не стесняет движений. Сума с 120 патронами самодельная, из сукна. Снаружи сделано несколько гнезд, откуда виднеются шляпки патронов: это на случай быстрой, неожиданной надобности сделать несколько выстрелов. Сума на широкой перевязи через правое плечо, и перевязь проходит под поясной ремень, чтобы на бегу сума не хлопала по бедру. Сзади холщовый мешок, на котором ваксой написаны номер роты и начальные буквы имени и фамилии владельца. Мешок так приспособлен, что не шелохнется на ходу; большая деревянная баклажка с водой обтянута войлоком и помещается на правом боку очень удобно. Ноги обуты в поршни, то есть в баранью кожу, без каблуков, и по своей мягкости не оставляют желать ничего лучшего. На голове кепи с назатыльником из куска полотна, защищающего отчасти шею и затылок от жгучих лучей солнца. Одет ефрейтор в белые штаны и красную кумачовую рубашку, так как в походе в Средней Азии форма не соблюдается и какой-нибудь генерал прежних времен, наверное, умер бы от апоплексии при виде роты, одетой в самые комичные и разнообразные костюмы.

Шагах в пятидесяти перед ротой шагает верзила поручик с кавалерийским карабином на плече в сопровождении двух вольноопределяющихся, один из которых горец, уроженец Кавказа, обладает физиономией, способной в сумерках испугать и не очень робкого человека. Поручик, пресимпатичнейшая личность, весь обросший бородой, с высоким, умным лбом, останавливается и поджидает свою роту.

- Что, ребята, устали небось? - спрашивает он солдат, и измученные солдатики сразу подтягиваются, подбадриваются и в один голос отвечают:

- Никак нет, ваше б-дие.

Эта черта характера нашего солдата постоянно мною замечалась: измученный, обессилевший, он всегда старается перед начальником показать себя бодрым и скорее заявить о своей усталости строгому, нелюбимому командиру, чем хорошему - "отцу, что называется".

- А ну-ка, Пузырев, затяни, брат, что-нибудь, - обратился поручик к широкоплечему малому, мурлыкавшему что-то себе под нос.

Во фронте роты произошло маленькое перемещение: человек пятнадцать вышли из рядов и сгруппировались на правом фланге.

Пузырев еще раз затянулся из своей коротенькой, почерневшей трубочки, откашлялся, сплюнул и высоким дискантом начал:

Среди долины ровныя
На гладкой высоте...
Хор подтянул. Лица солдат повеселели, а при припеве:
Ах вы Сашки, канашки мои,
Разменяйте вы бумажки мои...
у многих совершенно непроизвольно зашевелились плечи и ноги. В соседней роте затянули плясовую, а какой-то солдатик выскочил и начал откалывать перед фронтом трепака, с винтовкой на плече и с полуторапудовым багажом на себе, подымая облака пыли, в которых мелькала его приседавшая и прыгавшая фигура...

А солнце жжет, немилосердно жжет... Лошади совершенно измучены и на понукания и удары нагайки отвечают размахиванием головою и хвостом, как бы желая сказать: "Ну, брат, мне теперь все равно, бей не бей, а скорее не пойду". Колонна сделала с утра двадцать четыре версты, и остановка была только два раза по полчаса; еще три версты - и привал на два часа. Боже праведный, да когда же наконец будет этот проклятый холм! Утром в четыре часа, при выступлении с последней станции, он казался так близок, а вот уже идем семь долгих часов и все еще не добрались до него! Впереди колонны едут несколько офицеров; среди них выделяется фигура седого майора, старого кавказца; он начальник колонны. Шагах в пятнадцати сзади едут два казака и горнист - комичнейшая фигура пехотного солдата на обозной лошади пегой масти, с винтовкой с примкнутым штыком за плечами, стремян нет, почему ноги болтаются в воздухе и сам всадник каждую минуту подвергается опасности слететь со своего Буцефала.

Офицеры ехали молча, на физиономии каждого видно было утомление и желание как можно скорее добраться до места привала.

Майор оглянулся назад, посмотрел, далеко ли отстал арьергард, и велел горнисту сыграть "стой".

Горнист снял с перевязи горн, высыпал набившийся в него песок, поднес горн к губам, надул щеки, выпучил глаза - не тут-то было: из трубы вылетали облака пыли, но ничего похожего на сигнал. После нескольких минут усилий горн захрипел и издал нечто похожее на сигнал "стой". Колонна остановилась. Солдаты и офицеры сейчас же легли на раскаленный песок; во многих местах видны были фигуры, лежавшие на спине, поднявши ноги кверху, - лучшее средство, чтобы ноги отдохнули, так как при подобном положении прекращается прилив крови к наиболее уставшим частям тела. Некоторые из солдат жуют сухари, иные, наиболее утомленные, заснули тяжелым сном; артиллеристы

улеглись под передками и зарядными ящиками, чтобы хоть немножко воспользоваться тенью; словом, каждый старался не потерять ни одной минуты кратковременного отдыха, пока подтянутся отсталые. К кружку офицеров, лежащих на бурке, подходит торопливо денщик, останавливается против одного из пехотных офицеров, выпучивает глаза и громко выпаливает:

- Лопнул, ваше благородие!

Барин его, сладко дремавший, при этом громком, странном восклицании быстро вскакивает.

- Кто лопнул? Что ты городишь такое?

- Тилимометра, ваше благородие! - При этом денщик вытаскивает из-за обшлага маленький сорокаградусный термометр Реомюра с лопнувшей трубкой.

Раздается гомерический хохот офицеров. Оказалось, что владелец термометра велел своему Санчо Пансе иметь термометр "под рукой", тот засунул его за обшлаг, и так как температура в этот день была около 47 градусов, то термометр и лопнул.

Горнист сыграл "подъем". С неохотой поднялись солдатики, выстроились и пошли бодрее, однако, так как давно желанное место привала было всего только в двух верстах. Еще полчаса - и там три часа отдыха, чай, суп...

Офицеры заранее отдали распоряжение денщикам насчет закуски, и всем стало казаться, что солнце вовсе не так сильно жжет, как прежде, и что вообще степной поход ничего себе, пока есть что закусить и выпить; таков человек: съест бочку дегтя и в предвкушении ложки меда находит, что и деготь не особенно дурен.

Но вот и холм... Ура, привал! Пьем, едим и спим.

3. Укрепление Бендессен и охотники

Трудно решить вопрос: когда впервые появились охотничьи команды в русских войсках? История передала нам имена знаменитых начальников партизан Отечественной войны 1812 года: Фигнера, Сеславина, Дениса Давыдова и др. Были ли они основателями охотников или только расширили деятельность этих последних - не знаю, но мне кажется, что начало существования охотников во время войны восходит до глубокой древности. Во всякое время и везде были люди, мало дорожившие жизнью и ставившие ее на карту или из любви сильного ощущения, или для приобретения отличия; такие-то люди и положили краеугольный камень в основание охотничьих команд.

Но что такое охотники? - спросит, быть может, читатель, какой-нибудь мирный гражданин, трепещущий при слове "война" и видевший кровь только в мало прожаренном бифштексе.

Охотники, многоуважаемый читатель, - люди, идущие

"охотно" на смерть. Вам, может быть, это покажется смешным, и вы, пожав плечами, скажете: не понимаю людей, желающих рисковать жизнью из-за получения ордена, когда последний можно получить и за мирные отличия, и вы, быть может, с важным видом поправите орден Станислава, висящий на шее и полученный за просиженную в двадцать лет службы дюжину стульев в департаменте.

Представьте себе, многоуважаемый читатель, что находятся люди, подставляющие лоб даже не ради креста или чина, а ради ощущения: пылкая кровь бурлит у них в жилах, ударяет в голову и заставляет делать сумасбродно храбрые вещи. Подобные-то организмы, понятно, неиспорченные плесенью сидячей канцелярской жизни и поставляют главный контингент людей в охотничьи команды. Этими искателями сильных ощущений являются главным образом офицеры и вольноопределяющиеся, то есть люди образованного класса; солдатики же в большинстве случаев идут в "охотники" в силу присущего им фатализма или же из честолюбия - для получения "Егория"; попадаются иногда и поистине отчаянные головы, нетерпимые в роте, но неоценимые в охотничьей команде. Вообще же, как я замечал, охотники - народ развитой, ловкий, сообразительный, не теряющийся в минуты самой страшной опасности и наиболее способный обойтись в деле без указаний офицеров.

Но, может быть, читатель спросит, какая же обязанность охотников? Чем отличается их деятельность от деятельности обыкновенных регулярных команд?

Охотникам обыкновенно поручаются самые опасные предприятия: им поручается разведывание сил неприятеля, отыскание удобных мест для нападения на лагерь или укрепление; они обязаны тревожить неприятеля, уничтожать мелкие неприятельские команды, отбивать транспорты, узнавать движение неприятеля и мешать ему неожиданно напасть на наши главные силы; но главное и наиболее почетное - это обязанность первыми идти на штурм.

Хороший охотник должен обладать качествами североамериканского дикаря: без шума, как змея, проползти через линию неприятельских аванпостов, все что надо высмотреть при случае, не производя тревоги, покончить с каким-нибудь чересчур внимательным часовым и вернуться обратно с необходимыми сведениями - вот что должен уметь исполнить каждый, претендующий на почетное название охотника. Для этого требуется известная подготовка или, вернее сказать, способность сбросить с себя цивилизованную оболочку и вернуться к тому доброму, старому времени, когда люди соперничали с дикими

зверями в легкости движений и в изощрении органов зрения, слуха и обоняния.

Сообщив читателю общие, краткие сведения об охотниках вообще, я начну теперь описание укрепления Бендессен - главного местопребывания охотничьей команды Ахал-Текинской экспедиции - и познакомлю читателя с некоторыми типичными личностями маленького гарнизона этого важного пункта.

Бендессен лежит довольно высоко над уровнем моря - около тысячи футов - и господствует над долиной, находящейся между горами Копет-Дага. Долина эта представляет одно из немногих мест, на которых может успокоиться взор наблюдателя, утомленный однообразием глинистой или песчаной почвы так называемого Ахал-Текинского оазиса. Орошаемая ручейками, берущими начало из источников у подножия скал Копет-Дага, долина эта в первый раз предстала моим глазам, покрытая роскошной растительностью. Трава в некоторых местах превышала рост человека. Но, Боже мой, что сталось с этим плодородным уголком после основания в Бендессене верблюжьего лазарета или, вернее сказать, верблюжьего кладбища, так как из этого лазарета ни один верблюд не выходил живым! Но об этом после, вернемся к Бендессену. Само укрепление находится на вершине скалы и представляет почти неприступное место, для текинцев по крайней мере; только с тыла оно плохо защищено, так как здесь гора, на которой находится этот ахал-текинский Гибралтар, пологостью соединяется с близлежащими холмами и путем к Бендессенскому перевалу.

Укрепление Бендессен расположено на углу, образуемом двумя перпендикулярно пересекающимися путями; один из них, по долине, ведет в укрепление Ходжа-Калу, другой, по ущелью, в Бами - главный пункт стоянки наших войск с конца июня по ноябрь 1880 года. По другую сторону ущелья, в расстоянии шагов двести, находится крутая, господствующая над укреплением скала, где днем помещается пикет от бендессенского гарнизона в числе пяти или шести человек. Этот пикет обозревает долину на протяжении верст шесть или семь. Самое укрепление Бендессен состоит из полукруглой траншеи, обороняющей тыл, и из маленького редутика, в котором во время моего там пребывания находились два медных четырехфунтовых орудия. Гарнизон - две роты: одна Самурского полка, другая Апшеронского; охотничью команду нельзя считать, так как она бывала почти всегда в разброде, в горах, на охоте за текинцами. Обе роты находились собственно в укреплении, то есть на скале, охотники же - внизу, у подошвы. Высота утеса над долиной саженей двадцать пять-

тридцать; в углу его, на уровне земли, находится пещера, обращенная еще текинцами в род укрепления, а именно - сделана глиняная стенка с бойницами, защищающая эту пещеру с фронта, то есть со стороны ущелья, ведущего к перевалу.

Со стороны долины, у подножия утеса, протекает ручеек, затопляющий значительное пространство и одновременно оплодотворяющий почву и отравляющий воздух, так как гниющий в стоячей воде тростник и другие органические вещества порождают зловоние, обоняемое на далеком еще расстоянии от Бендессена. На берегу этого ручья расположена биваком охотничья команда. В недалеком расстоянии разбиты коновязи артиллерийских лошадей, находящихся в Бендессене на подножном корму. На ночь здесь же помещаются верблюды и бараны. Атмосфера вечером невыносимая. Теперь, когда я пишу эти строки, для меня непонятно, как мы не задыхались в этом газометре углекислоты и сероводорода; присутствие последнего особенно чувствовалось в воде, сильно отзывавшейся гнилыми яйцами. А между тем сколько счастливых часов проводил я в этой атмосфере, на берегу этого ручья, в логовище армянина-маркитанта, в дружеской беседе с товарищами, за бутылкой скверного кислого вина, казавшегося тогда хорошим в пылу разговора о севере, о всем дорогом, что осталось дома, о предстоящих делах и штурме Геок-Тепе! Странное существо человек! Теперь, когда все миновало, телесные и душевные раны закрылись, когда находишься в иной, комфортабельной обстановке, пользуешься благами цивилизованной жизни, - тянет в эту дикую степь, к этим лишениям и к ставке жизни на карту. Сердце ноет и щемит при взгляде на бурку, на которой год тому назад лежал и при тусклом освещении огарка болтал с людьми, из которых осталось на свете меньше половины. Вспоминаются даже отдельные фразы, какое кто занимал место в кибитке, где чья шашка и револьвер висели; чайник без ручки, фляга, заткнутая бумагой вместо пробки, и глупая рожа денщика, являющегося с крышкой от кастрюли, полной дымящегося и шипящего шашлыка - все это я вижу как теперь, как будто это было вчера. Вижу доброе, симпатичное лицо прапорщика Усачева, задумчиво смотрящего куда-то вдаль, в неосвещенный угол кибитки, как будто предчувствующего свою преждевременную смерть на штурме. Вот смуглый Готто, подпоручик Апшеронского полка, барабанящий пальцами правой руки по надтреснутой тарелке, а левой рукой крутящий свои черные усы. Бедняга! Не думал я, что только эти черные усы будут признаком, по которому я узнаю его обезображенный сабельными ударами труп после вылазки 28 декабря! Не смейтесь, читатель, над этим

сентиментальным отступлением; бывают минуты, когда воспоминания о пережитом нахлынут в голову, и тогда, несмотря на всю дрессировку характера, становится тяжело и все это ощущение выливается на бумагу.

Человек, не бывавший в походе, не понимает, что значит связь между людьми, являющаяся следствием бивачной, боевой жизни. Весть о смерти людей, с которыми я сталкивался и жил вместе во время моей мирной жизни, не может так на меня подействовать, как смерть человека, с которым я был в походе. На биваке, под открытым небом, под пулями - нет этикета, нет правил церемоний и приличий, не позволяющих людям сближаться. Все это порождение нашей цивилизации остается в последнем цивилизованном пункте, и на место этого являются товарищеские, братские отношения, скрепленные стремлением достигнуть общей цели ценою крови и желанием той же дорогой ценой поддержать блестящую славу нашего оружия. Вот почему два человека, бывших вместе на войне, через много лет встречаются не как посторонние, а как друзья, как братья по крови, пролитой для общего дела. Воспоминания о пережитых вместе трудах и опасностях связали их навсегда. В походной жизни мало мелких интересов и интриг, да и трудно предположить, чтобы в виду смерти, грозящей каждому, являлось желание подставлять друг другу ногу, повредить один другому, что мы видим в мирное время в городах, где идет так называемая борьба за существование.

На войне, где эта борьба между национальностями достигает грандиозных размеров, где идея борьбы олицетворяется свистом пуль и потоками крови, нет места для единичной борьбы; там царствует товарищество в широких размерах, и воспоминания о пережитом остаются на всю последующую жизнь соединяющим звеном между повсюду раскинутыми знакомыми между собой соратниками.

После этого немного длинного отступления я введу читателя в укрепление Бендессен. Человек с самыми здоровыми легкими почувствует одышку, подымаясь на эту крутизну по извилистой, каменистой тропинке, вьющейся под углом градусов в сорок. С передышкой наконец мы с вами на вершине.

Вы видите не особенно большую площадку, ограниченную с трех сторон крутыми обрывами и занятую кибитками и палатками. Почти в центре маленький редутик, где на солнышке прохаживается артиллерист-часовой, оберегая два медных орудия и два передка. Передняя часть площадки, обращенная к долине, занята преимущественно офицерскими кибитками. Все кибитки поставлены фронтом и выравнены, как солдаты на параде. В

центре офицерских кибиток находится комендантская. Но прежде чем ввести вас туда, читатель, я объясню вам, что такое кибитка.

Для человека, не бывшего на наших восточных окраинах, кибитка может представиться родом опрокинутого допотопного русского экипажа, как одна наивная барыня и предполагала. Кибитка есть круглое, переносное здание, настолько обширное, что в нем может поместиться более дюжины человек, спящих на земле по радиусам. Представьте себе четыре или пять решеток, высотой около сажени; решетки эти не прямые, а выгнутые. Составленные вместе, они образуют цилиндр, диаметр основания которого может быть различный; снаружи этот цилиндр обтягивается кусками кошмы, причем, чтобы ветер снизу не поддувал, к низу на пол-аршина присыпается земля. Крыша состоит из дуг, образующих полушарие и также обтянутых кошмой - вот вам примитивное жилище наших кочевников, а также и войск на походе в тех местах, куда Макар телят не гонял.

Теперь, читатель, когда вы, обладая некоторой долей воображения, представили себе, что такое кибитка, я введу вас к милому, что называется душе-человеку, подполковнику Генерального штаба В-ву, занимающему пост коменданта укрепления Бендессен и командующего войсками этого укрепления. Не пугайтесь громкого титула, обладатель коего встретит вас очень любезно.

Обеденное время, то есть полдень. Немножко жарко, иначе говоря, на солнце 46 градусов, в кибитке же всего 39 или около этого; несмотря на эту температуру на столе стоят бутылки со спиртом, водкой и коньяком наполовину пустые: вы попали как раз во время закуски, когда господа офицеры выпили "по второй". Пара коробок с сардинками и кусок сыра составляют для похода роскошную закуску. Сборные тарелки, всевозможных и невозможных видов ложки и ножи красуются на столе, ибо угощение от коменданта, но каждый является со своим прибором, так как больших сервизов в походе не полагается возить с собой. Так как дам нет, то хозяин и гости относятся довольно небрежно к своему туалету, иначе говоря, сидят без сюртуков, причем любезный читатель извинит, если заметит, что сорочки не первобытной белизны: виноват не недостаток чувства опрятности, а недостаток прачек.

Представлять вам, читатель, общество офицеров не буду, скажу только, что ребята всё славные.

- Ух жарко, - замечает совсем черный поручик с сильным восточным акцентом и вытирает лицо мохнатою рукой, похожею на лапу медведя.

- Ну, еще сегодня ничего, это тебе кажется от водки, -

возражает сонный гардемарин флота, наливая, вопреки своим словам, полстакана какой-то мутной жидкости из бутылки с этикеткой "Столовое вино вдовы Попова". Кряк!.. - Стакан опрокинулся в горло, страшная гримаса - и огромный кусок хлеба исчезает в пасти достойного сына русского флота, хватившего по ошибке вместо водки чистого спирта.

- Ну и глотка, - глубокомысленно замечает сотник Таманского казачьего полка, курящий перед обедом, вопреки всем правилам приличия, свою люльку и выпуская клуб дыма прямо в рот подпоручика артиллерии, собирающегося проглотить кусок сыра.

Последний начинает кашлять, давится сыром, слезы градом льются. На помощь является командир охотников, молодой капитан, и могучим ударом кулака в шею спасает сонного артиллериста от позорной смерти задушения. Общий хохот, причем пострадавший вознаграждает себя за претерпенное мучение хорошим глотком коньяку.

- Господа, суп идет, - восклицает гардемарин, видя входящего денщика с миской и начинает приводить в порядок тарелку, смахивая ее чем-то похожим и на салфетку, и на носовой платок, и на полотенце, но более всего на грязную тряпку. Крошки хлеба летят в лицо тому же злосчастному артиллеристу. Последний в негодовании вскакивает и наступает на лапу большого пса, смирно лежащего под столом. Визг, лай; сделанный на живую руку стол наклоняется на одну сторону, падает одна из бутылок с драгоценной влагой, и содержимое выливается на красные кожаные туркестанские штаны коменданта.

- Ну, что вы расшалились, вот, ей-богу, малые ребята, - замечает добродушно комендант, вытирая пострадавшую часть костюма салфеткой.

Воцаряется спокойствие. Слышны только стук ложек, жеванье и неистовый шум, производимый мириадами мух. По временам энергичное восклицание кого-нибудь из сотрапезников, которому сразу упало в суп штук пять мух или, что еще неприятнее, одно из этих насекомых влетело в рот или ноздрю. Несмотря на жару, аппетит превосходный и тарелки с горячим, как кипяток, супом очищаются преисправно.

- Что на второе? - спрашивает хозяин у денщика, вытирая свои длинные русые усы.

Денщик, стоящий у дверей и с сосредоточенным видом вытирающий тарелки замасленным рукавом сюртука, глупо осклабляется и приятным тоном докладывает: "Бикштепс с рысом, ваше в-дие!" Является и это кушанье; но, Боже мой, читатель, что это за блюдо: объедение, да и только - черные обуглившиеся

куски чего-то без подливки, прилипшие к крышке от кастрюли, и огромная миска круто сваренного риса. Но как это вкусно в походе! В мгновение ока все это исчезает в офицерских желудках - и является сладкое блюдо: плов с бараниной, изюмом и черносливом - и все это плавает в прогорклом масле. Это лучшее и любимое кушанье в Средней Азии представляет то удобство, что ни один денщик, он же и повар, не может испортить блюдо, так как хуже, чем оно есть, оно быть не может.

Офицерство сыто; закурены папиросы, трубки, люльки - все дышит и наслаждается кайфом. В это время за кибиткой слышатся странные звуки: пуф, пуф, пуф... Это денщик или ординарец раздувает самовар. Вот наконец и чай на столе, и неизменный клюквенный экстракт Мартенса, и коньяк, и даже - о роскошь! - английское печенье! Буквально сегодня пиршество. Несмотря на сорокаградусную температуру, любители чая выпивают стаканов по шести, по восьми; можно подумать, что находишься в обществе чревообъемистых московских купцов; оно, впрочем, и понятно - организм требует пополнения жидких веществ, теряемых в большом количестве через испарину при этой жаре.

После чаепития в обществе замечается сонливость. Шутки и остроты слышатся реже, не столь энергично уже отмахиваются от мух, и раздаются проклятия, посылаемые этому общему врагу. Гардемарин М-р деятельно занимается уничтожением крылатого противника, для чего насыпается на столе небольшая кучка мелкого сахара; мухи черной массой покрывают сахар, тогда на эту массу осторожно опрокидывается стакан дном вверх. Боже мой, что за содом происходит в стакане! Страдания несчастных крылатых пленников прекращаются после того, как под стакан осторожно просовываются две-три зажженные серные спички. Сера удушает мух, и они, одна за другой, падают бездыханными на сахар. Но и это занятие наконец надоедает нашему молодцу; изрекая глубокомысленно: так наказывается обжорство, он позевывая уходит. Через минуту слышится его сильный, грудной голос: "Хрящатый (фамилия матроса денщика), раздень меня!" И через пять минут из кибитки, где покоится молодой моряк, раздается храп; через несколько минут во многих местах слышится повторение этого храпа басом, дискантом или с присвистом: гарнизон укрепления Бендессен погрузился в послеобеденный сон.

Пользуясь этим общим сном, я расскажу читателю вкратце историю основания укрепления Бендессен и трагической кончины доктора Студитского, послужившую отчасти причиной к этому основанию.

Когда отряд проходил в половине июня из Ходжа-Калы в Бами, укрепления Бендессен еще не существовало. От Ходжа-Калы до Бами более сорока верст, и эти сорок верст обыкновенно составляли один переход. Уже тогда начальствующими лицами была создана необходимость устроить укрепление в Бендессене, которое, помимо важного стратегического пункта, лежащего на пересечении двух главных текинских дорог, должно было бы служить пунктом пастьбы лошадей как единственное место, изобилующее травой; но все-таки тогда Бендессен не был занят, вероятно, по причине малого размера отряда, дробить который Скобелев не мог.

В это время около Бендессена постоянно шлялись текинцы более или менее значительными партиями. Несколько джигитов, то есть мирных туркмен, находившихся у нас на службе и употреблявшихся для почтового сообщения по военной линии, были убиты и ограблены, так что стало трудно заставлять джигитов исполнять возлагаемую на них обязанность. Стали посылать джигита вместе с казаком.

В последних числах июня случилось, что джигит вернулся без казака и сообщил, что последний убит и ограблен текинцами, а что он сам спасся благодаря быстроте своей лошади. Явилось подозрение в правдивости его слов и причастности его к убийству казака. Доктор Студитский, состоявший в распоряжении генерал-адъютанта Скобелева, был им командирован для вскрытия трупа и определения, если окажется возможным, в каком направлении и на каком расстоянии последовал выстрел, убивший казака.

Студитский поехал с конвоем из двенадцати казаков; конвоем командовал урядник барон Л-н. До Бендессена этот маленький отряд добрался благополучно, но здесь, повернув в долину, увидел несколько текинцев. Покойный Студитский, человек пылко храбрый, немедленно порешил напасть на них, но намерение это не могло быть приведено в исполнение, так как появились текинцы в числе около 300 человек. Казаки спешились, взвели лошадей на пригорок и залегли за камнями; позиция была не из хороших, но выбирать не было времени, оставаться же на открытом месте было равносильно немедленной гибели. Текинцы смело подошли на очень близкую дистанцию и были встречены дружным залпом, что сразу убавило у них храбрости. Тогда началось баснословное дело - борьба 12 с 300.

Текинцы начали заходить во фланг, и перестрелка уже началась на расстоянии нескольких десятков шагов, причем обе стороны использовали валуны как укрытия. Для того, чтобы читатель лучше понял условия боя, он должен себе представить цепь утесов, перед которой, шагах в ста расстояния, тянется

небольшая цепь каменистых холмов.

Студитский со своими казаками засел с наружной стороны вершины одного из этих холмов, то есть со стороны, обращенной к долине; текинцы же пробрались в промежуток между главной цепью и холмами и заняли позицию по внутреннюю сторону, так что враги были разделены только вершиной холма. Большинство текинцев было вооружено берданковскими винтовками, отбитыми у нас при штурме Геок-Тепе в несчастную экспедицию 1879 года, в так называемую экспедицию трех гениальных сиятельных вождей: графа Берга, князя Долгорукова и князя Витгенштейна.

Наиболее смелые текинцы подползали на несколько шагов и падали жертвами своей смелости. Один был убит на таком близком расстоянии, что казак, протянув руку, взял ружье, оказавшееся нашей берданкой с вновь сделанной ложей, украшенной серебром. Этот неравный, невозможный бой продолжался с 9 часов утра до 4 вечера, причем замечательнее всего то, что текинцы не решались броситься в шашки, что было бы неминуемой гибелью для наших храбрецов.

Студитский стрелял из револьвера, а потом из отбитой винтовки и при всяком удачном выстреле произносил энергическое словцо. Казаки, по их собственным словам, останавливали его, а равно не советовали высовываться; причем они мне сами говорили, что приписывают его смерть главным образом его невоздержанному языку. Надо знать религиозность казаков и вообще солдат. Они во время боя настолько же скромны в выражениях, насколько грубы и нескромны в обычной жизни; они считают громаднейшим грехом в деле браниться, боясь предстать на страшный суд с осквернеными устами, и человек, бранящийся в бою, по их мнению, наверняка становится жертвой пули. Привожу подлинные слова одного из казаков, рассказывавшего мне на самом месте смерти Студитского весь ход этого геройского дела.

"Убили их б-дие господина дохтура потому, что они ругались. Статочное ли дело в бою сквернословить? А они, как выпалят из ливолвера, увидят, что попали, сейчас в ладоши хлопают и говорят: а, так, говорят, тебя такого-сякого и надо. Мы им, ваше б-дие, говорили, что, мол, ваше б-дие, нехорошо ругаться, а они все... и потом совсем бесстрашные - высовываются поминутно из-за камня, одна проклятая и зацепила им ухо; они это отерли кровь и говорят: пустяк, плохо, брат, прицелился! Постреляли они еще, и стало им отселева стрелять неловко (указывает на большой камень, весь испещренный свинцовыми блестками - следами ударявшихся пуль), захотели они перейдтить на другое место и только это приподнялись, как пальнет один оттудова

(казак показывает на валун шагов в 20-25, где лежал выстреливший текинец). Они схватились за бок, упали и говорят: "Прощайте, братцы, кланяйтесь жене". Пошла у них ртом кровь и померли. Вот и кровь их, ваше б-дие". - И казак указал на большое темное пятно на камне и, сняв папаху, набожно перекрестился.

Замечателен также факт, что один казак с раздробленной нижней челюстью продолжал стрелять. Полученная им вторая рана в бедро не заставила его выпустить ружья из рук, пока пуля не попала в грудь; тогда он перевернулся на спину, перекрестился и отдал Богу свою мужественную, преданную отечеству душу. Велик русский человек в своей вере и умеет так умирать, как ни один другой народ!

Со смертью Студитского казаки почувствовали на половину уменьшение энергии. Барон Л-н, плохо говорящий по-русски, не мог их воодушевить, да и по своему характеру не мог быть начальником этой горсти храбрецов. К счастью оставшихся в живых, в пятом часу показалась рота, шедшая из Ходжа-Калы в Бами или наоборот - не помню уже теперь. Текинцы, не ожидавшие подобного сюрприза, обратились в бегство, но не настолько быстро, чтобы не успеть получить от роты приветствия в виде залпа.

Тела доктора Студитского и убитых казаков были отвезены в Ходжа-Калу, где и преданы земле со всеми почестями, приличествующими подобным героям. Оставшиеся в живых получили по два знака отличия военного ордена: 4-й ст. от Скобелева и 1-й ст. от в Бозе почившего императора Александра П.

Весть о смерти Студитского сильно поразила Скобелева. Через несколько дней было отдано приказание занять Бендессен и устроить там укрепление на две роты во избежание возможности повторения несчастных случаев с джигитами или вообще небольшими отрядами, проходящими через наиболее любимое пристанище текинских шаек.

Теперь, читатель, я вас сведу вниз и покажу так называемый верблюжий лазарет. Отдавая справедливость гениальным военным способностям Михаила Дмитриевича Скобелева, я тем не менее должен сказать, что он во время приготовлений к началу военных действий следовал советам близких к нему людей, не вполне способных советовать. Характер Скобелева настолько увлекающийся, что он в первом порыве найдет совет хорошим и приводит его в исполнение, когда же позднее увидит, что теория с практикой не сходится, то отменять отданное распоряжение он не станет, следуя тому правилу, что раз отданное военачальником приказание свято должно быть исполнено.

Кто-то дал ему совет устроить в Бендессене верблюжий лазарет, а может быть, и самому ему пришла в голову эта идея, с первого взгляда вполне удобная для исполнения. Бендессен действительно изобилует травой и по своему местоположению представляет все удобства для охраны значительного количества скота, находящегося у подножия скалы под покровительством ружейного и орудийного огня с вершины этой скалы. Но мало устроить лазарет и иметь ветеринарного врача с фельдшером: надо иметь медикаменты и возможность не посылать на работу больных верблюдов; эти два последние обстоятельства были упущены из виду, и верблюжий лазарет стал общим посмешищем. Был даже начальник этого лазарета, исписавший массу бумаги, донося ежедневно о кончине такого-то и такого количества верблюдов. Теперь надо вам объяснить, читатель, чем страдали эти бедные животные, которым всем обязана экспедиция. В этих странах верблюд главное перевозочное средство, так как телеги ломаются ежеминутно и упряжные лошади не выдерживают пути; "корабль же пустыни" идет себе, переваливаясь, три-четыре дня без пищи и воды, неся на себе грузу около восьми пудов.

Главная болезнь этих животных заключается в поранении спины, являющемся следствием дурных седел и тяжелой нагрузки; это, впрочем, вполне понятно: если у верховых лошадей при превосходно пригнанных и укрепленных седлах очень часто "набивается" спина, то что же удивительного, что при раскачивающейся походке верблюда примитивно устроенное седло, лежащее на тонком, изодранном потнике и ничем почти не укрепленное на спине, с тяжелым грузом, постоянно ёрзает взад и вперед и в конце концов сдирает бедному животному мясо на спине и боках. Климатические же условия таковы, что самая небольшая рана разбаливается от пыли и массы мух, не говоря о жгучих лучах солнца, способствующих воспалению и гниению; являются черви и, за недостатком медикаментов и ухода, остановить увеличение раны невозможно. Кроме того, верблюды, начинающие поправляться, посылаются на работу, отчего подживающие раны растравляются и животное, которое при пяти или шестидневном отдыхе выздоровело бы, тут околевает; но, выбирая между тем, что солдаты будут несколько дней сидеть без провианта или дров, или, что еще хуже, без патронов, или что околеет дюжина верблюдов, приходится жертвовать последними.

Итак, читатель, пойдем теперь с вами и посмотрим на этих бедных, страждущих "кораблей пустыни". Они теперь возвращаются с пастбища, и сейчас будет производиться так называемая перевязка. Вот впереди идет, покачиваясь, верблюд с сравнительно короткой мохнатой шеей и хохлом, падающим на

лоб: это один из уроженцев киргизских степей, которые считаются самыми здоровыми и выносливыми. На горбу сидит вожак-перс в разноцветных лохмотьях и тянет какую-то невозможно дикую и унылую мелодию. Длинной вереницей двигаются пациенты, оглашая пространство скрипучим криком и заражая воздух отвратительным запахом гниющих ран. Наконец все явились и заняли четырехугольник, ограниченный широким, но мелким рвом; начинается укладывание их на колени, причем рев становится оглушительным: упрямые звери не хотят слушаться вожаков, причем не помогает самое энергичное дерганье за веревку, продетую в нос. Являются помощники-солдаты с поленьями и палками в руках; несколько добрых ударов по передним ногам - и верблюд хотя и с яростным ревом, но опускается на колени; большинство уложено, но вот один из наиболее сварливых неожиданно подымается, соседи следуют его примеру - и пошла потеха! Воздух оглашается ревом, руганью вожаков на непонятных наречиях и русскими крепкими словцами. Содом и Гоморра! Наконец пациенты успокоились и с самым глупым видом жуют свою вечную жвачку. Является фельдшер с каким-то сосудом, наполненным скипидаром; подходит к верблюду, которого за веревку держит вожатый, и льет скипидар на рану; верблюд ревет, хочет приподняться, не может и ограничивается тем, что с яростью выплевывает свою жвачку.

На рану накладывается тряпка, напитанная скипидаром, и прикрепляется двумя веревочками, проходящими под брюхо. Та же операция повторяется со всеми больными; но вот одному надо разрезать нарост, который, созревши, может образовать опасную рану, это одна из верблюжьих болезней. Верблюжий эскулап ставит бутыль со скипидаром на землю, с важным видом вынимает из кармана фельдшерский набор и собирается приступить к делу. Вожак, заинтересованный операцией, выпускает веревку из рук и наклоняется посмотреть; фельдшер, для удобства взмостившийся на самого пациента, вонзает ланцет в нарост и быстрым круговым движением разрезает его. Верблюд с ужасающим, яростным ревом быстро подымается; оператор летит вверх ногами на землю, верблюдовожатый получает удар задней ногой в брюхо от неблагодарной скотины и от этого могущественного удара отлетает в сторону; слышится звон разбитого стекла, крик, и несчастный перс, с искаженным лицом, устремляется в ручей; он при падении уселся на бутыль и осколками стекла произвел себе поранение ниже спины, а скипидар еще прижег ему эти невольные раны. Верблюд, пользуясь обстоятельствами, бежит к мостику через ров и своим криком пугает лошадей, начинающих ржать и биться на коновязи.

Артиллеристы и казаки устремляются их успокаивать, ругая верблюдов и давая на ходу пинки ни в чем не повинным верблюдовожатым, старательно связывающим передние ноги своим питомцам, так как дело идет к ночи. Наконец смятение утихает, верблюды жуют, неподвижно лежа на коленях, озаряемые розовыми лучами заходящего за горы солнца, и картина имеет самый мирный характер; но долго еще не умолкает хохот солдат, бывших свидетелями комичной сцены с оператором-фельдшером и персом.

Теперь, читатель, поднимемся снова на холм, так как пора пить чай, а после чая составится маленький штоссик. Приятная свежесть сменяет раскаленный зной дня; обитатели кибиток и палаток сидят у входа на складных стульях и курят, наслаждаясь dolce-far-niente. Темнота наступает быстро, и лиловые краски Копет-Дага и Персидских гор приобретают более темные оттенки.

Мысли невольно принимают сентиментальный характер под впечатлением хора солдат, затянувших заунывную песню. На темно-синем небе зажигаются одна за другой звезды, но луна еще не показалась из-за гор; вот, наконец, и царица ночи начинает слабо освещать верхушки хребта матовыми лучами, подымается все выше и выше и заливает своим бледно-голубым светом всю равнину, отражаясь в зеркальной поверхности ручья.

Глиняная башня, в полуверсте расстояния, кажется каким-то призраком в белом саване. Картина чудная, на душе и хорошо, и щемит сердце отчего-то. Внизу блестят огоньки костров, разложенных верблюдовожатыми, и гортанная речь их далеко разносится в ночной тишине. Нет-нет и на коновязи послышится ржание бьющихся лошадей и окрик артиллериста или казака: "Ну, легче, дуйте горой" - и снова все погружается в тишину. Но вот слышится голос денщика коменданта: "Самовар подан, ваше б-дие". Подполковник В-ов, задумчиво смотревший на равнину, медленно подымается с походной табуретки и, захватывая ее с собой, приглашает нас выпить чаю. Но чай без водки и закуски немыслимая вещь; в той же кибитке, где мы были ранее с вами, читатель, на столе стоит самовар и дымящийся шашлык: сначала закусим, а потом выпьем чайку; уютно, хорошо чувствуешь себя в обществе славных товарищей; разговор вертится на разных случаях, на предположениях о движении вперед и на происшествиях дня.

Часов девять вечера.

- А что это транспорт не идет?.. Пора бы, - говорит молодой артиллерист, ни к кому в отдельности не обращаясь. Никто не успевает ему ответить, как дверь кибитки отворяется, просовывается голова нашего ветеринарного врача, изрекающая:

"Транспорт показался, господа". Вся компания бросает чаепитие и устремляется из кибитки встречать транспорт.

Великое дело в жизни гарнизона маленькой крепостцы приход транспорта! Есть надежда получить письма, газеты; являются арбы торговцев-армян с разными яствами и питиями; от начальника транспорта узнаешь разные новости из тыла или из передового отряда, смотря откуда двигается транспорт, словом - развлечение большое.

Версты три от Бендессена, по дороге в Ходжа-Калу, виднелось облако пыли, среди которого иногда выделялось нечто блестящее и затем снова пропадало: это луна играла на штыках роты, конвоировавшей транспорт. Слышался глухой шум массы двигавшихся животных и людей, и иногда чуть слышно выделялся скрипучий звук, но не было возможности отличить, крик ли это верблюда или скрип арбы. Уже совсем близко от Бендессена виднелись человек пять всадников, быстро приближавшихся рысью; у двух или трех фигур блестели погоны.

- А вот и еще партнеры для штосса, - заметил радостно Александр Иванович Сл-кий, командир охотников, храбрейший офицер и страстнейший любитель азартных игр.

Фигуры подъехали к подножию холма, послышалось приказание подольше водить лошадей, и через несколько минут наши глаза узрели, кого посылает нам в гости судьба. Приехали два пехотных офицера и казак, за ними шел джигит-туркмен, привезший почту. Офицеры оказались знакомыми всем нам, и вот вся компания гурьбой вернулась к чайному столу, где вновь приезжие начали рассказывать новости и утолять свой голод и жажду. С нетерпением следим мы за распечатыванием комендантом большого пакета с почтой. Каждый интересуется получить весточку с далекого севера и узнать новости из газет. Вот и письма, месяца полтора или два путешествующие из России. Нарасхват берутся газеты и узнается, что творится в цивилизованном мире.

Наиболее интересное читается вслух, и неописуемая радость выражается на лицах при известии, что буры поколотили англичан и что дела их в Кандахаре очень плохи. Несчастливцы, не получившие писем и не успевшие поживиться газетами, расспрашивают вновь приезжих о делах в тылу, узнают чекешлярские новости, справляются, как идут дела с доставкой провианта и войск с западного берега Каспия и о том, когда, наконец, есть надежда двинуться под Геок-Тепе.

Но вот приезжие утолили наконец свой голод и жажду, главные газетные новости узнаны, предметы разговора истощились, пора наконец приняться за карты.

Я не принадлежу к числу людей, защищающих картежную игру, хотя и сам не прочь иной раз поставить "туза в цвет и в масть по рублю око"; бесспорно, азартная картежная игра развивает дурные инстинкты в человеке, разжигает его страсти и приучает к мысли о возможности легкого обогащения, так как ни один истый игрок, садясь метнуть малую толику, не допускает мысли проиграть; итак, безусловно, азартная игра вещь безнравственная, но... Здесь читатель, наверное, подумает, а может быть, и громко скажет: "Ну хорош гусь: только что высказал ходячие истины о безнравственности игры и осмеливается еще ставить но!"

Да, читатель, не во гнев вам ставлю "но" и продолжаю далее.

В походе, там, где полный недостаток пищи для ума, где те же люди, случайно сведенные судьбой, составляют в течение долгих месяцев замкнутое общество, элементы которого не обновляются, где все давно переговорено, где каждый узнал привычки и характер другого до мельчайших подробностей, где поэтому царствует скука и невыносимая апатия, игра в карты, по-моему, не является таким пороком, как в центрах общественной жизни, в больших городах, где жизнь дает все средства развлекать ум, где исполнение обязанностей гражданина и семьянина не дает времени скучать, где, следовательно, карты являются приманкой для быстрой и легкой наживы. Всему свое место: в обществе людей, измученных однообразной жизнью, где никто не может поручиться за полтора часа дальнейшего существования, игра не является пороком и не производит на постороннего наблюдателя того чувства нравственного омерзения и негодования, которое должно являться при взгляде на толпу игроков, окружающих с искаженными страстью лицами рулетку в Монако, куда их привело желание легко и быстро нажиться. Итак, читатель, отнеситесь снисходительно к этому злу, общераспространенному повсюду: как в походе, под кровом палатки, где "гнется" офицерство, так и в Питере в чертогах знатных людей, "винтящих по высокой", и посмотрим на игру.

Со стола убраны все принадлежности закуски и чаепития. Две свечи поставлены на углах, и лежат чистые листы бумаги по числу играющих.

Публика рассаживается, распечатаны несколько колод карт.

- Ну, господа, кто же держит банк? - спрашивает усатый сотник, постукивая колодой карт по столу.

Ответом служит молчание.

- Если никто не хочет, я заложу, - отзывается молодой моряк.

- Нет, нет, господа, - говорит комендант, - это не модель. Вынимайте карты, и у кого младшая - тот банкомет; в банке не

меньше двадцати пяти рублей серебром; сорвут - можете заложить еще раз, а затем банк переходит поочередно слева направо. Согласны?

Предложение нашего милого коменданта принимается с шумным одобрением. Жребий выпадает Сл-кому, командиру охотников. Пока Александр Иванович Сл-кий старательно мешает карты, я воспользуюсь свободным временем, чтобы обрисовать его наружность и характер, так как читателю этих очерков еще не раз придется сталкиваться с ним.

Высокого роста, широкоплечий, Александр Иванович имел вид молодого человека лет 19, хотя на самом деле ему было уже 24. Едва пробивающиеся белокурые усики мало гармонируют с погонами капитана армии. Серые глаза смело и даже вызывающе смотрят на свет Божий. На тонких губах почти всегда играет саркастическая улыбка; лицо бледно, но не имеет болезненного вида, и в минуты душевного волнения эта бледность сменяется нежным, ровным румянцем - а глаза темнеют и взгляд их становится пронизывающим. Описав наружность Александра Ивановича, перехожу к краткой истории его жизни.

Будучи по происхождению поляк, он воспитывался в одной из гимназий, откуда и был исключен, как говорится, "за громкое поведение и малые успехи в науках". Пребывание в нескольких других учебных заведениях окончилось столь же печально: резвая натура мальчика не поддавалась умерщвлению по правилам сухой педагогики, не входила в тесные рамки нашей убийственной школьной жизни.

Как раз в это время начиналась хивинская экспедиция. Мальчик, не достигши еще 16 лет, пошел вольноопределяющимся и преодолел все трудности степного похода; пылкая, сумасшедшая храбрость его была вознаграждена двумя крестами и званием унтер-офицера, но и тут случился казус, испортивший карьеру молодого человека. Во время дела батальонный командир Александра Ивановича, какой-то бурбон, изволил себе выбранить его так, как у нас расходившийся старший офицер относится к матросу.

Бешено вспыльчивый Сл-кий, не думая, что он делает и чем поплатится, приложился в своего свирепого командира и тррах... Пуля, к счастью Александра Ивановича, попала в другое животное, а именно в лошадь, на которой восседал батальонный командир.

Военно-полевым судом Александр Иванович был приговорен к расстрелу, но генерал-адъютант Кауфман помиловал его и ограничил наказание разжалованием в рядовые с лишением двух знаков отличия военного ордена.

Два года тянул он солдатскую лямку, наконец штраф был снят, и он получил право поступить в юнкерское училище. Два года пробыл он там и вышел перед турецкой войной с полными баллами по наукам, но с невозможной отметкой за поведение, что и лишило его возможности окончить по первому разряду.

В турецкую кампанию он командовал охотниками Елизаветпольского пехотного полка, был несколько раз ранен, получил чины подпоручика и поручика и орден Св. Владимира 4-й степени. В первую Ахал-Текинскую экспедицию Александр Иванович, состояв при князе Долгоруком, отбил десяток тысяч баранов с полусотней казаков. Не буду распространяться обо всех его подвигах, скажу только, что человек он безусловно храбрый, во время опасности находчивый и хладнокровный, в общежитии хороший товарищ, к сожалению, немного заносчивый и вспыльчивый. Когда я познакомился с Александром Ивановичем, он был уже капитан и получил за экспедицию 1879 года Станислава на шею и золотое оружие.

Само собой понятно, что у него была масса завистников, пользовавшихся малейшим поводом, чтобы чернить его и вредить ему в глазах начальства, а он своим вспыльчивым, заносчивым характером давал немало поводов к этому. Позже, описывая рекогносцировку аула Нухур, я сообщу вам, читатель, обстоятельства, заставившие Сл-кого выехать из отряда, не будучи даже награжденным за его блестящее дело на колодцах Кара-Сенгер; случилось это вследствие особенной доверчивости генерал-адъютанта Скобелева, чересчур верившего словам и интригам казачьего полковника Ар-аго; впрочем, об этом впереди. Теперь, познакомив вас с личностью Александра Ивановича, буду продолжать рассказ далее.

- Господа, готово! - обращается Александр Иванович к играющим, вынимая из бокового кармана сюртука толстый бумажник и выкидывая на стол 25-рублевую бумажку.

- Ва-банк, - мычит свирепо казак, вытаскивая из колоды карту, оказавшуюся восьмеркой пик. Александр Иванович поворачивает колоду лицом вверх, и - о несчастный сотник! - восьмерка убита на срезке.

- Атанде, - еще свирепее рычит казак, - ва-банк на ту же карту.

Играющие придвигаются ближе: карта в 50 рублей серебром; Сл-кий хладнокровно мечет, на пятом абцуге карта сотника еще раз убита, и он шлет в банк 75 рублей серебром.

Начинается новая талия. Гардемарин, долго выбирающий карту, изрекает:

- Десятка бубен в цвете и в масть по полтиннику око.

- Ты знаешь ли, - обращается к нему артиллерист, - что эта

карта может выйти очень большая?

- Знаю, - сердито отвечает моряк и впивается глазами в карты, равномерно падающие направо и налево.

- ...Шесть, семь, восемь, - шепчет он, считая абцуги.

- Да чего считать, на двадцатом абцуге направо в цвет и в масть, говорит артиллерист.

- Типун тебе... да на! - вскрикивает гардемарин.

- Десять да одиннадцать абцугов - двадцать один, пять за круглое двадцать шесть, в цвет - вдвое... Пожалуйте двадцать шесть рублей, обращается он к Александру Ивановичу.

- Да вы запишите за мной и идите углом, - советует тот, тщательно раскладывая колоду четырьмя кучками и складывая потом кучки крест-накрест.

Как все игроки, он суеверен и придерживается известных правил при тасовке, как-то: раскладывания на четыре кучки, снятия одной карты снизу и т. д.

Комендант, до этого времени сидевший и смотревший только на игру, выбрал карту, положил под нее что-то и, подвинув к банкомету, невиннейшим тоном заявил:

- Под картой фигура.

Публика пришла в оживление.

- Ох, брандера подпустил, - вздохнул Александр Иванович и начал метать.

Король упал направо, но В-ов покачал отрицательно головой; дама была дана, но и на этот раз на вопросительный взгляд банкомета последовал отрицательный кивок коменданта.

- Сойдите с карты, - предложил Александр Иванович.

- Что вы, Бог с вами, из-за чего я буду вам дарить, - возразил с улыбкой комендант.

- А вот я вас сейчас накажу за самоуверенность, - ответил банкомет и... положил валета налево.

В-ов, не торопясь, открыл карту, и Александр Иванович, к своему ужасу, узрел под картой портрет Екатерины Великой!

- Банк сорван, я думаю, - сказал гардемарин, - но я раньше получаю двадцать шесть рублей.

Тяжко вздохнув, подвинул банкомет кучку денег своему счастливому сопернику и полез в карман за новой двадцатипятирублевкой.

Полковник В-ов отдал моряку двадцать шесть рублей и, подозвав вестового, подал ему десятирублевую бумажку с приказанием принести три бутылки пива; бутылка пива в это время стоила у нас в Бендессене три рубля. Цена хорошая, не правда ли, читатель?

- Ну-с, господа, новый банк, авось он будет долговечнее

старого, проговорил Сл-кий, приготовив карты.

- Ва-банк, - крикнул моряк.

- Ну и убьют, - философски заметил артиллерист, все время стоявший позади него.

- Вот зловещая птица! Понятно, если ты пророчишь, а сам не играешь, то добра не будет... Так и есть - убили, - с грустью добавил он и послал деньги в банк.

Второй банк оказалось сорвать труднее, чем первый.

Счастье буквально повернулось к понтирующим спиной, Александр Иванович бил беспошадно. В самое короткое время банк достиг рублей шестисот, так что не было надежды сорвать его, не рискуя сильно проиграть.

- Ну, господа, стоп пока, закусим, выпьем пива, а потом и будем продолжать, - заявил комендант.

Моряк сидел насупившись: он проиграл триста рублей, на которые собирался купить себе "текинского коня".

- Что, брат, продулся? - поддразнивал его артиллерист. - А вот завтра напишу Николаю Николаевичу, он тебя разнесет.

- Убирайся ты... видишь, человек в горе, а ты пристаешь, - вскипятился гардемарин и с ожесточением затянулся чуть не целой папиросой.

Сотник сидел тоже сумрачный: он проиграл рублей двести.

Не в характере моряка было долго грустить. Бросив папироску, он повернулся на одной ноге, дал так называемого киселя приятелю своему артиллеристу и, став среди кибитки, расставя ноги и засунув руки в карманы, докторальным тоном произнес:

- Судьба, сегодня проиграл - завтра выиграю.

- Эй, сотник, теперь фуражные деньги хорошие, о чем печалиться! Выпьем, душа-человек! - И, достав из-под кровати бутылку коньяку, будущий адмирал хватил прямо из горлышка и передал казаку. Последний сразу повеселел и, пробурчав что-то под нос, поднес бутылку ко рту и очень долго смотрел вверх, так что Александр Иванович, окончив считать выигранные деньги, нашел нужным отнять драгоценную влагу.

Посмотрев на свет и промолвив: "Ишь ведь, хохол, сколько выцедил", он приложился в свою очередь и докончил бутылку, которую артиллерист налил наполовину водой и с невинным видом поставил опять на место.

- Вот и выиграл детишкам на молочишко, - заметил Александр Иванович, усаживаясь на постель коменданта.

- Все равно не впрок, проиграешься, - заметил сотник.

- А не проиграется, так ведь завтра пойдет в горы и все равно ухлопают, - промолвил прапорщик-самурец, тоже отдавший

"сотенную" Сл-кому.

- Чтоб вам пусто было! - вскричал Александр Иванович. - С какой стати ухлопают? На меня еще пуля не вылита.

Вошел комендант, выходивший посмотреть, как разместился вновь прибывший транспорт.

- Ну и темень, господа, - обратился он к офицерам, - и нужно же луне заходить так рано, как раз когда у нас внизу транспорт совсем беззащитный. Наверное, ночью пальба будет.

- Это совсем не кстати, - заметил Александр Иванович, - мне вставать в четыре часа утра, а тут еще ночью беспокоить будут.

- Я не понимаю, для чего вставать, - возразил артиллерист, - ведь каждому из нас известно, что стрельба в аванпостах не есть что-либо серьезное, а подползание отдельных текинцев, так из-за чего взбудораживаться?

- Да, брат, с такою философией когда-нибудь и без головы останешься, послышался голос моряка, улегшегося на двух табуретках в неосвещенной кибитке, - десять раз это может быть вздор, а в одиннадцатый - серьезное нападение. Да и сам ты, брат, ведь только на словах беспечен, а помнишь, четвертого дня в потемках выскочил по одному только выстрелу из кибитки в полном неглиже, обалдел и схватил меня за шиворот с требованием картечи?

Общий хохот окончательно сконфузил бедного сонного артиллериста.

- Да что вы ему верите! - оправдывался он. - М-р был сам в одном сапоге и с переполоху шашку надел через левое плечо, а туда же смеется, что я в темноте принял его за фейерверкера.

- Что же ты так в одном сапоге и был во время тревоги? - спросил сотник.

- Понятно, нет, - отвечал гардемарин, - вижу, что все спокойно, крикнул Хрящатого и стал надевать другой сапог, а надеть впотьмах такую махину нелегко! - И он при этом показал действительно длиннейшие сапоги, четверти полторы выше колен. - В это время, - продолжал он, - с аванпостов раздалось выстрелов пять, а так как снимать легче, чем надевать, я снял оба сапога, схватил берданку и побежал с Кочв-м на аванпосты; изодрал ноги, как черт знает что, теперь не знаю, как пойду завтра в горы.

- Вот, охота пуще неволи, шляться по горам! - заметил, зевнувши, сотник.

- Ты, кавалерия, этого удовольствия не понимаешь, да потом и против цинги полезно; у меня, брат, ноги пухнуть стали.

- И для чего это моряков сунуло в степь? Решительно бесполезный народ на суше, - поддразнивал артиллерист.

- Решать этот вопрос не твоего ума дело, - огрызнулся моряк.

- Цыц вы, ребятишки, - шутливо крикнул комендант, - чем спорить, лучше выпьем, закусим, да и на покой.

На столе уже стоял сыр, холодная говядина и неизменные сардинки.

Комендант нагнулся и вытащил из-под кровати бутылку, в которой был коньяк, теперь замененный водой.

Артиллерист не выдержал и фыркнул. Сотник засунул оба свои громадные уса в рот и еще сдерживался. Гардемарин начал надуваться от внутреннего смеха и ежеминутно готов был разразиться хохотом.

Комендант налил воображаемого коньяку в стакан и ахнул, но так комически, что вся публика разразилась гомерическим хохотом. Гардемарин, лежавший на табуретках, хохотал до того, что табуретка выскочила из-под ног и он слетел на пол; комендант, не знавший виновников опорожнения бутылки, переводил свой недоумевающий взгляд с одного на другого. Наконец публика успокоилась и трое виновных покаялись.

- Ну, что теперь делать? - спросил комендант. - Посылать поздно.

- Как поздно? - зарычал казак. - Всего половина первого, армяшка должен открыть, вы только скажите, что для вас, а не отпустит, так... - И казак докончил жестом, проведя рукой по нагайке, висевшей рядом с шашкой.

- Ну, так пошлем, - согласился комендант.

- Нет, господа, позвольте уж мне устроить маленькую пирушку, так как я сегодня в изрядном выигрыше, - отозвался Александр Иванович. - Я пойду к армяшке и притащу, что у него есть лучшего.

Предложение его было встречено общим одобрением.

- Черт знает что, как ни бьешься - к вечеру напьешься, - с видом покорности к предопределениям судьбы произнес артиллерист и вышел из кибитки вслед за командиром охотников.

Темная звездная ночь окутывала своим мраком все окружающее. В нескольких шагах от кибитки, в редуте, едва виднелся силуэт артиллериста-часового.

В воздухе царила мертвая тишина; только где-то далеко кричал шакал, подражая плачу ребенка; крик этот то приближался, то удалялся, смолкал на минуту и снова проносился в воздухе, раздражая нервы молодого человека, стоявшего на краю обрыва.

Под ногами у него, в долине, светился огонек потухавшего костра; он то вспыхивал и своим красным пламенем на мгновение

освещал арбу, казавшуюся фантастически высокой, то потухал и едва выделялся светлой точкой в общем мраке.

Но вот до слуха артиллериста донесся голос Александра Ивановича:

- Ну вставай, что ли!

Как-то странно звучал этот голос из мрака, из глубины нескольких десятков сажен, доносившийся на вершину холма. Снова послышался тот же голос:

- Лучше вставай сам, а то подыму нагайкой! Ну же! Прошло несколько времени, и до слуха подпоручика донесся короткий сухой звук: шшлеп, шшлеп и недоумевающе болезненное восклицание: "А-а, ой!" - это Александру Ивановичу удалось наконец разбудить армянина.

- Пойти разве, помочь ему нести бутылки, - пробормотал артиллерист и стал осторожно спускаться по крутой тропинке, извивавшейся в темноте беловатыми зигзагами. Он прошел уже добрые три четверти пути, как вдруг услышал издалека донесшийся окрик аванпостного часового: "Кто идет?" Через мгновение тот же оклик, но уже повторенный беспокойным голосом и затем тррах, тах-тах, тррах! - четыре выстрела гулко загремели в ущелье, перекатываясь по горам и повторяясь бесконечным эхом Бендессенских холмов.

- Начинается спектакль, - проворчал артиллерист, попробовал, легко ли вынимается из ножен шашка, и уже без всякой осторожности стал сбегать по тропинке.

Эти четыре выстрела произвели необычайную перемену в тихом, сонном лагере; повсюду слышны были крики: "В ружье!" Казачья труба неистово играла тревогу. Верблюды подняли рев, так как бесцеремонные солдатики, спеша на свои места, пробирались между спутанными "кораблями пустыни" и беспокоили их; лошади на коновязи начали биться и ржать, перепуганные верблюжьим ревом. Персы, не отличающиеся храбростью, стали взбираться на холм и своими гортанными криками увеличивали суматоху; двое из таких храбрецов, лезших гуськом по тропинке, на свое несчастье, натолкнулись на артиллериста и в мгновение ока полетели с двух сажен высоты в ручей, напутствуемые энергическими: кепе-оглы! (самое забористое татарское ругательство) сердитого подпоручика.

Слышался звонкий голос Сл-кого, разносившего своих охотников за медленное выстраиванье фронта.

- Какие вы охотники, бабы! Вам, чертовым куклам, юбки надеть надо! Сто раз вам говорено: не одеваться, а брать ружье, подсумок и хоть голым становиться во фронт! Последний раз вам повторяю, а еще раз случится - вся команда простоит во фронте

до утра. Пока разойтись, да быть по первой команде готовыми, а то ползут, точно... - сделав очень нелестное для охотников сравнение, Александр Иванович исчез в темноте.

Артиллерист между тем уже подходил к аванпостам. Шагах в двадцати перед ним едва виднелось нечто двигавшееся.

- Кто идет? - крикнул ему темный силуэт.

- Солдат, стой! Что пропуск?

- Гайка!

- Проходи!

- Вы, ребята, стреляли? - спросил офицер.

- Никак нет, ваше б-дие, соседний пост, - отвечал старший в звене, беря на плечо.

- А вы ничего не видели?

- Никак нет, слышали, как что-то прошуршало перед нами, а видеть ничего не видали.

- Посматривай хорошенько, ребята, а то ведь эти прохвосты подкрадутся, так и оглянуться не успеешь, как горло перехватят.

- Оно точно, ваше б-дие, больно уж ловкий народ.

- Что тут между вами и соседним постом, нет ям или рытвин? А то пойдешь да и свалишься.

- Никак нет, камнев только, ваше б-дие, много. Да позвольте я вас проведу. - И услужливый солдатик повел артиллериста к соседнему посту.

Здесь за старшего был вольноопределяющийся, хороший знакомый его, который и рассказал, что они слышали долгое время шорох и наконец явственный шепот, так что он и приказал выстрелить, после чего послышался легкий стон и шум кативших камней.

Узнав, в чем дело, подпоручик отправился обратно и наткнулся на коменданта, шедшего в сопровождении прапорщика Коч-ва справиться о причине пальбы. Несмотря на уверения артиллериста, что все благополучно, комендант все-таки продолжал путь к аванпостам, а подпоручик полез на холм и в комендантской кибитке нашел Сл-кого, расставлявшего на столе разные деликатесы, приобретенные от так неделикатно разбуженного армянина.

Лагерь начал успокаиваться, и только в комендантском дворце было суетливое движение: готовился лукулловский ужин.

Не буду подробно описывать этого ужина; много елось, говорилось, но более всего пилось; и только когда вершины гор осветились мягким, розоватым светом зари, собутыльники вышли из кибитки покурить на свежем воздухе. Было довольно холодно, и собеседники кутались в бурки.

- Однако пора собираться в дорогу, - промолвил, потягиваясь

Сл-кий. Что же, идем вместе или нет? - обратился он к гардемарину.

- Идем, - отвечал тот и скрылся в свою кибитку окачиваться водой и собираться в экспедицию в горы.

Через час внизу холма была выстроена охотничья команда во фронте. Солнце играло на штыках и освещало своими косыми лучами разнообразные, живописные костюмы охотников. Два казака держали под уздцы двух вьючных лошадей.

- Смирр-но! - крикнул фельдфебель, увидя подходящего Александра Ивановича. Он был в высоких сапогах, неизменных красных туркестанских кожаных штанах и сюртуке, в руках кавалерийский карабин.

Гардемарин, ему сопутствовавший, был в синей матросской рубашке, высочайших сапогах, с револьвером на боку и карабином на перевязи через плечо.

- На плечо! - рявкнул фельдфебель.

- Здорово, молодцы! - обратился Александр Иванович к охотникам, окидывая фронт опытным взглядом.

- Здравия желаем, - радостно крикнули головорезы, приветствуя любимого начальника.

- Песенники, на правый фланг! Рота направо! Ряды сдвой! Шагом марш!

Впереди шагал Александр Иванович с гардемарином. Песенники затянули "Ах вы сени, мои сени!..", и охотники отправились на поиски приключений в горы. В одном из следующих очерков читатель узнает подробности об этих прогулках в горы, иногда кончавшихся нешуточными делами с неприятелем, а теперь пожелаем охотникам всего лучшего и поставим точку.

4. Правофланговая Кала

Первое - пли!.." Медное четырехфунтовое орудие изрыгает пламя, раздается грохот, звон откатывающегося орудия, свист удаляющейся гранаты и через несколько мгновений далекий гул разрыва. От выстрела сыплется земля с бруствера, и некоторое время в облаке пыли ничего нельзя разобрать, что делается около орудия. Но вот облако рассеялось и взорам наблюдателя представляется длиннейший поручик Берг, артиллерист, с самой свирепой наружностью, но с сердцем незлобивым, как у агнца. Расставя ноги, стоит он, высовываясь на полгруди из-за бруствера, и смотрит в бинокль на действие снаряда.

- Фу ты как разлетелась, ха-ха-ха, ишь улепетывают! А два верблюда остались-таки на месте! Батюшки мои! Да они, нахалы, собираются их развьючивать! Второе готово? - спрашивает он фейерверкера.

- Точно так, ваше б-дие! - отвечает молодцеватый фейерверкер.

- Второе - пли!

Снова грохочет орудие, снова летит чугунная визитная карточка текинцам.

Так в послеобеденное время памятного 28 декабря занимались мы в правофланговой Кале.

Читателям надо объяснить, что это такое - Кала, и сообщить кое-что о ее обитателях.

"Кала" по-туркменски значит укрепление; правофланговой она называлась потому, что была последним пунктом нами занятым на правом фланге осадных работ против Геок-Тепе. Правее были сады Петрусевича, занятие которых обошлось нам дорого 23 декабря, когда был убит доблестный генерал, именем которого они названы, храбрый майор Булыгин, командир дивизиона драгун и есаул Иванов. Тогда же заступивший место начальника отряда полковник Арцышевский очистил сады, нами уже занятые, не подобрав даже всех убитых...

Правофланговая Кала представляет из себя, как все текинские крепостцы, четырехугольник из высоких глиняных стен, почти квадратный; после занятия нами этой крепостцы с фронта, обращенного к Геок-Тепе и садам Петрусевича, был вырыт ров, очень широкий и глубокий, и насыпан бруствер, за которым и были поставлены два четырехфунтовых орудия и две морские картечницы.

В Калу вела маленькая дверца в правой стене и другая - с тыла; на заднем левом углу была башня, в которой находился гелиографный станок.

Правофланговая Кала имела большое значение как наблюдательный пункт, с которого ясно было видно движение неприятеля в крепости. Тщательные наблюдения, производившиеся в Кале, были причиной отбития третьей вылазки неприятеля на левый фланг 4 января. Лейтенант Ш-н, бывший комендантом, перед вечером донес начальнику штаба о движении неприятеля к левому флангу; были приняты меры, и текинцы, ободренные двумя первыми успешными вылазками, понесли в этот раз страшные потери. Есть вещи, которые неизвестно почему проходят незамеченными, так и это обстоятельство осталось без особенного внимания...

В самой Кале были устроены у стен подмостки, на которых помещались стрелки; таким образом, Кала представляла двухъярусную оборону, позиция была безусловно сильная, что и давало возможность, правда с риском, держать в ней очень малый гарнизон - человек 60-70, как это было во время нападения 28

декабря, в описываемый мной день.

Около одного из орудий, у самого бруствера, вырыта четырехугольная яма, очень напоминающая могилу: это квартира гардемарина М-ра, представляющая самое безопасное убежище; длину она имеет футов пять и в ширину фута четыре, глубиной около трех; на дне постлана кошма.

Рядом, прямо на земле, "живет" комендант - лейтенант Николай Николаевич Ш-н. Как начальник он свиреп безгранично, и случись родному отцу у него быть под командой - он и того бы за упущения "разнес" бы вдребезги; как человек и товарищ - превосходный.

Рядом с ним помещается вышеупомянутый поручик Берг, молодой офицер, храбрый до сумасшествия, которому особенное удовольствие доставляет постоянно служить мишенью текинцам; он всех уверяет, что пуля его тронуть не может, так как текинцы уже "продырявили" его один раз в неудачную экспедицию 1879 года: он тогда служил в ракетной сотне и участвовал в знаменитой атаке этой сотни, прорубившейся через массу текинцев и прикрывшей отступление.

В самой Кале стоит верх от кибитки, и там живут два пехотных офицера: штабс-капитан Юн-кий и прапорщик Ст-кин; первый командует ротой Самурского полка, второй у него субалтерном. Тут же помещается старик, лекарский помощник, эскулап, потерявший на охоте глаз, комичная, но храбрая личность. Вот вам и все интеллигентное общество правофланговой.

Часа четыре после обеда; текинцы изредка постреливают; наши солдатики кто отдыхает, кто чинит пришедшую в ветхость амуницию; человека четыре сидят и... заранее прошу извинения у моих читательниц, если таковые найдутся, и, сняв рубахи, занимаются уничтожением "нечисти", грызущей несчастных воинов напропалую.

- И откуда только они, проклятые, берутся? - удивляется солдатик артиллерист, чуть уже не полчаса сидящий без рубашки.

- Откуда? Известное дело, из грязи, - отвечает матросик, сидящий без сапог, один из которых у него в руках и подвергается починке.

- Ты думаешь, у их б-дий нет этой "нечести"? Я это давича был в лагере, так их б-дие господин Г-ков аж сжечь приказал рубаху, потому скрозь вся ими покрыта!

- А что, земляки, не заварить ли чаю? - предлагает подошедший комендор-матросик.

- А дрова-то у тебя есть?

- Да вот земляки, поди, щепочек от снарядных ящиков дадут,

- обратился он к группе артиллеристов.

- Ишь брат ловкий тоже, у нас у самих мало, не знаем хватит ли до завтрева! Ах ты, пес тебя заешь, ишь как жаркнул. - Последнее замечание относилось к фальконетной пуле, с шумом шлепнувшейся в самый верх бруствера.

Жжии-шлеп! - еще одна взвизгнула и щелкнула в стенку. Тах, тах, тах затрещали ответные выстрелы в цепи.

- И чего это его под вечер кажинный день палить заставляет? - говорит матрос, вколачивая камнем гвоздь в подошву починяемого сапога.

- А это потому, братец мой, - говорит поручик Берг, подходя к брустверу с биноклем, - что под вечер солнце, как заходит, так нас лучше освещает, ему виднее, вот он и палит...

Шлеп, шлеп...

- Фу ты, дьявольщина, эти скоты читать не дают, - слышится голос рассерженного гардемарина, лежащего поджавши ноги в своей берлоге и читающего какую-то книгу, на которую, так же как и на фуражку, насыпалось порядочно земли от попавшей в бруствер пули.

- А ты не сердись, потому вредно, - замечает Берг и со вниманием что-то рассматривает в бинокль.

- Выпалил опять, ваше б-дие, - говорит молодой солдатик, осторожно высматривающий, что называется одним глазом, из-за бруствера, и при этом колени у него сами собой подгибаются и голова уморительно уходит в плечи.

Фьюить! - фальцетом запела пуля и шлепнулась в орудие, сильно зазвеневши от удара.

- Ах, земляк, земляк, - укоризненно качает Берг головой, обращаясь как бы к выстрелившему текинцу, - и не стыдно тебе казенную вещь портить?

Солдаты хохочут; поручик их любимец: вечно веселый, разговорчивый, гуманный к солдатам, никогда не кланяющийся пулям, он стал солдатам особенно симпатичен.

- Да что ты все читаешь, Александр Александрович, брось, - обращается Берг к гардемаину.

- Ах не мешай, тут брат такой раздирательный роман: убийство на убийстве.

- Вот тоже голова! Восхищается убийствами в книге; да кабы ты не читал, так сам бы убил давно пару-другую текинцев! Посмотри только, сколько их выползло!

Как бы в подтверждение слов Владимира Александровича, завизжало несколько пуль, посыпалась глина со стены Калы.

Гардемарин выскочил из своей ямы, взял бинокль и подошел к брустверу.

- Посмотри левее, против дерева, видишь четыре папахи, - указывает Берг, - вот один выстрелил, видишь дым? Ах нахал, один в красном халате бежит к башенке...

Трах, та-та-тах - затрещали берданки стрелков впереди Калы.

- Ага, пропал, видно, убит... Нет опять, эх ушел за башню!

- Петров! - кричит гардемарин. - Берданку и патронов! Живо!

- Есть! - отзывается матросик.

Через несколько минут является матросик с требуемыми предметами.

- Сколько до башни? - спрашивает моряк у Берга.

- Двести саженей с хвостиком, - отвечает тот. - Ну, стреляй, я смотреть буду в бинокль.

- Подождите, подождите, господа, и я поохочусь, - слышится голос прапорщика Ст-кина, вылезающего из низенькой двери Калы и идущего медленным шагом как раз по обстреливаемому неприятелем пути. Свистнуло несколько пуль, и прапорщик схватился за левое плечо.

- Кажется, зацепило, - проговорил он сквозь зубы и при этом посмотрел на пальцы правой руки, отнимая ее от плеча; нет ничего, крови не видать, значит, контузило только, и он пошел навстречу Бергу, бежавшему узнать, что с ним.

- Ну что? - спросил на ходу Берг.

- Пустяки, погон сорвало только. Эй, Наумов! Дай-ка винтовку да десятка два патронов, вот я им покажу, как пугать добрых людей!

- Ступайте живее, голубчик, - послышался голос гардемарина, - я уже нашел славную мишень для начала, только - чур не горячиться, стрелять с выдержкой, а то, как вчера, упустим!

- Слава Богу! Не первый день держу винтовку в руках и не первого человека подстреливать приходится, - немного обидчиво ответил прапорщик и подошел к гардемарину, зарядившему винтовку и в кого-то тщательно прицеливавшемуся.

- Ты в кого? - спрашивает Берг.

- А вот у завала, под деревом, какой-то храбрец высунулся по пояс. Ну смотри же хорошенько!

Медленно нажимает моряк на спуск. Тррах!

- Направление чудесное, но недолет, - говорит Берг, с вниманием следивший в бинокль: "кувырнется" текинец или нет.

Противник не замедлил ответить. Шмелем прогудела фальконетная пуля, и очень близко.

- Вот дурень-то, - замечает Владимир Александрович, - ты стреляешь, а он на меня сердится, чуть-чуть не убил, даже ветром в ухо пахнуло, так близко.

Прапорщик и моряк окончательно входят во вкус и посылают

пулю за пулей халатникам.

- Вбили одного, ваше б-дие! - кричит солдатик из цепи. - Вот, видать, в крепость несут.

- Так что же вы, чертовы куклы, не стреляете?

Ответом служит перекатный залп стрелков.

- Ловко! Из несущих один упал, а другой бежит, так его, ребята! Жарь! Эх ушел-таки!

- Он, ваше б-дие, помирать пошел, наверно, уж его поранили, - острит матросик.

- Что за трескотня такая? - слышится голос коменданта, лейтенанта Ш-на, только что проснувшегося и подымающегося без фуражки со своего ложа.

- А ты фуражку-то надень, - советует пресерьезно Берг, - а то цель больно хорошая, - добавляет он, намекая на огромную лысину, украшающую голову почтенного коменданта.

Ш-н хохочет и поднимает свою фуражку, свалившуюся во время сна.

- Много, греховодники, отправили вы народу в Магометов рай! обращается комендант к гардемарину и прапорщику, зорко всматривающимся вперед, держа винтовки на изготовку.

- Однако подвалили, с прежде бывшими - шестой. Группа офицеров, с сверкающими на солнце погонами, привлекает внимание текинцев, и они начинают "угощать".

- Вот, бестии, пристрелялись, - замечает Ш-н, отмахиваясь от зыкнувшей мимо уха пули, как от надоедливой мухи.

- А что, Владимир Александрович, "успокой" их, - продолжает он.

- А и то правда! Прислуга, к первому орудию! Шрапнелью! Трубка поставлена на должную дистанцию, и сам Берг садится на хобот и начинает наводить.

- Чуточку вправо, еще... Много! Возьми влево, так... Стой!

- Первое!

- Пли! - добавляет фейерверкер.

Гулко хлопает четырехфунтовка. Вот против завала в воздухе появляется дымок молочного цвета, слышится слабый звук разрыва шрапнели, и большой участок земли покрывается дымками пыли от падающих картечных пуль.

- Ну, теперь они надолго угомонятся, - говорит Ш-н и, позевывая, идет осматривать свои владения.

Внутри Калы расположились пехотные солдаты, большинство лежит. Ружья составлены в козлы. Надо иметь особую ловкость, чтобы пройти, не наступив кому-нибудь на ноги или на голову, или не наткнуться на штыки, торчащие из козел; теснота страшная; у задней стенки отдельной группой сидят джигиты-

туркмены, из кучки которых резко выделяется своей наружностью старшина Нефес-Мерген с четырьмя Георгиевскими крестами на халате худощавый старик лет за шестьдесят, с реденькой седоватой бородой, крючковатым носом и проницательными глазами, хитро высматривающими из-под нависших бровей. Нефес-Мерген из племени иомудов и всей силой своей восточной мстительной души ненавидит текинцев, вечных притеснителей и врагов его племени. Текинцы платят ему той же монетой, и немало между ними нашлось бы джигитов, готовых пасть в бою, лишь бы добыть голову старика, забывшего Аллаха и служащего гяурам - белым рубахам.

Нефес-Мерген сидит в центре кружка своих джигитов, тянет кальян и что-то рассказывает, вероятно, о своих боевых схватках, так как по временам глаза его сверкают и он характерно проводит кистью правой руки по горлу или же машет рукой по воздуху, показывая взмах шашки; возле него лежит драгунская винтовка Крынка, которой старик почему-то очень дорожит и ни за что не хочет взять вместо этого устарелого оружия берданку.

В этой Кале почти безопасно от пуль, разве какая-нибудь шальная, пущенная под очень большим углом возвышения, шлепнется в середину и станет нарушительницей общественного спокойствия; кто-нибудь выругается по поводу появления незваной гостьи, и все успокаивается снова.

Ш-н обошел кругом и вошел в желомейку ротного командира Юн-кого, который лежал на бурке, задрав ноги на переплет желомейки, и читал одну из книжек "Изумруда" - собрания переводных романов.

При входе коменданта он опускает ноги, очищает возле себя место и предлагает присесть.

- Ну что, как у вас там? - спрашивает он лейтенанта, показывая по направлению к выходу из Калы, откуда слышатся отдельные выстрелы.

- Да ничего, пощелкивают по обыкновению, - отвечает, зевая, комендант, и разговор прерывается. Юн-кий крутит себе папироску.

- Не выпить ли чайку? - обращается он к Ш-ну. Последний утвердительно кивает головой.

- Да что вы такой задумчивый? - допытывается штабс-капитан, стараясь в глазах Ш-на прочесть причину его хандры.

- Так себе; думаю обо всем понемногу, а главным образом о Зубове, жаль его!

- Ну что же, с ним особенно дурного ничего не случилось, прострелили мякоть ноги, не опасно!

- Бог его знает, опасно или нет, а все жаль такую

симпатичную личность.

- Да, хороший человек; хладнокровный в огне, только молчаливый чересчур, видно, многое переиспытал в жизни.

- Очень много, - подтверждает задумчиво Ш-н, затем быстро поднимается, как бы стараясь стряхнуть с себя неприятные мысли, и уже веселым тоном начинает будить лекарского помощника, немилосердно храпящего на бурке, постланной возле Юн-кого.

- Вставайте, пора! Пойдем чай пить.

- А, что? - вскакивает тот. - Ранили кого-нибудь?

- Типун вам на язык, - говорит Юн-кий. - Вот еще что пророчит!

- Я думал, что я нужен, так как меня разбудили, - говорит одноглазый эскулап, снова собираясь заснуть.

- Нужны чай пить, вот зачем!

- А, ну это дело другого рода. - И старик начинает приводить в порядок свой туалет, натягивает теплые сапоги и, позевывая, достает коробку с табаком, чтобы утешить себя за прерванный сон.

Все втроем выходят из жаломейки и направляются к брустверу, где гардемарин и прапорщик сидят уже в яме, "квартире" моряка, и пьют чай, более похожий на желтоватую воду, из стаканов, сделанных из бутылок. Может статься, читателю никогда не приходилось видеть такой своеобразной операции, практикуемой солдатами в походе, поэтому я сообщу этот способ. Берут пустую бутылку и, смотря по желаемой длине стакана, накладывают в некотором расстоянии от горлышка один шлаг бечевкой, концы которой сильно тянутся в разные стороны руками одного из "фабрикантов", тогда как бутылка вращается руками другого, третий стоит наготове с кружкой холодной воды; когда от трения бутылка разгорячится в месте трения, льют воду на эту часть; затем достаточно небольшого усилия - и бутылка ровно ломается и вы имеете импровизированный стакан, обращение с которым должно быть тем не менее осторожно, так как очень легко обрезать губы.

Из такой-то "посуды" пили два юных офицера чай или нечто на него похожее, когда явилось новое трио и уселось около чайника.

- А ты что же, начальник артиллерии, не хочешь разве прополаскать горло? - обратился Ш-н к Бергу, возившемуся около орудия.

- Сейчас, братец мой, дай навести орудие по горизонту; ведь скоро стемнеет, а на ночь надо, чтобы орудие было готово к действию картечью. - И длинный поручик снова уселся на

корточки у второго орудия и начал наводить "в горизонт".

Тени ложились все гуще и гуще на степь, кровавого цвета солнечный диск был на линии горизонта, покрытые снегом вершины Копет-Дага казались в пламени, тогда как подножие и средина гор были фиолетового цвета; стенки Геок-Тепе, окрашенные последними лучами заходящего солнца, казались в этом общем красивом пейзаже не столь страшными. Ружейный огонь прекратился с обеих сторон, и ничто не предвещало той страшной резни, которая должна была начаться через несколько часов и стоила жизни нескольким тысячам людей. Сколько жертв, не подозревавших своей участи, в это время наслаждались спокойствием после тревог дня!

Разговор не вязался как-то в кружке офицерства, кончившего чаепитие. Ни один из них не принадлежал к числу так называемых сентиментальных кисло-сладких людей, но особенность обстановки и чудная картина природы на каждого производили свое действие. Наступил отдых, перестрелки не было; нервы, бывшие в напряжении целый день, стали приходить в нормальное состояние, и вместе с этим явилась способность думать и мечтать и дать волю своему воображению; у каждого из сидевших под бруствером, как и у всякого человека, было что-нибудь на сердце, особенно интересовавшее его, и мысль об этом-то и препятствовала оживлению разговора.

Комендант сидел, обняв руками колени, сдвинув на затылок свою морскую фуражку, и задумчиво смотрел в землю; его красивые глаза были утомлены, и глубокая морщина лежала между бровями, видно было, что невеселые мысли овладели им, да и может ли быть весело человеку, на котором тяжелым камнем лежит ответственность перед законом и собственной совестью за жизнь многих людей и сохранение важного пункта? А может быть, вспомнилось ему что-нибудь из далекого прошлого, из его плаваний и, как это часто бывает, необъяснимая грусть о невозвратном прошлом овладела бравым комендантом.

Гардемарин стоял, облокотившись грудью о бруствер, и смотрел на белевшие стены Геок-Тепе; трудно сказать, видел ли он в данный момент эти твердыни, или же направление его взоров было чисто машинальное и мысли были на далеком севере, где осталось все дорогое его сердцу, или же он думал о предстоящем штурме и хотел проникнуть в будущее, скрывавшее вопросы о жизни и смерти! Играла ли в нем молодая кровь или в голове рисовались картины боя, отличия и возвращения в Петербург с беленьким крестиком, предметом мечтаний всякого военного человека, или же ему представлялась сцена отчаяния его стариков при получении известия о смерти единственного

сына?.. Бог его знает, что за мысли роились в голове молодого моряка; читателям это не интересно, да и трудно узнать.

Длинный поручик Берг ходил от одного конца фаса до другого саженными шагами, звеня шпорами. Даже команда как-то приумолкла.

Совсем стемнело, наступила ночь хотя и звездная, но мрачная, в нескольких шагах стало трудно различать предметы, посвежело. Тишина была мертвая; где-то в крепости, далеко-далеко виднелся огонек, стрельбы не было ни с чьей стороны.

Офицерство поднялось со своих мест, ротный командир ушел в Калу, а субалтерн с унтер-офицером пошел осматривать аванпостную цепь.

Комендант прохаживался по наружному фасу, солдаты и матросы кутались в свои шинели и лежали у орудий, тут и там вспыхивали огоньки трубочек и папирос, из Калы доносились гортанные окрики джигитов на своих коней.

Вдруг на темном небе появилась полоса света, и бомба, медленно поднимаясь по кривой линии, опустилась в крепость; за ней последовала другая, третья... Прорезая темноту, понеслась ракета, весь горизонт осветился огнем. Послышался шум беспорядочных залпов и крики, вырывавшиеся из многих тысяч грудей... Стрельба участилась; сотнями летели в крепость снаряды, бомбы и ракеты, освещая ее внутренность красными вспышками разрывов.

Непрерывная линия огня, линия ломаная, показывала, что все наши траншеи левого фланга атакованы. Крики "Алла! Магомет!" явственно доносились до правофланговой, сомнения не было - текинцы сделали вылазку!

Все офицеры снова собрались у бруствера и с напряженным вниманием всматривались и вслушивались в то, что делалось на левом фланге... А залпы и орудийные выстрелы все чаще и чаще освещали темноту багровыми вспышками, весь воздух, казалось, наполнился треском и гулом и дикими криками...

- А жаркая драка идет там, - промолвил наконец Берг, - они ведь доберутся и до нас.

- Меня даже удивляет, что до сих пор нет нападения, - ответил комендант.

- Как будто стихает перестрелка, - заметил гардемарин, не выпускавший из рук бинокля.

- Плохой, брат, признак, значит, связались в рукопашную, а наших на левом фланге ведь немного, - ответил Берг.

Как раз против середины Калы, на гребне стены, у неприятеля вспыхнуло несколько огоньков, и над головами офицеров провизжало несколько пуль.

- Вот и у нас началось, - заметил лейтенант Ш-н и крикнул, гарнизон - в ружье! Прислуга - к орудиям!

Все быстрее и быстрее замелькали огоньки перед Калой, больше и больше стало посвистывать пуль и шлепаться в стену Калы.

- Прислуге у орудий лечь, стрелкам не высовываться! - послышалась команда.

- Господам офицерам наблюдать, чтобы не было никаких разговоров, соблюдать полную тишину! - распоряжался комендант, ухитряясь быть вездесущим.

Но вот будто целая сотня или тысяча шмелей прогудела над Калой. Послышалось шлепанье по стенам, по земле, поднялась пыль от стен Калы... В правофланговую был пущен залп своими же с левого фланга! Наступила гробовая тишина...

- Все целы? - послышался голос коменданта.

- Кажись, все, - раздалось с разных сторон.

Горизонт осветился снова... и снова раздалась эта музыка, оледеняющая нервы самого храброго человека - звук залпа, пролетающего над головой.

- Черт знает что, они нас переколотят, - шепотом сказал подошедший Берг.

- Значит, текинцы обошли нас, если наши стреляют в эту сторону и их залпы летят к нам, - заметил гардемарин.

Из темноты вынырнул солдатик и подошел к группе офицеров.

- Ваше б-дие, - обратился он к прапорщику С-кину, - на аванпостах лежать нельзя, потому свои пули сзаду падают.

Офицеры переглянулись.

- А ты вели им, чтоб не падали, пошел на место! - крикнул прапорщик. Солдат сконфуженно повернулся налево кругом и исчез в темноте.

- Однако на солдат это производит очень дурное впечатление, если бьют своими же пулями, - проговорил комендант и хотел еще что-то сказать, но новый залп, посыпавшийся кругом, прервал его; текинцы тоже открыли усиленный огонь, и наступил в полном смысле ад. От свиста и шлепанья своих и чужих пуль не было возможности разобрать даже громкой команды. Прислуга лежала у орудий, свернувшись комочком; кто мог уместиться под передком или лафетом - залез туда. Аванпосты усердно отвечали неприятелю. Атмосфера переполнилась пороховым дымом. Офицеры как-то злобно расхаживали взад и вперед.

- Николай Николаевич, - послышался голос Берга, - на нас идут с двух сторон.

Комендант быстро подошел к поручику, стоявшему у бруствера, и, взяв бинокль, увидел черную двигавшуюся массу - текинцы шли с двух перпендикулярных сторон на

правофланговую.

Орудийная прислуга без команды сама поднялась и стала у орудий.

Многие солдатики крестились.

- Ты, братец мой, в случае убьют меня, пойдешь в деревню, так не забудь снести жене поклон и деньги, - слышались фразы эти и такого же содержания, произносимые в разных местах вдоль бруствера, где тесною стеною стояли пехотные солдатики, положив ружья на бруствер, готовые грудью встретить текинцев.

- Ребята, не шуметь и слушать команду, - раздался голос Ш-на. Помните, что помощи ждать неоткуда, значит, надо драться до последнего. Неприятель не выдержит хорошего залпа, а кто и вскочит - того приколем! Помните, что отступать некуда, остается умирать на своих местах, будьте же молодцами!

- Постараемся! - грянуло в ответ из сотни людей, и это "постараемся" было не пустой фразой в устах солдат; по тону было слышно, что люди не робеют, а вполне понимают доводы начальника о необходимости не двигаться с места и умирать там, где приказано.

Наступила тишина, неприятель не стрелял по правофланговой, боясь перебить своих, подходивших все ближе и ближе к Кале. Свои русские залпы, так щедро сначала на нас сыпавшиеся, тоже прекратились; только на левом фланге продолжались глухие раскаты орудийных выстрелов и ружейная трескотня, бомбы и ракеты так же часто с посвистыванием прорезывали темноту и несли смерть в крепость, стены которой против левого фланга продолжали покрываться вспышками ружейных выстрелов; словом, там, в траншеях, повсюду царила битва, рассыпая смерть направо и налево, а в правофланговой царило ожидание смерти! Последняя вещь несравненно хуже; в бою страх пропадает, так как нет времени бояться; ожидание же штурма, когда видишь в ночном мраке нечто черное, еще чернее самой ночи, движущееся тихо к тебе, знаешь, что это черное - масса врагов страшных, зверских, беспощадных, с которыми через несколько минут сцепишься грудь с грудью в ожесточенном и неравном бою; это ожидание производит впечатление ни с чем не сравнимое.

Комендант нервными шагами прохаживался по фасу, не сводя глаз с двигавшегося неприятеля. Поручик Берг сидел на хоботе правого орудия, готовясь немедленно повернуть орудие в сторону неприятеля.

У картечницы со вставленным питомником, полным патронов, стоял гардемарин, готовясь дать сигнал вертеть рукоятку и послать 500 выстрелов в минуту в эту грозную черную

массу, шум от движения которой ясно уже доносился...

Но вот шум прекратился, и из мрака послышался голос, но послышался так близко, что казалось, говоривший или, лучше сказать, кричавший был в нескольких шагах; затрещало из мрака несколько выстрелов, раздались крики... и гарнизон правофланговой вздохнул свободно: текинцы не решились атаковать. Тщетно их предводитель, оставшийся перед укреплением, призывал Аллаха на помощь для борьбы с "уруссом" - все было напрасно: полная, грозная тишина, царствовавшая в Кале, навела на них ужас, и соблюдению этой тишины гарнизон был обязан своим спасением. Ничто не наводит такого страха на атакующего, как готовность к бою противника, выражающаяся в этой подавляющей тишине; может, хватит духу пройти большое расстояние, не подвергаясь выстрелам неприятеля, но подойти к самому рву и здесь получить залп картечи и из винтовок - недисциплинированному неприятелю трудно; гробовая тишина атакуемого показывает, что это люди выдержанные, не пускающие выстрелов на воздух; текинцы поняли это и отступили...

Вздох облегчения вырвался у всех; да не подумает читатель, что в правофланговой Кале были люди робкие, трепетавшие при виде опасности, нет, наоборот, подбор офицеров был очень хороший; каждому из них приходилось много раз смотреть в упор в глаза смерти, каждый из них раньше или впоследствии своей кровью упрочил за собой почетное имя храброго, так что да не припишет читатель вздох облегчения радости труса, увидевшего, что опасность миновала - нет, это была радость при сознании, что правофланговая нами удержана; каждый из офицеров и нижних чинов понимал, что, перейди правофланговая в руки текинцев, наш левый фланг, уже атакованный, был бы окончательно снят и, Бог весть, чтоб из этого было!

Повсюду снова послышался сдержанный шепот и разговоры; солдатики зло подсмеивались над предводителем атаковавших, оставшимся solo.

- Ну и воинство, братец ты мой, - говорил пехотный солдатик, присевший на земле и раскуривавший трубочку, матросу, пользовавшемуся минутой затишья, чтобы погрызть сухарь, - и чего это они спужались?

- Чего? Известно нас! Ведь нешто они не знают, что у нас и пушки и картечницы есть, поди, чай, днем ведь видят, ну и ров тоже широкий, не перелезешь, вот и заворотили оглобли! - отвечал матросик с полным сознанием непоколебимой истины своих слов.

В группе артиллеристов слышалась беседа о плохой

дисциплине неприятеля, выражавшаяся в очень нелестных для текинцев формах.

- Тоись взял бы их, прохвостов, всех да банником, банником, горячился фейерверкер, - нешто это виданное дело, чтобы начальства не слушать? Он им кричит: "Пойдем, ребята, вперед, не бойсь", а они говорят: "не хотим" и в разные тоись сейчас стороны!

- Да ведь, дяденька, у них начальство не настоящее, потому они ведь не солдаты, - вставил словечко молодой солдат.

- Ах ты деревня, - прервал его фейерверкер, - да рази может быть, чтобы у них не было начальства? Где ж есть такая земля, чтоб не было солдата с начальством? У них все начальство в красных халатах, вот это и есть их самые офицеры!

- Шут тебя возьми! Слышь, как кричат доселева еще, - проговорил матросик у картечницы, подкладывая камешки под колеса, чтобы она от стрельбы не сдвинулась с места.

Действительно, в отдалении все еще слышался голос текинского "начальства".

- Ну и горло же, как он не охрипнет, кричит, кричит - все толку нет, острили солдаты, продолжавшие стоять вдоль по брустверу.

- А как бы он не накричал чего-нибудь, - заметил Владимир Александрович Берг, - они, пожалуй, и вторично подойдут.

- Теперь, брат, не беда, страшен первый натиск, раз у них не хватило храбрости броситься без выстрела в шашки - едва ли они повторят нападение, - возразил гардемарин.

- Все-таки не мешает принять меры предосторожности, - сказал подошедший прапорщик С-кин. - Эй, солдатик! Принеси-ка, брат, уголька или лучинку посветить мне!

Через несколько времени солдат явился с пылавшей лучиной. Прапорщик вынул из кобуры револьвер и начал осматривать его, ворочая барабан и пробуя спускать курок, чтобы убедиться, можно ли его пустить в ход в критический момент боя; не успел он окончательно осмотреть его, как несколько пуль свистнуло очень близко около офицера и солдата, державшего лучину; последний от неожиданности выронил импровизированный светоч.

- Ты что, обалдел, что ли? - крикнул рассерженный С-кин.

- Вишь палит, ваше б-дие, - смущенно ответил хохол-солдатик, затаптывая ногой тлевшую лучину.

- А тебе какое дело до того, что он палит? В лучину он, что ли, тебе попал или в руку? Какой же ты солдат, коли боишься пули, когда она летит мимо! Смотри, брат, трусов всегда прежде всех убивают. Ступай на место!

Прапорщик вложил револьвер в кобуру, перелез через бруствер, и его фигура пропала в темноте в направлении, где лежали аванпосты. На левом фланге перестрелка то замолкала, то снова разгоралась. Артиллерийская стрельба не умолкала; бомбы летели в крепость целыми букетами по шесть, по восемь штук; ракеты по-прежнему на мгновение освещали мрак своим длинным хвостом и с шипением падали в крепость, где крики не уменьшались...

Правофланговая Кала пользовалась непродолжительным отдыхом: снова с двух сторон засвистели пули и послышались воинственные крики текинцев и снова повторилась описанная выше картина; грозная тишина панически подействовала на неприятеля, и эта грозная масса отхлынула, несмотря на одобрение ее громкими криками вожаков и предводителей...

Не прошло десяти минут, как с новыми криками, при учащенной пальбе части неприятеля с другой стороны и со стороны крепости, текинцы атаковали правофланговую. Атака велась энергично, неприятель подошел ближе чем на сотню шагов, пришла пора открыть огонь. Послышался голос лейтенанта Ш-на.

- Открыть огонь по моей команде! Стрелкам дать по два залпа. Орудиям и картечницам начать действовать вместе с пехотой.

- Рота - товсь! Рота - пли!

Грянул дружный, согласный залп стрелков... Блеснув красным пламенем, рявкнуло орудие, послышался пронзительный свист удаляющейся картечи, и весь этот шум покрылся отчетливым тактом картечницы: та-та-та... звуком непрерывных периодических ударов... Второе орудие изрыгнуло пламя, и при свете выстрела ясно было видны фигуры неприятеля; выстрел этот произвел, должно быть, страшное опустошение в рядах врагов: послышались крики, вопли... а две картечницы продолжали трещать, наполняя весь воздух свистом пуль... Второй залп прорезал мрак огненной линией, неся дождь пуль атаковавшим... Этого было чересчур много для текинцев... Крики стали удаляться, послышался шум бегущей толпы... Правофланговая отстояла себя.

- Окончить стрельбу, аванпосты на свои места, - послышалась команда лейтенанта Ш-на, произнесенная так спокойно, будто ничего особенного не случилось и все это происходило только на учении.

Длинный поручик, все время сидевший на хоботе орудия, уже вновь заряженного картечью, и наводивший его, встал, вытянулся во весь рост, зевнул, потянулся и из-под усов промычал:

- Ну, кажется, все кончилось, теперь бы и соснуть...

А крики все еще раздавались перед Калой... Особенно резко выделялся чей-то голос, звавший кого-то; солдатик-татарин на вопрос гардемарина: "Кто это кричит там и зовет кого-то так жалобно?" - ответил:

- Это он, ваше б-дие, кричит брата, где ты, говорит.

Очень и очень близко слышались переговаривавшиеся голоса; нет-нет и в ответ на разговоры сверкнет несколько выстрелов с наших аванпостов, все примолкнет на минуту - и снова послышатся гортанные звуки, кого-то зовущие. Какое-то странное, щемящее сердце впечатление производили в густом мраке ночи эти крики... Из крепости тоже доносились крики, обращенные, вероятно, к неприятелю, бродившему около нашей Калы...

Офицерство собралось у бруствера, сколько удовольствия слышалось в голосах говоривших! Оно и понятно - удачно отбитый штурм, без потерь с нашей стороны, представлялся громадным успехом для людей, уже собиравшихся умирать и хлопотавших умереть только "с шиком", не с тем гвардейским шиком, которым отличаются на паркете в Петербурге иные щеголи в раззолоченных мундирах, нет, с шиком "глубокого армейца", умирающего, не покидая вверенного ему поста, на груде убитых им врагов.

Все повеселели, и гардемарин даже загнул такой анекдот, что вся публика покатилась со смеху и заявила, что таких анекдотов нельзя рассказывать даже и в степи... Все стали так близки друг другу после испытанной опасности, будто это были члены одной семьи, семьи дружной. Оживленная, страстная беседа, полная высказываемых откровенно друг другу впечатлений, велась в этой кучке людей, много переживших в какие-нибудь полчаса; если пришлось бы встретиться через много, много лет двум из этого общества, то я убежден, что разговор начнется фразой: "А помнишь правофланговую?" - и польются воспоминания рекой...

Прошло с лишком два года, но воспоминания и впечатления этой ночи не изгладились у меня; так и кажется, что это было вчера! И жалко иной раз станет, чуть не до слез, что все это миновало и приходится вращаться в будничной среде, в пошлой светской обстановке, полной грязи и дрязг житейских... Хочешь найти что-нибудь подходящее к нравам и отношениям боевых товарищей и натыкаешься на буржуазные, мелочные типы... Душно, скверно становится, и поневоле углубляешься в самого себя и живешь воспоминаниями, вызываешь в своей памяти типы и лица с их лагерным отпечатком в характере и привычках, чуждых этому "отполированному" свету, где люди, вместе с полировкою, теряют свои лучшие качества.

Посмотришь повнимательнее на представителей разных слоев общества, проведешь параллель между нашими людьми, с которыми жил тревожной походной жизнью целый год, и невыразимое чувство омерзения вскипает на душе и так и тянет в степь, с ее песком и пятидесятиградусной жарой - там лучше, бесконечно лучше, нет ни Рыковых, похищающих миллионы, ни омерзительных кокодесов с одноглазкой, гуляющих по Невскому с целью попасть на содержание к какой-нибудь купчихе, ни прочей иной гадости...

Впрочем, увлекаться не полагается, оставляю на время параллель между светской и лагерной жизнью и возвращаюсь к описанию событий в правофланговой.

Текинцы, оказалось, не удовольствовались этим нападением: прошло несколько времени, и снова раздались выстрелы и крики, и снова неугомонный неприятель двинулся на Калу, безмолвно его ожидавшую...

В это время с левого фланга ясно раздались в ночной тишине мелодичные и торжественные звуки "марша добровольцев" и громкие раскаты "ура!"... Прошло мгновение, и неприятель бросился бежать, не выдержавши этого нового впечатления... В четвертый и последний раз правофланговая была спасена, текинцы ушли назад в Геок-Тепе.

Через некоторое время со стороны левого фланга послышался конский топот и прибежал солдатик доложить, что идет наша кавалерия. Генерал Скобелев прислал эскадрон драгун в помощь гарнизону правофланговой. Офицеры рассказали много печальных вещей о событиях на левом фланге.

Постараюсь передать читателям эти события насколько можно вернее и полнее.

В этот вечер наши саперные офицеры с несколькими рядовыми вышли из передовой, второй, параллели отметить место для заложения новой, ближайшей к неприятелю траншеи. Едва они начали работу, как заметили какую-то черную массу, ползущую на них: текинцы без шума, без выстрела, делали вылазку. Офицеры бросились назад в разные стороны к нашим параллелям, преследуемые текинцами, которые, видя, что они замечены, перестали скрываться и с дикими криками бросились в атаку; молодой герой, саперный поручик Сандецкий, бежал на бруствер, крича: "Стреляйте, нас немного, сзади текинцы!" Солдаты в траншеях растерялись; неприятель вскочил в траншеи, где был 4-й батальон Апшеронского полка, и началась страшная резня...

Защищая свое знамя, легли на месте: батальонный командир князь Магалов, ротный командир поручик Чикорев, подпоручик

Готто и батальонный врач Троцкий; из роты в сто с лишком человек осталось 8-10 нижних чинов... Все было изрублено, и святыня батальона - знамя - попала в руки неприятеля; знаменщик был найден в бесчувственном состоянии, покрытый сабельными ударами, и умер, не придя в себя и не рассказав подробности этой борьбы! Горное орудие, бывшее в траншеях, сделав несколько выстрелов картечью, попало в руки неприятеля, но бравые артиллеристы все легли около: ни один из прислуги не оставил своего места...

Возле орудия пал смертью храбрых полковник князь Мамацов, начальник артиллерии левого фланга, и командир 4-й батареи 20-й артиллерийской бригады; текинцы, изрубив все, что попалось на пути, широкой рекой разлились повсюду, обирая мертвых, снимая с них даже платье. Большая часть бросилась во вторую параллель, некоторые же устремились на лагерь; прорвавшиеся во вторую параллель наткнулись на туркестанцев под командою полковника Куропаткина; хладнокровные залпы этой части заставили текинцев повернуть; и туркестанцы, к которым примыкали по дороге отдельные солдатики разбитых защитников 1-й параллели, шли очищая траншеи от неприятеля... Текинцы ушли в крепость, по которой открылась страшная канонада из всех орудий.

Вот вкратце описание этой страшной вылазки, так дорого стоившей нам, но еще дороже неприятелю. После отбития генерал Скобелев приказал играть оркестру и продолжать начатые работы; убитые и раненые были убраны, траншеи усиленно заняты войсками, и все вошло в обычную колею; воспоминанием о резне осталось только несколько сотен неприятельских трупов, лежавших повсюду и еще не прибранных, да земля, пропитанная кровью... На другой день в траншеях было найдено несколько женских трупов; у одной убитой в руках была длинная палка с насаженной на конце половиной ножниц; красиво разбросавшись, лежала эта текинская Жанна д'Арк с несколькими штыковыми ранами, сжимая свое импровизированное оружие в руке, с выражением ненависти на искаженном лице...

На другой день в лагере, около одного из наметов, собралась небольшая кучка офицеров, поочередно входивших туда, снимая фуражки; на полу стояло около десятка носилок, покрытых полотном; вошедшие приподымали полотно, и у многих навертывались слезы при виде обезображенного "нечто", которое несколько часов тому назад жило, думало, надеялось... Вот лежит Сандецкий с перерубленным горлом и без верхней части черепа, снесенного шашкой; открытые глаза потускнели, ничего не

выражают... а недавно они еще блестели юмором, отвагой, добродушием... Вот Готто, красивый некогда брюнет, которого нельзя узнать, так как семь шашечных ран обезобразили его лицо, и только усы, чудные, длинные усы заставляют его узнать...

Но опустим полу намета за собой и выйдем, перекрестившись за упокой души убитых храбрецов; им, может быть, теперь лучше, чем оставшимся в живых.

Война заставляет человека удивительно легко относиться к жизни ближнего; смерть производит только минутное неприятное впечатление, и затем снова все входит в свою колею.

Не дай вам Бог, читатель, быть на войне: скверно, очень скверно, сознаешь это сам, а все-таки вновь тянет и тянет, так как там только чувствуешь, что живешь, а не прозябаешь, как в наших городах, среди плесени и скуки мирной жизни!

Война зло, но зло увлекательное.

5. В горах Копет-Дага

Для многих из моих читателей горный хребет Копет-Даг есть нечто новое, о чем когда-то давно, может быть, и трактовалось в географии, но затем это название совершенно исчезло из памяти, да и неудивительно, если и исчезло. Мыслимое ли дело помнить все названия малозначащих возвышенностей, озер и речек, которыми так изобилуют все учебники географии? Если уважаемый читатель не поленится возобновить немного в своей памяти географические сведения, в чем я охотно помогу ему, то я буду вполне этим доволен, так как неудобно рассказывать о событиях, происходящих для читателя в совершенно неизвестной местности, "где-то на поверхности земного шара".

К восточному берегу Каспийского моря примыкает обширная низменность, в южной части которой и приходилось действовать нашим войскам во время всех предпринимавшихся экспедиций против туркмен племени текинцев. Я не буду вдаваться в подробное географическое и этнологическое описание этого края, так как в отдельном очерке намерен ознакомить читателей с характером страны и ее обитателей, теперь же скажу только, что юго-восточная часть вышеназванной низменности изрезана несколькими горными цепями. От города Красноводска, по берегу залива, до песков Чиль-Мамет-Кум идет хребет Курямын-Кары; от этих песков на юго-восток тянется хребет Кюрян-Даг, продолжение которого до разветвлений гор Ала-Даг в персидской провинции Ширвань носит название Копет-Даг или Даман и Кух. Этот хребет представляет собой юго-западную границу Текинского оазиса; с юго-востока служат границей пески; таким образом оазис представляет узкую полосу, изрезанную во многих местах ручейками и представляющую вследствие этого некоторые

удобства для оседлой жизни. Читатель, интересующийся точнее узнать местоположение хребта Копет-Даг, соблаговолит обратиться к карте Закаспийского края, приложенной к февральской книжке "Морского сборника" за 1882 год; на этой карте нанесены все пункты, упоминаемые в моих очерках; а теперь, читатель, последуйте за мной в горы, где вы, взбираясь по скалистым тропинкам, спускаясь в зеленеющие долины и проходя мрачные, никогда не видавшие солнечного луча ущелья, найдете много интересного и нового для себя.

Ранним, прохладным утром, в начале сентября 1880 года, дорога на Бендессенский перевал представляла чудный живописный вид. Громадные, нависшие скалы, покрытые темной зеленью кипарисов, освещенные бледно-розовым светом восходящего солнца пропадали в перспективе картины в безоблачном голубом небе... Извилистая тропинка то исчезала из глаз наблюдателя, спускаясь в глубокие провалы, то снова, уже далеко, вилась белой нитью, подымаясь в гору; далеко, далеко громадной стеной синелся главный хребет Копет-Дага; дорогу пересекал ручей, прозрачный, холодный, вился он блестящей нитью, пропадая на берегу обрыва, куда низвергался с мелодичным шумом, сверкая на солнце миллионами брызг и расходясь на несколько других ручейков, орошал дно этого провала, покрытого изумрудной зеленью травы, в которой пропадает для взора всадник вместе с лошадью. Красноватые голые утесы, образующие стены этого провала, составляли своею бесплодностью и обнаженным видом полную противоположность с этой чудною зеленью, покрывавшей дно обрыва; для наблюдателя эта котловина показалась бы замкнутой: нигде не было видно выхода; с трех сторон она замыкалась отвесными скалами около 800 футов вышиною, с четвертой стороны, обращенной к дороге на Бендессенский перевал, снова имела покатость и выступы с лежавшими в них камнями громадной величины, вероятно когда-нибудь оторвавшимися от утеса под влиянием вулканической работы почвы. Спуститься, казалось, невозможным в этот провал, а спуститься надо было той группе людей, которая в это утро собралась на берегу ручья на самом краю обрыва.

Здесь в самых разнообразных позах лежали, сидели и стояли субъекты, в которых, с первого раза, трудно было бы узнать солдат; царствовало полное смешение цветов в одежде: виднелись кумачовые рубахи, белые гимнастические, желтые ситцевые с разными разводами; штаны красные и зеленые, кожаные туркестанского изделия, казенные суконные с большими заплатами на коленях из кожи; на некоторых, очень немногих,

виднелись выцветшие мундиры, сделавшиеся зелено-бутылочного цвета, сквозь изобильные дыры которых виднелась смуглая, загорелая кожа. Обувь была так же разнообразна, как и платье: высокие сапоги, поршни из бараньей кожи, обращенные мехом вверх, лапти, сплетенные из ремешков самых разнообразных фасонов и т.п. Единственно по чему можно было догадаться, что перед вами находятся русские воины, а не сборище разбойников, это по фуражкам, околыши которых под слоем пыли и грязи нельзя было различить по цветам. Несколько человек было в папахах, и верхнее платье их состояло из черкесок с подогнутыми полами, шляпки бердановских патронов выглядывали из газырей во всю ширину груди. Там и сям валялись скатанные шинели; винтовки не были составлены в козлы, а лежали возле сидевших или же растянувшихся на земле солдатиков и были в руках у стоявших или ходивших: мера предосторожности в случае нечаянного нападения. Шагах в четырехстах от этой группы, на вершине холма, виднелся силуэт часового, осматривавшего в бинокль окрестности.

Эта кучка людей представляла из себя половину охотничьей команды штабс-капитана Сл-кого; другая половина оставалась в укреплении Бендессен. Сам Сл-кий находился тут, равно как и гардемарин М-р, а также урядник барон Л-стерн. Все трое лежали на бурках, разостланных на берегу ручейка, шагах в десяти выше по течению от места расположения солдат, и пили чай из стаканов, сделанных из бутылок раньше мною описанным способом. Подойдем, читатель, поближе и послушаем, о чем говорит это трио, так как беседа их, быть может, объяснит нам присутствие охотников в этом месте и их дальнейшие намерения.

- Весь вопрос в том: имеет ли эта котловина выход, - говорил гардемарин, прихлебывая чай и выпуская облака дыма изо рта, - если нет выхода, то не стоит и спускаться туда, так как едва ли текинцы вздумают спуститься в такую мышеловку, откуда выбраться труднее, чем попасть туда...

- Совершенно согласен, но ведь следы крови довели нас как раз до этого обрыва; надо предположить, что текинцы убили джигита, но не успели его обобрать и, заслышав шум приближающегося транспорта, стащили его до обрыва и бросили туда, рассчитывая потом воспользоваться своей добычей, спустившись в провал.

- Но они, вероятно, сейчас же и спустились туда, потому что казаки не видали ни одного из них, хотя лужа крови не успела еще высохнуть, когда они подъехали, значит, времени прошло очень мало, - вставил слово барон, говоривший по-русски очень неправильно и с сильным иностранным акцентом.

- Если они залезли только в эту яму и нет другого выхода, тогда им придется не особенно приятно, - с холодной улыбкой заметил Александр Иванович.

- Много ли их может быть? - спросил барон, ни к кому в особенности не обращаясь.

- Если бы было много, они напали бы на транспорт; даже если бы и не хватило у них на это храбрости, то все-таки большая толпа не могла так быстро исчезнуть, будто сквозь землю провалилась, - заметил молодой моряк.

- Чем больше - тем лучше, господа; не забудьте нас 37 человек, а барон со своими 12 казаками дрался 9 часов против 300 человек, значит, партия в несколько сотен не может представлять для нас опасности.

- Только бы не было там другого выхода, вот в чем вопрос, - добавил Сл-кий и заметил: - Не пора ли подыматься?

- Да оно лучше, пока не жарко, - согласился моряк.

- В ружье! - крикнул командир охотников. Солдатики засуетились. Скатанные шинели надеты, баклажки наполнены водой, вся амуниция приспособлена таким образом, чтобы не мешать ходьбе и не шуметь.

Фельдфебель выстроил команду.

Александр Иванович подошел к команде с неизменным бердановским карабином в руках и, остановившись на средине фронта, произнес:

- Ребята! Мы сейчас спустимся в эту яму, которую вы видели; спуск трудный, но таким молодцам, как вы, это нипочем, надеюсь; на дне, должно быть, сидят текинцы, убившие вчера джигита, придется подраться, смотри же, молодцы - не плошать! Без команды не стрелять и близко неприятеля к себе не подпускать, на шашках они дерутся больно хорошо; в плен ни одного человека не брать! Слышите, ребята?

- Постараемся, ваше б-дие! - рявкнули молодцы.

- Штыки отомкнуть! Полурота - товсь!

Защелкали замки берданок, патроны вложены.

- Курки на первый взвод!

- Напра-во! Ружья вольно! Шагом марш!

- Петров, Кузьмин и ты, Долбня, ступайте вперед, так шагов на четыреста от нас, да зорко смотреть; в случае чего - стреляй! - приказал Александр Иванович.

Два солдатика и казак выделились из полуроты, вприпрыжку побежали к краю оврага и через несколько секунд исчезли.

Сл-кий шел впереди команды, сзади него трубач и один из рядовых.

Начался спуск, не было даже тропинки. Камни, большие и

малые, были нагромождены в беспорядке; а в некоторых местах можно было поставить только одну ногу. Осторожно, опираясь плечом в отвесную стену слева и не смотря в пропасть глубиною саженей в тридцать, солдатики пробирались вперед; иногда из-под ног выскользал камешек, и вот, вот кажется смерть неминуема, но солдатик не терял равновесия и, отделавшись только испугом, продолжал медленно подвигаться вперед; маленький отряд растянулся длинной лентой. Положение охотников было таково, что два текинца, поместившиеся где-нибудь за камнями с берданковскими винтовками, могли их перебить совершенно свободно; к счастью для смельчаков, текинцев не было видно, и отряд понемногу подвигался вперед. Но вот Александр Иванович остановился, солдатики стали один за другим собираться, весь отряд тронулся и, прижавшись к скале, ожидал объяснения, что значит эта остановка.

- Не растягивайтесь очень, ребята, и не шумите, - вполголоса обратился командир охотников к солдатам, с напряженным вниманием слушавшим его, если невзначай по нас откроют пальбу, ложись, приседай кому как удобнее, а главное - на ветер патронов не выпускай! Ну, с Богом вперед! - И Александр Иванович снова пошел вперед, твердо и вместе с тем легко ступая по краю обрыва, слегка наклонившись в левую сторону; солдатики не отставали, обмениваясь между собой тихими фразами.

- Ну и дорога, неча сказать, - пробормотал молодой сапер-охотник, у которого из-под сдвинутой на затылок кепи крупными каплями катился пот, - и чего бы, кажись, не прислать сюды нашу роту расчистить эту чертову гору...

- Эка тоже сказал! - возразил идущий впереди апшеронец, не поворачивая головы в сторону говорившего. - Нешто можно кажинную горку расчищать! А кто бы стал на Бендессенском перевале работать, кабы вашу роту сюды послать?

Сапер, убежденный непреложностью суждений своего товарища, замолчал и только изредка усиленно сопел носом, когда непривычные к горной ходьбе ноги расползались и он рисковал полететь на дно обрыва.

Замыкал шествие вышеупомянутый барон Л-стерн, урядник Таманского казачьего полка. Он едва поспевал за отрядом, уморительно ковыляя. Его привыкшие к верховой езде ноги окончательно отказывались от горного похода; за ним шел его человек, латыш, сопровождавший его повсюду и служивший вьючной лошадью: он нес бурку барона, мешок с съестными припасами, смену белья для своего господина и всякого рода рухлядь. Этот современный Санчо Панса был действительно

образцом слуг; навьюченный так безжалостно, он бодро шагал и перекидывался со своим барином по временам несколькими латышскими фразами, на которые барон отвечал угрюмым ворчанием; по временам из его уст вылетало восклицание вроде "доннерветтер!", и затем он снова с пыхтением торопился догнать шедших впереди солдат, от которых он отставал.

Личность барона настолько интересна, что я попытаюсь рассказать его историю читателю, не боясь, что он за чтением похождений этого ахал-текинского Дон-Кихота соскучится. Барон Л-стерн, немец jusqu' au bout des ongles; его фатерланд - Курляндия. Там находятся у него большие поместья, дающие ему около двадцати тысяч годового дохода. Воспитание барон, как прилично немцу, получил в одном из германских университетов; русский язык представляет для него камень преткновения, и прочесть письмо, написанное по-русски, будет для него труднее, чем разобрать какую-нибудь надпись иероглифами на древнем египетском обелиске. Понятия - самые феодальные; человеческим достоинством и чувствами обладают, по его мнению, только экземпляры немецкого происхождения, имеющие счастье ставить перед фамилией частичку "фон" или какой-нибудь титул.

Барону лет 27, но он никак не может получить офицерский чин, так как экзамен надо сдавать не по-немецки, по-английски или по-французски, а по-русски, изучение же "dieser barbarischen Sprache", как я говорил выше, барону не дается. Он служил в лейб-гвардии гусарском полку, участвовал в турецкой кампании 1877-1878 годов, но офицерского чина не получил. Рассердившись на подобную "несправедливость", он вышел в отставку и жил то за границей, то в имении. Прослышав про экспедицию, барон взял несколько тысяч рублей, своего Санчо Пансу и явился в отряд, где и был зачислен урядником в Таманский казачий полк. Он командовал двенадцатью казаками, составлявшими конвой доктора Студитского, когда на эту горсточку людей было сделано нападение, о котором я говорил в одном из предыдущих очерков. Несмотря на самые разноречивые слухи, ходившие в отряде о поведении барона в этом деле, я могу только заявить, что видел его в огне и в очень крупных схватках совершенно хладнокровным, так что его репутация как храброго человека не может быть оспариваема.

В высшей степени деликатный, предупредительный, обладающий светским лоском, барон, вероятно, может быть прекрасным собеседником в гостиной, но как походный товарищ - оставляет желать много лучшего; особенно бывает он невыносим, когда начинает жаловаться на недостаток комфорта в походе, на грязь, в которой приходится жить, на недостаток съестных

припасов, на жару и прочие лишения; тут и без того тяжело, случается, что позабудешься, примиришься со своей судьбой - вдруг является барон со своими сетованиями и бередит самые чувствительные раны, хотя на минуту забытые. Я достаточно очертил этот редкий в походе экземпляр, теперь возвращаюсь назад, к маленькому отряду охотников, продолжающих спускаться, если не в преисподнюю, то, во всяком случае, в место очень на нее похожее.

Крутая и узкая тропинка приходила к концу, две трети пути рыли пройдены, отряд добрался до площадки, покрытой скудной растительностью, которая довольно крутым спуском, имевшим вид наклонной широкой плоскости, соединялась, или, лучше сказать, сливалась с дном оврага, манившим своею изумительной зеленью измучившихся охотников. Солдатики посматривали вверх и покачивали головой: действительно, глядя снизу, не верилось, что с этой крутизны отряд только что спустился. Тропинки не было видно. Этот узкий карниз, извивавшийся спиралью по отвесной почти стене, исчезал для глаз в отдалении, и зритель, не совершивший с охотниками этого опасного спуска, мог бы биться об заклад на что угодно, что на гору подняться нельзя, а тем более спуститься.

- Ну и вышина же, братец ты мой, аж поджилки трясутся, - говорил казак Фома, один из героев недавнего Бендессенского боя, потирая колени, которые заметно у него дрожали.

- Да, впору хотя бы и Капказу, - согласился фельдфебель, красное лицо которого и тяжелое дыхание показывали, что спуск и для него не был легок.

- И удивительное дело, отчего это у нас в Рассей нет этаких гор? любопытствовал саперик, вглядываясь в самую вершину скалы.

- Оттого, что климат другой, тут, видишь ты, Азия, а там Рассея, пояснил самурец, прислонивший ружье к громадному камню и набивавший тютюном трубочку.

- Таак... - протянул глубокомысленно сапер и стал что-то соображать.

- Видно, оттого, что здесь климат другой, ты и ружье бросаешь? раздался голос унтер-офицера, и философ-самурец, только что с таким апломбом объяснявший происхождение гор, получил изрядную затрещину по затылку. Трубка у него выпала из рук, и он, сильно сконфуженный, повернулся к "ундеру" и робким голосом начал оправдываться:

- Да ведь я, Василь Петрович, на час его отставил, потому неприятелев тут нету...

- Нету? А вдруг ежели они, то исть, сейчас выскачут из-за

камнев, да тебе брюхо пропорят, будет у тебя время винтовку схватить? А еще солдат называется. - И унтер-офицер, дав оплошавшему солдатику так называемого киселя, отошел в сторону. Охотники, видевшие эту сцену, добродушно засмеялись.

- А и строгий же Василь Петрович, у-у! - промолвил самурец, получивший "внушение" и поторопившийся взять в руки винтовку. - Да и добрый! Другой, того и гляди, на часы упек бы, да еще ранец с песком надел бы, а он пихнет аль там ударит, и больше ничего!

Пока солдатики болтали между собой, Сл-кий в бинокль подробно осматривал окрестности; у самого конца спуска виднелись три человека, посланные вперед; вот они остановились сразу, снова сделали несколько шагов и, нагнувшись, начали что-то рассматривать. Прошло несколько времени, один из них отделился и повернул снова на гору, видно было, что он торопится: перепрыгивая через камни, он рысью, с винтовкой наперевес, взбирался на площадку, где остановились охотники.

Командир охотников опустил бинокль и обратился к моряку, стоявшему возле него и закуривавшему папиросу:

- Наши молодцы что-то нашли, Долбня бежит сюда...

- Вероятно, следы текинцев, что же может быть другое?

- Я не мог хорошо рассмотреть в бинокль, камни мешают, но мне показалось, что они рассматривали какую-то массу; да вот сейчас узнаем. Долбня уж близко.

Действительно, бравый казак быстро приближался; папаха сдвинута на затылок, ручьи пота текут по обгорелой физиономии, грудь тяжело подымается; еще несколько шагов - и он взобрался на площадку и, с трудом переводя дыхание, подошел к Александру Ивановичу. Несколько времени открытый рот не мог произнести ни звука, наконец он вдохнул в себя побольше воздуху и выпалил:

- Побитого трухмена нашли, ваше б-дие!

- Кого? Джигита, что ли? - спросил Александр Иванович, как видно, вовсе не пораженный этой новостью.

- Не могу знать, ваше б-дие! Только лежит этто там человек совсем без одежи, голова разбита, весь побит, и грудь в двух местах прострелена аль проколота; так из себя трухмен, потому скрозь черномазый!

Командир охотников не мог удержаться от улыбки, слыша определение национальности найденного трупа, выраженное так своеобразно.

- А следов текинцев не видали? - спросил он Долбню, вытиравшего пот рукавом своей черкески.

- Никак нет, не смотрел, потому торопился доложить вашему

б-дию об убитом.

- Ну хорошо, там увидим! А теперь пойдем дальше. Вперед ребята, за мной!

Быстрыми шагами, почти бегом, стал спускаться маленький отряд. Наклонная плоскость, покрытая камнями, не раз заставляла людей спотыкаться, так как разошедшиеся по силе инерции ноги с трудом меняли направление при обходе встречавшихся ям или груд камня. Вот солдатик споткнулся, удержался, но как раз, на его несчастье, лежит большой камень; при всем желании обойти его он не может, ударяется коленями и летит через голову; винтовка со звоном ударяется о землю, баклажка с водой, подпрыгивая, катится, и сам обладатель ее, прихрамывая и ругаясь на чем свет стоит, подняв ружье, к счастью, не пострадавшее от падения, стремится догнать драгоценный сосуд, содержащий в себе запас воды, которой грозит опасность разлиться. Увы! Так и случилось: пробка выскочила и воды в баклаге нет ни капли. С непритворно грустным видом смотрит солдатик на пустую баклагу, из которой выбежали, когда он ее подымал, последние капли воды.

- Э-эх! Вот так беда, - говорит бедняга и по свойственной русскому человеку привычке почесывает затылок.

- Что земляк, без воды теперича? - соболезнует обгоняющий его товарищ.

- Да вот нелегкий попутал свалиться... - И солдат добавляет очень нелестный эпитет врагу рода человеческого, по его мнению, виновнику его несчастья.

- Ну чего стали, аль прикладом подогнать! - слышится голос "ундера" Василия Петровича, и он, собственной персоной, является перед двумя солдатиками.

- Да вот, Василь Петрович, вода пропала, - говорит солдатик.

- А ты, баранья голова, поможешь, что ли, коли будешь растопыря руки стоять? Да нешто ее мало там внизу? - И ундер показал на зеленеющую равнину.

Лицо солдатика повеселело сразу.

- Оно точно, я не подумал, Василь Петрович! - И оба солдатика вприпрыжку стали догонять товарищей, сначала искоса оглянувшись, не собирается ли их начальник привести в исполнение угрозу насчет приклада, но Василий Петрович мерной походкой опытного пехотинца спускался, не обращая на них больше внимания.

Спуск приближался к концу, ясно виднелась зеленая трава и тростник выше роста человеческого; так и манило к этой свежей зелени после степной пыли и горных каменьев.

В нескольких шагах от приближавшегося отряда стояли два

посланные вперед солдатика. Александр Иванович шагов за десять еще скорчил гримасу и промолвил:

- Эк как воняет мертвечиной!

Запах этот происходил от какой-то потемневшей массы, в которой только по ближайшем осмотре можно было узнать человеческий труп; голова была совершенно раздроблена и представляла запекшуюся массу крови и мозга, из которой торчали осколки разбитых костей. Туловище было покрыто синяками и кровяными подтеками; во многих местах было вырвано мясо, которое висело лохмотьями; кисть правой руки висела на нескольких лоскутках кожи; из правого бока, совершенно разбитого, торчали осколки ребер; ноги, перебитые в нескольких местах, неестественно подогнулись под туловище. Зрелище было очень неприятное даже для людей, для которых вид смерти не был новинкой.

Преодолевая чувство брезгливости, Александр Иванович в сопровождении моряка подошел к трупу и, нагнувшись, начал рассматривать две маленькие ранки: одну под левой ключицей, другую в средине груди; не нужно было быть врачом, чтобы определить происхождение этих ранок - только пуля, пущенная на близком расстоянии, может произвести такую маленькую затянутую внутрь ранку. Объяснение других повреждений на трупе тоже не трудно было найти, так как близлежащий огромный камень был забрызган кровью и мозгом.

- Текинцы его убили наверху и сбросили сюда, я это и раньше думал, промолвил Александр Иванович. - Он, падая, ударился сначала об этот камень и от него отпрыгнул уже сюда. Затем они спустились и здесь обобрали его, так как наверху им помешали казаки.

- Если отсюда нет выхода, то этих господ можно поздравить с большой неприятностью, - произнес гардемарин, отходя от убитого и внимательно всматриваясь в землю вокруг, будто ища чего-нибудь.

- На этой каменистой почве едва ли вы найдете следы, - послышался голос барона, угадавшего намерение моряка.

- Да это верно, ничего не видать, - согласился моряк и обратился к Александру Ивановичу. - Надо приказать зарыть этого беднягу, а то он распространяет таковое зловоние, что дышать невозможно!

- Фельдфебель! Прикажи людям, у кого есть лопаты, забросать труп землей, да каменьев набросать сверху, чтобы шакалы не отрыли!

Несколько человек отделились из числа охотников и, вынув коротенькие лопаты, так называемый линнемановский шанцевый

инструмент, принялись забрасывать обезображенный труп, который Вскоре исчез под грудой пепла. Все охотники стали бросать камни, и таким образом в непродолжительное время образовался порядочный курганчик, навсегда скрывший под собой тело джигита. - Ну, вот и похоронили, - сказал Александр Иванович. - Теперь, господа, - обратился он к моряку и барону, курившим в некотором отдалении, - попрошу вас составить со мною маленький военный совет.

Моряк и барон Л-стерн подошли к командиру охотников и, по его приглашению, опустились на бурку, которую догадливый человек барона успел уже разостлать.

- Что вы предполагаете теперь предпринять? - обратился Слкий к барону, как самому младшему из трех.

Барон подумал с минуту и затем медленно, коверкая слова, начал:

- Я думаю, господин капитан, пойти посмотреть, нет ли здесь неприятеля, только идти осторожно, чтобы не попасть в... в... как это! Hinterhalt! - обратился барон к гардемарину.

- По-русски это называется засадой, - перевел моряк, с трудом удерживаясь от смеха при взгляде на барона, который даже покраснел от усилия вспомнить это проклятое русское слово, а может быть, и оттого, что чувствовал устремленный на себя пристально сардонический взгляд Александра Ивановича.

- Да, да! Чтобы не попасть в засаду, - продолжал барон, - я думаю, лучше всего идти по ручью, - прибавил он.

- А ваше мнение, моряк? - обратился капитан к гардемарину.

- Если текинцы скрываются здесь, то, вероятно, где-нибудь между горами, чтобы не быть окруженными со всех сторон; относительно осторожности, которая должна быть соблюдаема, с бароном я вполне согласен, так как раз текинцы не могут выйти отсюда, то они будут драться со всей силой отчаяния!

- Никто из вас, господа, и не должен сомневаться в том, что будут приняты все меры предосторожности, хотя я не думаю, чтобы текинцы устроили засаду; мне даже пришла мысль в голову, что текинцев и след здесь простыл, так как выход из этого провала должен существовать, иначе ручей, который здесь протекает, разливался бы и образовал болото; значит, он пробирается между горами, раз здесь нет болота. Мы разделим отряд на две половины, продолжал Александр Иванович, - я с одной половиной пойду под горами направо, а вы, моряк, с другой половиной - налево; когда мы осмотрим, тогда, соединившись, пойдем по ручью.

С этими словами командир охотников поднялся с бурки, взял свой карабин и крикнул фельдфебелю поделить команду

пополам. Барон пошел с гардемарином. Послышалась команда моряка: "Нале-во, шагом марш!" - и двадцать охотников двинулись в путь. Через несколько минут они вошли в зеленеющую полосу травы, держась шагах в ста от подошвы скал. Густая и высокая трава почти совсем скрывала эту горсточку людей, только штыки виднелись и сверкали на солнце, так как после спуска с горы солдатики их снова примкнули. Осторожно подвигались охотники, высматривая тщательно вокруг, насколько позволяла трава; подозрительного не было ничего. Солнце ярко сияло на голубом небе, красноватые скалы вздымали горделиво свои трещины, в зеленой траве заливалась какая-то пичужка и трещали кузнечики, обстановка была самая мирная, располагающая к мечтательности, а вовсе не к кровавой потехе, именуемой войной.

- Какое чудное место! - обратился моряк к барону, старавшемуся не отставать от него и уныло повесившему голову.

- Да, очень хорошее, - согласился тот и, помолчав, продолжал, - вы не знаете, скоро мы сделаем привал? Ведь надо будет поесть...

- Часов через пять, не раньше, - ответил гардемарин и искоса посмотрел, какое действие произведут на барона его слова.

Физиономия последнего вытянулась, и он довольно комично вздохнул.

- Поход очень неприятная вещь, - начал он, - нет возможности вести регулярную жизнь, а это очень вредно отзывается на здоровье; и потом, эта вечная ходьба...

- Но согласитесь сами, что прогулка в такое прекрасное утро может принести только пользу, и аппетит будет лучше...

- О, это было бы все очень хорошо, если бы я имел верховую лошадь, но пешком... - И барон сделал гримасу.

- Вам надо приучиться ходить; я понимаю, что вы, как кавалерист, не привыкли, но раз поступили в охотники - надо уметь и ходить и бегать по горам; я, например, моряк, однако же должен был приучиться к степной жизни, не имеющей ничего общего с нашей судовой.

Барон, казалось, не убедился этим доводом; он понурился, перекинул винтовку с левого плеча на правое и замолчал.

Отрядец продолжал двигаться. Полпути с лишком было пройдено. Трава становилась гуще. Зорко всматривались охотники в эту обманчивую зелень; какое-то беспокойство выражалось во взглядах, да оно и понятно - чувство страха перед неизвестной или, лучше сказать, скрытой опасностью всегда доступно самому отважному человеку. В эту-то минуту общего напряжения нервов с той стороны, куда пошли охотники под

командой Александра Ивановича, грянул выстрел, повторяемый нескончаемым эхом гор...

Солдаты сразу остановились, и у многих винтовки невольно соскочили с плеча и были взяты на изготовку, лица стали серьезны - наступал важный момент...

Гардемарин и барон встали на правом фланге... Послышались два выстрела, один за другим...

- Взвод - товсь! - скомандовал моряк, щелкая сам затвором своей "магазинки".

В траве зашумело, будто бежала толпа людей, все ближе и ближе...

Звук стал походить на топот нескольких лошадей.

- Кавалерия, - прошептал кто-то во фронте. Быстро раздвигаемая трава шелестела... Вот близко, совсем близко... Сердца усиленно стучали у этой кучки людей, не знавших со скольким числом неприятеля придется им иметь дело...

Но вот последние ряды камыша и травы раздвинулись, и прямо на фронт выскочило штук восемь кабанов, которые при виде людей с трудом остановились с разбега и несколько мгновений с хрюканьем стояли. Изумление охотников, ожидавших врагов более опасных, было таково, что никто не подумал выстрелить; первый опомнился моряк и, крикнув: "Стреляй, ребята!" приложился и спустил курок...

По фронту загремели выстрелы... Кабаны бросились налево, один подпрыгивал на трех ногах, один бился на земле, неистово хрюкая, взрывая ногами и клыками землю и злобно поводя вокруг своими маленькими глазами... Какой-то юркий солдатик побежал вслед за подстреленным и через несколько времени в траве послышался выстрел.

- Вот напугали, подлецы, - промолвил гардемарин, подходя к кабану, который перестал биться и лежал покойно на боку... Увидя подходящего человека, животное злобно хрюкнуло, сделало усилие подняться, но грузно упало и снова начало биться...

- Надо его пристрелить, - проговорил барон и, приложив дуло винтовки почти в упор к уху кабана, выстрелил; судорожно вздрогнул бедняга и протянул ноги.

- Вот вам барон и обед будет вкусный, - сказал моряк, наклонившись и рассматривая добычу.

- Лишь бы только капитан здесь сделал привал, а уж пообедаем мы на славу, - заговорил повеселевший барон.

В эту минуту послышались мерные шаги, и второй отряд вышел из чащи травы.

- Что, наделал я переполоху? - обратился с улыбкой

Александр Иванович к моряку.

- Да, признаюсь-таки, и ваша стрельба и эти бестии, - моряк ткнул носком сапога в бок убитого зверя, - доставили нам несколько минут неприятного ожидания...

- Да, вам посчастливилось лучше нашего, правда, вы открыли беглый огонь, а мы сделали всего три выстрела, только тут кто-то отличился, выпалил так высоко, что пуля свистнула у нас над головами, да так жалобно...

- Это, значит, от рикошета, - заметил моряк и начал рассказывать, как охотники услышали выстрелы, как приготовились встречать текинцев и как кабаны набежали прямо на фронт.

- Ну что же, - в раздумье проговорил Александр Иванович, - надо здесь сделать привал, благо есть мясо... Боюсь я только, чтобы на желудках людей не отозвалась вредно свинина, - прибавил он.

- Да ведь помногу ли придется на брата, - возразил барон, которому стало страшно, что давно желанный привал не состоится. Он не успел окончить еще апологии в пользу обеда из свинины, как появился солдатик, носивший на себе следы сильной борьбы.

Правая штанина была располосована, и на голом теле виднелось несколько кровавых царапин, штык был весь в крови и заметно согнут.

- Это что такое? - воскликнул удивленный моряк. - Где это тебя?

- Это все он наделал, ваше б-дие, - ответил с виноватым видом солдатик.

- Кто? - переспросил Александр Иванович.

- Свинья, ваше б-дие!

- Где? Какая?

- А этта, что в траву побегла; я за ней... пальнул... упала. Я подбег, а она как выскочит, да зубом в эфто место, - и солдатик показал на царапину, - спасибо еще, что скользнул, зуб-то! Я ее штыком, шкура толстенная, не берет; еле-еле пропер ей бок, потому она вертится, вот штык только согнул. Она вот там и теперича лежит, - и солдатик показал по направлению к горам.

- Ну, молодец, - сказал Александр Иванович, - ты ногу то обмой да завяжи, а то разболится.

- Никак нет, ваше б-дие! Я этта поплевал да песочком присыпал, оно и засохнет. - И наш молодец с довольным видом направился к кучке солдат, по-видимому успокоившись, что порча штыка не подвергла его ответственности.

- Так как же, господа, подкрепим здесь силы? - обращается

Сл-кий к моряку и Л-стерну.

Оба кивнули головой в знак согласия, и барон с нескрываемым удовольствием крикнул своему человеку разослать бурку и подать мешок с провизией и принадлежности для закуски.

- Послать ко мне фельдфебеля, - обратился Александр Иванович к группе солдат, рассматривавшей кабана.

Явился фельдфебель.

- Здесь будет привал, - обратился Сл-кий к нему. - Вышли четверых людей на пикеты; один поставишь из двух человек на берегу ручья и по одному на той площадке, с которой мы спустились, и здесь, - при этом Александр Иванович показал на выступ скалы саженей десяти вышиной в недалеком расстоянии от бивака. - Людям варить себе пищу из убитых кабанов, унтер-офицерам смотреть за тем, чтобы люди не объелись; можно выпить по полкрышке спирта. За водой ходить с винтовками.

- Слушаю, ваше б-дие. - И фельдфебель пошел распоряжаться.

- Барон, а барон, - обратился моряк к Л-стерну, вынимавшему из мешка разные жестянки и бутылки, - а ведь обедать-то нам не придется.

- Как? Почему? - удивился барон.

- Да ведь, чтобы жарить и варить свинину, надо развести огонь из чего-нибудь, а я здесь не вижу ничего подходящего для этой цели!

Действительно, местность не только что не изобиловала горючим материалом, но его не виднелось совсем.

Барон возмутился:

- Черт знает что такое! И мясо есть, и времени сколько угодно, а поесть не удастся!

- Действительно, я не подумал об этом, - проговорил Александр Иванович, - видно, солдатикам не придется пообедать; пусть отдохнут да поедят хоть сухарей.

- А может быть, и есть здесь где-нибудь колючка или сухой тростник, заметил моряк, - позвольте послать людей поискать, - обратился он к Сл-кому.

- Постойте, только не одного, а человек пять или шесть с винтовками; место незнакомое, еще нарвутся на кого-нибудь.

Гардемарин встал и направился к тому месту, где располагались солдаты на отдых; через несколько времени шесть человек отделились и, взяв винтовки и подсумки, направились разыскивать материал для варки пищи.

Моряк вернулся на место и, разлегшись на бурке, стал задумчиво курить, пуская кольца дыма вверх, в голубое безоблачное небо.

- А знаете что, господа, - обратился Александр Иванович к обоим молодым людям, - я убежден, что мы сегодня увидимся с господами текинцами.

- Почему вы так думаете? - спросил барон.

- Сейчас объясню. - Александр Иванович оперся на локоть, вытянул ноги поудобнее и начал: - Мы обошли кругом всего этого провала и нигде не видели признаков отдыха неприятеля. Как вам известно, джигит был убит вчера около полдня. Текинцы обобрали его и, не отдыхая, исчезли куда-то; до того времени, пока они добрались сюда, им пришлось пройти немало, так как шли они издалека. Вы спросите, почему я думаю, что они пришли издалека? Я заключаю это из того, что более десяти дней не было никаких случаев убийства и нападения, и только вчера первый попался этот бедняга, значит, шайки этой не было в окрестностях. После убийства их никто вчера не преследовал, но они побоялись остаться здесь и куда-то ушли; останавливались ли они ночью - трудно решить, вернее - нет. Ночью их тоже никто не тревожил, так что они теперь совершенно успокоились и, вероятно, целый день посвятили отдыху. Я позабыл вам сказать, что, обходя сегодня под горами, нашел ущелье, в которое течет ручей, но кабаны помешали его осмотреть, да и людям хотелось дать передохнуть; по моему предположению, этой дорогой можно выйти за Беурму, текинцы пошли этой единственной дорогой; в Беурме они не останавливались, так как там слишком часто бывают наши, значит, их надо искать около Беурминско-Арчманской дороги; в тех местах я знаю ущелье, где хороший родник и почти неприступный вход...

Рассуждение Александра Ивановича было прервано появлением солдат, посланных на поиски горючего материала; каждый из них нес по большой охапке сухого камыша, травы и кипарисовых сучьев.

Обрадованный барон встретил их появление радостным восклицанием; солдатики тоже были, видимо, довольны находкой своих товарищей.

- Где вы это раздобыли? - обратился Александр Иванович к одному из пришедших.

- А в ущелье, ваше б-дие. Там дальше больших дерев много. Кленовые деревья - во какие. - И солдатик, желая показать обхват, распростер руки наподобие крыльев. - Ежевики этой самой страсть сколько, - добавил он; последнего он мог, впрочем, и не прибавлять, так как вся физиономия носила на себе следы близкого соприкосновения с этими ягодами.

- И спелая? - спросил гардемарин, большой любитель всех ягод вообще.

- Скрозь спелая, ваше б-дие, - ответил солдатик и приятно улыбнулся.

- Вам нужно еще дров? - спросил моряк.

- Как же, ваше б-дие, нешто этого хватит, - ответил один из солдат.

- Ну так и я с вами пойду набрать ягод, - сказал он подымаясь.

- Да вы, Александр Александрович, возьмите побольше людей, чтобы сразу набрать дров на всю варку, а то ведь до второго пришествия будем возиться с этим обедом, - обратился к моряку Сл-кий.

- И то правда, - согласился последний и крикнул: - фельдфебель! Дай мне пятнадцать человек, десять без ружей в том числе!

Через несколько минут отрядец отправился за дровами. С трудом продирались люди через высокую траву, хлеставшую в некоторых местах по лицу; минут через десять дошли они до ручья, шириною аршина в два или три, молодецкими прыжками оставили его за собой и пошли к видневшейся шагах в двухстах расселине; только подойдя ближе, можно было заметить, что это узкое углубление было входом в ущелье, сразу расширявшееся и орошаемое ручьем, который, изогнувшись коленом, продолжал свое течение. Скалы были здесь хотя и очень высоки, но не круты и поросли искривленными, правда, но все-таки деревьями кипарисовой породы и пожелтевшей колючкой.

- Где ежевика? - обратился моряк к солдатику, рассказывавшему о ягодах.

- Подалее, ваше б-дие, - последовал ответ.

Ущелье в самом начале делало изгиб; в этом месте две скалы так сближались, что изображали из себя арку; высоко, высоко через отверстие между этими скалами, почти заросшее разным кустарником, виднелось голубое небо и солнечные лучи, попадавшие в этот природный грот, все-таки не могли осветить его вполне и оставляли в полумраке; приятная прохлада и мертвая тишина царили здесь; ручей исчезал, скрываясь под землей и там прорывая себе дорогу, так как каменистая поверхность не представляла тут удобного русла. Люди приостановились на несколько секунд, с наслаждением вдыхая свежий, прохладный воздух.

- Вот бы где, ваше б-дие, привал устроить, - обратился один из солдат к моряку.

- Да, недурно бы, вот только, если бы тебя или меня укусила эдакая мерзость, так не поздоровилось бы, - прибавил гардемарин, показывая на очень приличной величины змею

бурого цвета с черными пятнами, выползшую у него почти из-под ног и бесшумно скрывавшуюся за одним из камней в темном углу этого мрачного прохода.

Наконец вышли на свет Божий, ущелье представляло здесь обширную, цветущую и зеленеющую поляну; росло несколько групп кленов, по берегу ручья, здесь довольно широкого и глубокого, было видимо-невидимо ежевики и шиповника, аромат которого наполнял воздух; чириканье птиц слышалось повсюду. Моряк, в восхищении смотревший на эту, действительно редкую в Средней Азии, знаменитой своей бесплодностью, картину, вдруг насторожился и, махнув рукой солдатам, чтобы они замолчали, стал прислушиваться.

Ясно доносились звуки: квок, квок, кво-кво-квоок!

- Каменные куропатки! - прошептал он и, пригнувшись, быстрой рысцой направился в сторону, откуда доносилось кудахтанье.

По склону горы бегало штук двадцать птиц, носящих название каменных куропаток; они, видимо, не были знакомы со страшным действием огнестрельного оружия, так как подпустили моряка шагов на тридцать, и после выстрела из "магазинки" не полетели, а быстро побежали вверх по скату горы; второй выстрел был пущен в эту пернатую публику, и одна из птиц беспомощно забила крыльями, подлетела на пол-аршина вверх и упала мертвой.

Один из солдат побежал достать ее, а моряк отправился собирать в фуражку ежевику, очень довольный неожиданным прибавлением к обеду нового блюда.

Когда он возвращался к бивуаку, неся полную почти фуражку ягод и еще издали торжественно показывая убитую птицу, костер весело трещал уже, вода кипела в котелках, жарившаяся свинина за уже приятным ароматом давала о себе знать, а Александр Иванович и барон с нетерпением ждали его, чтобы совершить по "единоточию", то есть опрокинуть в свое молодецкое горло по доброй чарке доброго же коньяку. Появление его они приветствовали очень радостно, так как теперь ничто не мешало начать закусывать, а пяти- или шестичасовая ходьба развила-таки аппетит преизрядный. Сдав свою добычу Санчо Пансе барона, моряк уселся, крякнул и сказал: "Ну, теперь выпьем!" За словами последовало действие, немедленно повторенное его двумя товарищами.

Если вам случалось когда-нибудь, читатель, обедать на открытом воздухе где-нибудь в лесу или степи, на охоте, то вы поймете приятное чувство, которое испытывали наши молодцы во время простого, но веселого обеда.

Я лично предпочитаю подобный обед в обществе славных товарищей всякому другому пиршеству, где все совершается по правилам высшего этикета: кавалеры во всем черном или же в блестящих мундирах, не дающих свободно вздохнуть; дамы беспомощно расфранченные, затянутые в корсеты, так что ни один кусок не идет в горло; разговоры, вращающиеся на том, что было на рауте у m-me la princesse X, или на балу у comte'a Z, видимо, никого не занимают и говорящие так же мало интересуются заведенной ими беседой, как и остальные, а все это делается из приличия; дамы искоса посматривают одна на другую, запечатлевая в своих хорошеньких, изящно убранных, но, к сожалению, обыкновенно пустых головках мельчайшие подробности туалета других, чтобы потом целую неделю рассуждать о безвкусии m-me или m-lle такой-то, так как каждая из этих представительниц прекрасного пола твердо убеждена, что только она одна умеет одеваться со вкусом и к лицу; провозглашаются тосты, и случается, что любезно чокающиеся господа в душе желают друг другу вовсе не благ земных, а всевозможных бед, но на этих бесстрастных физиономиях представителей нашего high-life'a не выражается ничего, и два важных сановника, кажущиеся сегодня, за этим обедом, в лучших отношениях между собой, завтра подставляют друг другу ножку!.. Все здесь ложно, стеснительно, скучно и бессмысленно!

Спорить о чем-нибудь неприлично, завести серьезный разговор тоже не принято, есть и пить вволю немыслимо! Несчастные люди сами себя мучают этими противоестественными порождениями больного мозга, именуемыми великосветскими приличиями...

Рядом с этой картиной великосветского обеда в моей памяти рисуются воспоминания о других обедах, где речь льется рекой, спорят, рассуждают, пьют и едят без стеснения, не затянувшись во фраки или мундиры; голубое небо вместо украшенного живописью потолка, под рукой у собеседников винтовки, лежащие наготове, пирамиды составленных ружей виднеются вблизи, ходят назад и вперед солдатики с манерками - видна жизнь, а не прозябание! Хорошо, господа, ей-богу, хорошо там, сравнения нет с этой проклятой городской жизнью.

Сколько раз закаивался я философствовать по этому предмету и каждый раз прорывалось! А ведь сам хорошо сознаешь, что в нашем положении и чинах "не должно сметь свое суждение иметь!" Еще в беду попадешь, чего доброго, итак - стоп машина! Перейду к дальнейшему описанию событий.

Довольно долго обедали наши три молодца и поели-таки немало; недаром мне приходилось слышать за границей отзывы о

русском аппетите в следующей форме: русский съедает и выпивает столько, сколько вместе англичанин, два немца и три француза! Барон единственно чем походил на русского - это своим аппетитом.

Выпили чаю и закурили.

Александр Иванович вытащил из-за борта сюртука допотопные серебряные часы и, взглянув на них, промолвил:

- Всего четверть первого; останемся здесь до трех; в три выступим, в половине седьмого будем в Беурме, тут всего верст 12-14; там пообождем, пока смеркнется, а затем пойдем к роднику. Если нет текинцев у родника переночуем там.

- А если есть? - спросил моряк.

- Тогда подеремся, прогоним их и все-таки устроим ночевку.

- Пожалуй, кто-нибудь из нас заночует навсегда "холодным сном могилы", - продекламировал гардемарин.

- И это возможно; люби кататься - люби и саночки возить, - ответил Александр Иванович, - да нам что с вами, ну, помрешь и конец! Жены и детей нет, не о ком и беспокоиться.

- Это верно, - подтвердил и барон.

- Ну, вы-то не говорите, вам, поди, с двадцатью тысячами годового дохода только и жить, - возразил моряк. - Ну, скажите ради Бога, отчего вы не женитесь и не живете себе покойно в своем замке.

- Нравится бродяжническая жизнь, - ответил Л-стерн, - жениться поспею еще.

- Лучше камень на шею да в воду, чем посадить себе бабу на плечи, связать себя на всю жизнь! Тогда останется только сидеть дома да штопать чулки или раскладывать пасьянс. Трусом сделаешься в конце концов, так как поневоле начнешь дорожить жизнью ради семьи! Нет, господа, не женитесь: ни одна женщина не даст вам такого счастья, как привольная, свободная жизнь! А тут пойдут неприятности, ревность, всякая гадость, и пропал человек ни за грош. - Всю эту тираду Сл-кий произнес очень горячо.

- Вы, значит, Александр Иванович, не признаете любви, - обратился к нему моряк.

- А вы признаете? - спросил командир охотников, насмешливо прищуриваясь.

- Еще бы не признать! Стоило ли бы и жить тогда, - вскипятился моряк.

- Ну, это пока вы не побывали в переделке у какой-нибудь бездушной кокетки. Вы хороший товарищ, поэтому я вам и не желаю ничего подобного, так как из этой переделки сплошь да рядом люди выходят с разбитой жизнью, озлобленные на весь

мир! Из схватки с текинцами вы можете выйти победителем с перебитыми костями, может быть, но это пустяк в сравнении с нравственным страданием; отсюда следует, что я побегу перед одной юбкой и не побоюсь десятка текинцев!

Таким логическим выводом закончил Александр Иванович свое обвинение прекрасного пола; предоставляю читателям и читательницам разрешить, был ли он прав или нет, но, придерживаясь только строгой истины, должен заявить, что молодой моряк не поверил этому; а может быть, держись он высказанного капитаном правила, ему пришлось бы меньше страдать в жизни!

- Есть время вздремнуть, - произнес барон, глаза которого начинали слипаться.

- Да, не мешает, - согласились остальные два собеседника.

- Фельдфебель! - крикнул Александр Иванович. - Вот тебе часы, разбуди нас без четверти три! Слышишь!

- Слушаю, ваше б-дие!

Вскоре послышался храп трех господ, лежавших лицом вниз на бурке, сдвинув фуражки козырьком на затылок; солдаты тоже похрапывали, и только пять часовых не спали, пристально вглядываясь в окрестность - не идет ли неприятель, могущий неожиданно потревожить их товарищей и обратить их отдых в непробудный сон.

Солнце палило немилосердно спящих, но это не мешало им, и неизвестно, в котором часу проснулись бы они, вероятно, только ночью, если бы не промокли от росы. Ровно в половине третьего унтер-офицер, который не мог спать, исполняя обязанность разводящего на часы, подошел к фельдфебелю и стал его будить; последний, спавший даже без фуражки, вскочил немедля, зевнул несколько раз, не забывая при этом крестить рот, набрал в рот воды из манерки, полил себе из этого импровизированного рукомойника на руки, сполоснул раза два лицо, обтерся рукавом шинели и, совершив таким образом свой туалет, принялся будить команду. Нехотя подымались солдатики, разоспавшиеся после сытного обеда и сильно пригретые солнышком.

Зевая, почесываясь и покрякивая, стали они собираться снова в дорогу.

Шум, производимый ими, не разбудил, однако, господ, продолжавших сладко спать.

- Ваше б-дие! Вставать пора, - подошел фельдфебель к группе спящих.

Никто не шелохнулся.

- Ишь как здорово заснули! - обратился фельдфебель к

"ундеру" Василию Петровичу, недалеко стоявшему и добродушно взиравшему на эту сцену.

- Аль вы позабыли, Дормидон Тимофеевич, что их б-дие командер велел еще в Бендессене будить крикнумши: "тревога!" Они сейчас вскочат, вот посмотрите, - ответил "ундер".

- Тревога, ваше б-дие! - крикнул фельдфебель.

В один момент все спавшее трио было на ногах и схватилось за винтовки, подле лежавшие.

Увидя фельдфебеля, не могшего скрыть своей улыбки при виде такого быстрого действия его слов, и покойно собиравших свои пожитки солдат, Александр Иванович зевнул и спросил:

- Что, ничего не было особенного?

- Никак нет, ваше б-дие, - ответил фельдфебель.

- Поторопи людей собираться!

- Слушаю, ваше б-дие!

Пунктуально в три часа охотники выступили, запасливый человек барона сунул в мешок с провизией несколько кусков мяса от не вполне уничтоженного кабана.

Отрядец исчезал постепенно в высокой траве; несколько орлов-стервятников, давно уже маленькими точками кружившиеся на голубом небе, описывая громадные спирали в воздухе, спускались все ниже и ниже, собираясь полакомиться остатками вкусного обеда, так любезно предоставленного в их распоряжение "белыми рубахами"...

А эти последние шли по живописному и плодородному ущелью, где моряк набирал за несколько часов перед этим ежевику, но эта красивая дорога не обращала на себя их внимания - после сытного обеда ходьба довольно неприятная вещь, а тут еще во время сна на солнце всего распарило...

- Ишь ты печет как! - с недовольным видом говорил солдатик-апшеронец соседу своему казаку. - У нас теперь, поди, в деревне славно, не жарко, благодать - одно слово! А тут, почитай, и снега не увидишь, все такой солнцепёк будет и зимой!

- Ладно, брат! И ноги успеешь еще поморозить, - ответил казак. - Я, этто, в прошлую зиму был в Дузлу-Олуме - таково холодно было, что и в Рассей другорядь зимой теплее бывает!

- Ну-у? - удивился солдатик.

- Верно тебе говорю; снегу настоящего нет, правда, а перед рассветом утречком здорово холодно; у нашего сотенного трубочка эдакая была махонькая, стеклянная, мудрено он ее что-то прозывал, ну так он по этой трубочке все смотрел и аж удивлялся...

- Эвона что! Значит, на зиму выдадут беспременно теплые сапоги!

- И полушубки дадут, - добавил казак.

- Лясы точить - точи, а растягиваться - не сметь! - послышался голос того же Василия Петровича, заметившего, что оба собеседника, увлекшись разговором, уменьшили шаг.

- Он ничего не пропустит, - заметил казак, поспешно догоняя шедших впереди.

- Бедовый! - согласился солдатик. - Служака - первейший сорт! И в Хиве был, и на Капказе! Две раны имеет!

- Что и говорить! Второй десяток лет служит!

Ущелье вилось длинной лентой; скалы то суживались чуть не вплотную, оставляя самый неудобный проход, загроможденный камнями, где с шумом пробивался ручей, то снова расходились и глазам представлялась зеленеющая поляна...

Охотники прошли уже версты четыре или пять, как вдруг ущелье окончилось; самым неожиданным образом перед ними очутилась скала, почти отвесная, на которую нечего было и думать взобраться.

- Вот так штука, - промолвил Александр Иванович и начал пристально вглядываться, отыскивая какой-нибудь выход, но его не находилось.

- Ведь не могли же текинцы перепрыгнуть через эту гору, - промолвил моряк, - надо поискать где-нибудь около следов подъема...

- Какие вам следы на каменьях, - с нетерпением ответил Александр Иванович, - на протяжении этих пяти верст, нами пройденных, есть очень много мест удобных для восхождения на эти скалы, так что нечего и думать найти естественный и вместе с тем единственный выход. Я думаю выбрать место поудобнее и сейчас же подняться на горы, пока не стемнело, может быть, и увидим еще что-нибудь. - И Александр Иванович, скомандовав "кругом", быстрыми шагами повел отрядец назад, все время отыскивая глазами удобное для восхождения место.

Быстрым шагом прошли охотники около версты, нигде не видя особенно удобного места, чтобы подняться на эти каменные громады, подымавшие свои вершины, увенчанные темной зеленью кипарисов, в голубое безоблачное небо!..

Но вот налево, по скату горы, зачернелось изгибами нечто вроде тропинки...

Послышалась команда "стой!".

- Надо здесь подняться, - обратился Сл-кий к моряку.

- Что же, подымемся, - последовал ответ.

Александр Иванович, дав передохнуть солдатикам несколько минут, первым начал подъем. Крутая тропинка шла постоянными изгибами, обходя уступы и большие камни. Говор в рядах солдат

замолк; слышалось прерывистое дыхание, вырывавшееся из сдавленных грудей; пот катился градом, ноги дрожали...

Изредка кто-нибудь останавливался перевести дыхание, глотнуть воды из баклаги и снова карабкался наверх, помогая себе опираться винтовкой. Сдвинутый камень катился, подпрыгивая с глухим шумом, и исчезал в ущелье, не будучи в состоянии остановиться на этой сорокапятиградусной крутизне. Можно было подумать, что дело идет о спасении жизни этих людей, так торопились они подняться, следуя за своим начальником, который, запыхавшись, облитый потом, едва дыша, с раздувающимися ноздрями, шел безостановочно, прыгая с камня на камень, цепляясь руками там, где было нельзя надеяться только на силу мускулов ног...

Что за смысл был, спросит читатель, этого стремительного подъема?

Очень простой. Стоило только остановиться на этом крутом подъеме на несколько минут, и силы оставили бы солдат; дрожавшие ноги потребовали бы очень продолжительного отдыха для возобновления этого подъема. Вероятно, каждому случалось, пройдя большое расстояние или долго занимаясь гимнастикой, по окончании движения почувствовать усталость в сильной степени, усталость, которая не замечалась почти совсем во время этого движения; все работавшие мускулы как бы налиты свинцом, в висках стучит, сердце хочет выскочить из груди, и снова приняться за ходьбу или гимнастику уже очень трудно после кратковременного покоя; или не надо отдыхать совсем или же только передохнуть, не позволяя своим мускулам и двух минут пробыть в бездействии... Достигли цели - отдыхайте вволю лежа на спине, подняв ноги кверху. Полчаса такого отдыха, глоток спирта или крепкого какого-нибудь напитка - и снова вперед! Вот лучшее правило в походе. Пишущему эти строки пришлось видеть, во время возвращения после рекогносцировки Геок-Тепе, 8 июля 1880 года, когда был сделан суточный переход в 42 версты по степи, по лодыжку в песке, без воды, при жаре более 45 градусов, людей, которые, споткнувшись, падали и, позволив пролежать себе несколько минут для отдыха, впадали в тяжелый сон вроде летаргического, и двигаться далее уже не могли! Преодолей же себя этот же самый индивидуум, подымись и иди дальше, и он мог бы пройти еще версты четыре, отделявшие его от ночлега. Я это говорю по собственному опыту. Малейшая потеря самообладания, желание предаться неге отдыха на пять минут и - баста! - мускулы отказываются служить, к ногам привязаны пудовые гири, и вся сила вашей воли не подымет вас!

Александр Иванович, как сделавший уже четыре похода,

хорошо знал это, да и солдатики уже по опыту не раз чувствовали, что остановка вредно отзывается на их ногах: "Сейчас, это, человек распарится и размякнет..." Поэтому не удивляйтесь, читатель, что охотники чуть ни рысью бежали на гору, а проклятая вершина была еще далеко, но уже три четверти пути было пройдено, когда одно обстоятельство показало, что случайно избранная охотниками дорога не ведет их по ложному следу: казак Фома вдруг нагнулся и поднял с земли кусок кожи, имевший вид грубой подошвы, и немедленно сообщил о своем открытии Александру Ивановичу, который, равно как и все охотники, признал в этом куске кожи подошву от одной из туркменских чувяк. Странное дело! А между тем эта пустяшная с виду подошва, валявшаяся на горе, чрезвычайно подняла дух охотников; значит, текинцы действительно проходили здесь, значит, есть вероятность нагнать их, значит, будет дело - так рассуждал каждый из солдатиков и с новой энергией лез на эту проклятую гору, стремясь поскорее дорваться до этих "черномазых трухмён!".

- Еще немного, самую малость, ребята, понатужься, - говорит фельдфебель, по красному полному лицу которого струился пот, поминутно вытиравшийся рукавом рваного сюртука, - один пустяк остался, а там спущаться легко!

- А ведь он, ребята, теперича уж начал свою амуницию терять, еще нас не видамши, что же с ним будет, как мы "ура" гаркнем? - говорил солдатик-самурец, напоминая о найденной подошве.

Послышался искренний, веселый хохот в ответ на этот вопрос, и начались разные, очень нелестные предположения о дальнейшем поведении "его", то есть неприятеля. Эта странная особенность выражения солдат замечена, вероятно, не одним мною; солдат почти никогда не скажет: текинцы стреляют, неприятель идет и т.д., нет, он обязательно употребит местоимение третьего лица единственного числа!

Но вот подъем и кончился...

- Ну, ребята, ложись и задирай ноги! - гаркнул Александр Иванович, сам опускаясь на землю и подавая пример к исполнению отданного приказания. Бедный барон совсем без сил плюхнулся на землю, призывая на немецком диалекте проклятие небес на всю Ахал-Теке с ее природой, климатом и жителями...

- Ну и подъем, - проговорил гардемарин, прося барона жестом передать флягу со спиртом, в которой последний пытался найти утешение за испытанные при восхождении муки. - Я соглашусь десять раз на любом корвете пробежать через салинг, чем еще раз подняться на эту чертову гору! До сих пор жжет в груди, а сердце выскочить хочет!

- Да это не от спирта ли? - промолвил Александр Иванович.

- Какой от спирта! От спирта ощущается только приятная теплота, а тут что-то в дыхательном аппарате неладно, еще горловую чахотку наживешь!

- Тогда вам надо будет постараться быть сегодня же убитым, чтобы не умирать от такой скверной болезни! - пошутил Александр Иванович.

- А вы думаете, что будет-таки дело?

- Почти уверен после этой находки; текинцам негде быть, как в ущелье за Беурмой, около маленькой разрушенной крепостцы.

- А что, если они засядут за стены этой крепостцы? Ведь ночью их неудобно будет выбивать оттуда!

- Ну вот, тоже выдумал! Да разве был хоть один пример, чтобы небольшая партия сопротивлялась серьезно? И выбивать не придется, после первых наших выстрелов сами удерут на почтительное расстояние и разве уже тогда откроют огонь!

Александр Иванович с моряком встали и начали осматриваться вокруг, так как, поднявшись на гору, они прямо опустились на землю, ни на что не глядя.

Оказалось, что отряд очутился на плато, и плато очень обширном, с этой высоты ясно виднелся главный русский лагерь в Бами - налево и Беурма направо; охотники находились почти в равном расстоянии и от того и от другого места, верстах в шести; верстах в двенадцати по направлению к Бендессену виднелись высокие Персидские горы, подернутые синевою дальности.

Картина степи с панорамой Бами и Беурмы с высоты птичьего полета была дивно грандиозна.

Необозримое желтое море расстилалось перед глазами наблюдателя; правильные гряды песка, последствия сильных осенних ветров, еще более увеличивали сходство этого пейзажа с морем; отливая золотом и серебром, сверкали солончаки на краях этого песчаного моря, уподобляясь пене; бархатистой зеленью выделялся клочок земли, удобренный при деятельной работе тысячи рук и обращенный в бахчу и огороды; на желтизне степи резко выступали наметы и палатки Бами; десятки рассеянных повсюду белых глиняных башенок, белые стены старого Бами и Беурмы, далекие лиловато-синие гиганты, высоко вздымающийся над всем этим конусообразный Демавенд, тонущий своей вершиной в бледном голубом небе, прозрачный воздух, раскаленный до дрожания, производящий мираж и приближающий все предметы, - вся картина, облитая жгучими лучами почти тропического солнца; под ногами - почти отвесная пропасть и внизу роскошное ущелье, зеленеющая котловина и тонкой серебряной струйкой бегущий ручей - все вместе

производило за душу хватающее впечатление. Подобные картины не забываются, и много раз в жизни является непреодолимое желание взглянуть снова на них...

- Разве такая чудная картина не производит на вас желание постоянно шляться по походам? - спросил Сл-кий моряка, не могшего оторвать глаз от этого песчаного моря.

- Да, я любитель природы и никогда не откажусь от представляющейся мне возможности вырваться из города на волю; человек делается лучше при подобной обстановке...

- Это заметно по нас с вами, - саркастически ответил Александр Иванович, - созерцаем красоты мироздания, а через несколько часов будем резать таких же людей, как и мы... Однако миндальничать тут нечего, пора и в дорогу!..

Отряд направился по плато в сторону Беурмы. Отдохнувшие солдатики дружно поспешили за своим богатырски шагавшим командиром. Плато медленно понижалось; совершенно ровная поверхность почвы была покрыта мелкой колючкой, высохшей и пожелтевшей; идти было очень удобно. Солнце нижним краем своим касалось уже горизонта, когда маленький отряд спускался по отлогому скату, соединявшему это плато со степью. В какой-нибудь версте расстояния виднелась Беурма, облитая розовыми лучами заходящего солнца...

- Вот и добрались, - промолвил моряк.

- Пока еще не совсем; я опасаюсь, как бы нас на этой проклятой степи не увидали с гор, текинцы ведь не близоруки!

- А в Беурме их нет, как вы думаете, капитан? - спросил подошедший барон.

- Если бы были, то теперь уже начало бы посвистывать у нас мимо ушей! Оттуда бы все повысыпало встречать непрошеных гостей! Ведь они нас могли бы уже заметить полчаса тому назад... Фельдфебель, вышли пять человек порасторопнее вперед! Живо!

Через минуту два казака и три солдата рысцой направлялись в аул, за ними, развернутым фронтом, двигался отряд.

Сумрак наступает чрезвычайно быстро в южных странах; там нет наших белобрысых петербургских ночей! Когда двое из пяти посланных вперед людей вернулись с докладом, что Беурма совершенно пуста, начинало темнеть. Отряд вошел в аул и расположился на прекрасно убитой глиняной площадке, некогда служившей текинцам для молотьбы. Вокруг этого своеобразного гумна были налеплены круглые ясли для лошадей в виде высоких глиняных цилиндров с выемкой внутри. Масса саклей (домиков) виднелась повсюду - все из глины, без малейшей примеси дерева; каждая сакля была вышиной в рост человека и настолько обширна, что внутри могло лежать рядом не более четырех

человек, - словом какие-то клетушки. Крыши обвалились, заброшенные арыки (канавы) не проводили уже воды - повсюду царила картина полного разрушения и безлюдья...

Наступала ночь, сумерки сгущались, небо загоралось ярко блестящими звездами, точно привидения в разных фантастических позах резко выступали из мрака белые стены, башенки и ограды глиняной крепостцы... Степь, покрывшаяся мраком, безмолвствовала... Все вместе производило какое-то странное, не то хорошее, не то тягостное впечатление; поддаваясь ему, солдатики приумолкли...

Александр Иванович, моряк и барон сидели, прислонившись спиной к стене одной сакли, и молча покуривали. Наконец гардемарин прервал молчание, спросив:

- Долго мы пробудем здесь?

- Около часа, - ответил Александр Иванович, и снова водворилось молчание.

Послышался голос барона, звавшего своего человека; следствием обмена между ними несколькими латышскими фразами явилась переметная сума, и затем послышалось бульканье - фляга обходила это молчаливое трио; закусили козьим сыром с черным сухарем.

- Вы ночью не ошибетесь дорогой в ущелье? - спросил барон Александра Ивановича.

- Скорее ошибусь найти свой карман, чем это ущелье, да и труда нет особенного - оно третье отсюда, идя под холмами.

- Далеко ли приблизительно? - полюбопытствовал барон.

- Днем - час ходьбы без предосторожностей, ночью - более полутора, так как ущелье очень узкое, каменистое, в некоторых местах заросшее ежевикой и шиповником; если нет часовых у входа, то мы можем пробраться в ущелье, но там придется ползти довольно долго, в иных местах по воде; выходит оно на красивую и плодородную поляну, а на пригорке, против входа в ущелье, разрушенная крепостца; текинцы, вероятно, расположились около крепостцы. Будь вместо моих охотников кавказские милиционеры или пластуны - я мог бы подобраться так близко, чтобы без выстрела броситься в штыки или пташки, но ведь наши солдаты, безукоризненные относительно мужества и других качеств, здесь не выдерживают сравнения даже с казаками; каждый из них наделает больше шуму, чем 20 текинцев, подползающих к нашему лагерю в Бами!.. Вот еще что, господа, я теперь же дам вам краткую диспозицию: подойдя к ущелью, если вход не занят, я с десятью отборными, ловкими людьми поползу вперед; если вы, моряк, хотите, можете идти со мной; вы, барон, командуете остальными людьми и следуете за мной, ползком же, шагах во

ста. Чем ближе мне удастся подойти, тем лучше, но во всяком случае ваши люди не должны стрелять ранее моего залпа, после которого я брошусь в штыки; добежав до нас, они могут открыть огонь, иначе в такой кромешной темноте перестреляем друг друга... Если у входа часовые или секрет, то мы, расправившись с ними, пойдем прямо в ущелье, оставив у входа пять или четыре человека... Главное - не горячитесь, а в особенности это касается до вас, сухопутная рыба, - обратился Александр Иванович к моряку. - Ну, а теперь пора и подыматься!

Отдав фельдфебелю приказание к подъему без шума, Александр Иванович прочел выстроившимся охотникам наставление о том, как они должны вести себя. Отряд тронулся.

Неприятная вещь, читатель, идти ночью по незнакомой местности в неприятельской стране, где из-за каждого камня, оврага или прямо с земли может подняться враг, враг страшный своею ловкостью, знанием местности и, главное, неожиданностью своего появления.

Нервы в таком напряженном состоянии, что малейший шум, шум собственных шагов или камня, покатившегося из-под ног, заставляет вздрагивать человека, днем совершенно покойно идущего в огонь, в рукопашный бой и на тысячу других опасностей!

Главную роль, по моему мнению, играет сознание, что враг, при своей изощренности чувств, видит, чует меня, я же не знаю о его близости! Случалось не раз, что испытанные солдаты ночью открывали огонь, огонь неудержимый по воображаемому неприятелю; сильное напряжение нервов ведет к галлюцинациям; довольно одному принять какой-нибудь камень за неприятеля и выстрелить, чтобы открылась беспорядочная пальба неизвестно по ком, куда...

Голос офицера не слышится в этой трескотне, и иногда много выпускается патронов солдатиками, для которых в такие моменты стрельба составляет нравственную поддержку против воображаемого врага.

Отряд подвигался очень медленно, точно в царстве теней мелькали безмолвные, черные силуэты; нигде не вспыхивал веселенький огонек закуренной папиросы, изредка слышался шум оступившегося человека, звяканье дрогнувшего оружия, нечто вроде сердитого ворчанья - и снова все смолкало, и медленно, осторожно двигалась эта темная кучка вперед... Моряк, шедший рядом с Александром Ивановичем, вдруг почувствовал, что последний крепко сжал его левую руку, дергая вниз. Оба остановились и стали вслушиваться. Мертвое молчание царило в степи, и вместе с тем можно было различить много звуков в этой

тишине; люди, часто бывавшие по ночам или днем в лесу или в степи, поймут меня, о чем я говорю. Воздух наполнен звуками, объяснить появление которых трудно; эта абсолютная тишина степи вместе с необъяснимым, странным происхождением вечного, непрерывного голоса природы, является чем-то особенно поэтическим, особенно сильно действующим на душу!..

Командир охотников и моряк не были новичками в распознавании этих постоянных звуков от случайных, являющихся иногда нарушителями торжественного молчания безлюдных степей, гор и лесов... Едва слышно, как легкое дыхание или шелест ветра, донесся до их слуха шум... Солдаты, видя остановку обоих офицеров, тоже стали и старались даже остановить дыхание, чтобы не мешать слушать. Сознание обстоятельства, что этот шум может только исходить от врага, делало их бдительность из ряда вон выходящей... Снова послышался этот же звук, и Сл-кий шепнул моряку: "Ржание лошадей!" Последний не обладал таким тонким слухом и с видом сомнения покачал головой. Александр Иванович прилег на землю, гардемарин последовал его примеру, и между ними завязался чуть слышный разговор:

- Откуда могут быть лошади? Значит, мы наскочили на другую шайку?

- Вероятно... Интересно знать, донеслось ли ржанье из ущелья или же из степи? То есть в движении ли отряд неприятеля или на бивуаке? Если в движении - то нам удобнее дожидаться его здесь, прилегши; если же ржанье из неприятельского бивуака, то надо двигаться! - С этими словами Александр Иванович приложил ухо к земле и стал слушать...

Прошло около минуты, показавшейся моряку очень долгим промежутком времени...

- Ничего не слыхать, - прошептал, подымаясь, командир охотников. Пойдем дальше, вход в ущелье близко, там увидим.

Снова бесшумно начали двигаться эти люди, так настойчиво преследовавшие свою цель. Жутко было на душе! Каждому казалось, что неприятель, быть может, с теми же предосторожностями движется на них; до боли в глазах всматривались люди вперед, судорожно сжимая свои винтовки!

Наконец впереди послышалось журчание ручейка - верный признак близости ущелья, составлявшего исходный пункт этого тяжелого ночного странствия! Шагах в ста вправо чуть виднелось темное пятно входа в ущелье, более резко выделявшееся, чем мрачная линия гор, параллельно которой двигался отряд.

Казак Фома с другим товарищем по оружию и с саперным солдатом, следуя шепотом отданному Александром Ивановичем

приказанию, двинулись ползком вперед по берегу ручья к темному пятну, скрывавшему, быть может, последний час их жизни...

Вечностью тянулось время для их лежавших товарищей, ожидавших с минуты на минуту, что мрак озарится молнией выстрелов и безмолвная степь наполнится криками и шумом борьбы...

Послышался шорох, и косматая папаха вернувшегося невредимым Фомы коснулась уха Александра Ивановича.

- У входа никого нет, ваше б-дие, а дальше, в ущелье, должно, текинцы, потому как будто огонь просвечивает и шум слыхать...

- Ты далеко заползал в ущелье?

- Шагов с пятьдесят; трудно очень ползти, каменья и шиповник мешают! Огонь только ясно видать, да далече, ваше б-дие!

Охотники двинулись, значительно успокоенные, вперед. Главная опасность миновала - вход не был занят.

Вот наконец и вход в ущелье, узкий, наполовину заросший; журчит вода, громадные каменные стены исчезают в вышине из глаз, мириады мигающих звезд льют свой слабый свет в это, подавляющее человека своею дикостью место; на каждом шагу камни, острые, угловатые, шиповник, рвущий платье и тело, холодная вода, по которой в иных местах приходится ползти, - вот обстановка, в которой находился отряд, двигавшийся вперед, после того как четыре охотника остались у входа. Точно искра мелькает впереди огонек, даже, кажется, и не один... Чу! Теперь совершенно ясно послышалось ржание лошади, на которое отозвалось еще несколько и... гортанный, хриплый несомненно человеческий - окрик! Совершенно невольно кто-то из ползших вздрогнул, и проклятое ружье звонко ударилось о камень... Сердце замерло, как будто все окоченели...

Услышали, наверное, услышали!.. Вот сейчас бросятся в ущелье... Нет, все тихо по-прежнему... И снова ползут охотники, сдерживая дыхание, боясь, что стук собственного сердца выдаст их, а оно, как назло, стучит громко, громко... Не от страха, нет, а из боязни спугнуть эту человеческую дичь! Если в числе моих читателей найдется завзятый ружейный охотник, он без сомнения поймет это ощущение, испытанное им много раз, хотя бы на охоте за дикими козами, когда много часов в горах приходится гоняться и подползать, еле дыша, против ветра к этим чутким животным. Ощущение совершенно одинаковое: опасность на заднем плане, страсть охотника преобладает над всем остальным!

Вот наконец ущелье расширяется, оно делает поворот и... глазам охотников представляется поляна, на которой среди

десятка костров сидит неприятель; до него еще далеко: шагов триста, пожалуй, будет, стрелять нечего и думать; подползти всему отряду тоже немыслимо, услышат.

Двадцать пять человек оставлены под командой барона, а Александр Иванович с моряком и одиннадцатью нижними чинами продолжает двигаться с тысячью предосторожностей... Проползши какие-нибудь пятнадцать шагов, останавливаются и лежат не шелохнувшись... Счастье, что огонь освещает только небольшое пространство, а охотники по опыту знают, что текинцам неосвещенное пространство должно казаться от близости огня еще темнее. Немалое спасибо и лошадям, которые довольно часто отвлекают внимание неприятеля в другую сторону своим ржанием...

Близко, совсем близко подползли... Ясно видны лица девяти человек, сидящих около довольно плохо горящего костра; косматые бараньи шапки и халаты освещаются вспышками пламени; вот один встал, видна кривая пташка, болтающаяся на боку... Неужели в эту сторону?.. Один из охотников кладет уже руку на замок берданки, собираясь взвести трубку... Нет, текинец остановился и, нагнувшись, шарит что-то на земле, где виднеется не то седло, не то переметная сума... Вернулся назад, что-то говорит товарищам... У других костров слышны разговоры, курят трубки, пекут чебуреки (лепешки)... Охотники подвинулись еще немного... Меньше ста шагов было до неприятеля, а прицелиться все-таки трудно, проклятой мушки не видать!.. Командир опять пополз вперед; один из охотников зацепился патронной сумкой за камень и зашумел... Два текинца у ближайшего костра повернули головы и смотрят... Один приподнялся даже и прислушивается... И смотрит бестия прямо так-таки в глаза, думается зашумевшему солдату, лежащему как пласт. Нет, успокоились, слава тебе Господи!.. Да что же это командир не целится? Ведь он сказал что шепнет, когда стрелять, ведь этак до того дотерпишься, что и прицелиться нельзя будет - руки ходуном будут ходить от волнения...

Ну, наконец-то командир бесшумно приподнял локоть левой руки с винтовкой, нажимая спуск, взвел курок на второй взвод, чтобы не щелкнул, и скорее вздохнул, чем сказал - цельсь! Вот и моряк приподнял свою "магазинку" и наводит в живот старика текинца, потому на близком расстоянии здорово вверх бьет ружье!..

Сердце окончательно хочет выскочить... Но вот Александр Иванович крикнул: "Пли!" Звон в ушах, толчок в плечо, затем крик "ура-а!", и с штыками наперевес ринулись охотники к первому костру... Вся поляна как будто охнула и застонала... Из

ущелья слышались голоса бегущих на подмогу охотников барона; крики: "Урусс, урусс! Алла, Магомет!" - смешивались с нашим "ура!" и криками: "Коли!" Но текинцы не любители штыка, все это продолжалось несколько мгновений; когда барон прибежал с людьми и мог открыть огонь, то залп им был сделан во мрак, на звуки топота и криков удиравшего неприятеля; из мрака сверкнуло несколько ответных выстрелов: штук пять пуль где-то далеко зажужжало в вышине; одна щелкнула близко в землю, взвизгнула и улетела в пространство...

У костра лежало четыре тела; один лежал ничком и вздрагивал плечами: правая нога равномерно то вытягивалась, то подбиралась, руки запустил в землю и храпел тяжело, бессознательно... Фельдфебель вынул из кобуры револьвер, приложил ему к затылку и выстрелил. Нога перестала двигаться, плечо конвульсивно вздрогнуло, одна рука вытянулась... искра жизни потухла!

Старик текинец упал в костер головой, и неприятный запах жженых волос и мяса распространялся вокруг, ворот халата тлел... Солдатики оттащили тело за ноги в сторону... Шагах в пятнадцати от потухавшего костра виднелась темная масса - текинец, зарубленный Фомой, ударившим его шашкой наотмашь слева направо по горлу... Фома теперь вытирал свою шашку о полу халата убитого им текинца... Впечатление всей картины было дикое, заставлявшее трепетать непривычного человека, но охотники относились очень равнодушно к этому зрелищу; многие уже жевали недопеченные чуреки, вытащенные ими из золы и, быть может, обрызганные не одной каплей крови только что убитых... Охотники рассеялись по поляне и шарили около костров; текинцы оставили много разного добра: несколько переметных сум, с дюжину седел, три ружья, в числе которых оказалась наша берданка с переделанной на туркменский манер ложей и с двумя подсошками для стрельбы лежа на земле; все было собрано в одну кучу; Александр Иванович все переписал, седла отдал для поддержания огня в потухавших кострах, затем лично расставил посты, отдал приказания фельдфебелю и, исполнив все свои обязанности, приняв все меры предосторожности, чтобы маленький отрядец не подвергся в свою очередь участи текинцев, с видимым удовольствием опустился на бурку, на которой лежали уже барон и моряк в облаках табачного дыма, вознаграждая себя за долгий пост в отношении курения.

- Сравнительно удачно подползли, - заговорил моряк.

- Мне кажется, что убитых больше, чем четверо, - сказал Александр Иванович, - ведь наш первый залп был из двенадцати винтовок по девяти текинцам, кучкой сидевшим, да и с близкого

расстояния; не может быть, чтобы мы угостили только четверых; были, наверное, и раненые, может быть, даже опасно, но эти дьяволы до невозможности выносливы и живучи; успели добраться до лошадей и были таковы! Авось потом восчувствуют!

- Я другого мнения, - возразил моряк, - те четверо, что остались на месте, были лучше освещены огнем костра, поэтому все выстрелы и были в них направлены; конечно, на этом расстоянии бердановская пуля пробьет и двух навылет, но ведь это будет случайность - убить двух одним выстрелом! Если текинцев до завтра не зароют, то стоит посчитать раны на убитых.

- Весьма возможно; только не стоит возиться с этой падалью! Я их приказал оттащить шагов за полтораста и бросить; завтра рано уходим и зарывать не стоит; шакалы и орлы займутся и без нас похоронами и дезинфекцией!

- Может быть, товарищи убитых вернутся похоронить их, - заметил барон.

- Пусть возвращаются, лишь бы не сегодня, то есть не ночью - людям отдых нужен. Однако, господа, не мешало бы закусить малую толику!

- Я уже распорядился, - ответил барон, - у нас есть кусок свинины, коробка сардинок, еще кое-что найдется. Чуреков много осталось после текинцев, я велел три штуки хорошенько допечь, и десерт нашелся в одной переметной суме - сушеный инжир и абрикосы.

- Черт возьми! Вот так пиршество, - вскричал гардемарин. - Еще бы бутылочку вдовушки Клико распить по поводу победы нашей, и тогда не осталось бы желать ничего лучшего.

- Ну, этого-то нет, а бутылочка кахетинского красного вина найдется, я его нарочно приберег для этого торжественного случая...

Через двадцать минут около бурки, где закусывали три офицера, пылали с треском два изрубленных текинских седла и веселый говор далеко разносился вокруг. Солдатики лежали у костров, жевали чуреки, запивая их чаем, и посторонний зритель никогда бы не подумал, что час тому назад здесь разыгралась кровавая сцена - так мирна, добродушна была картина... Чудная, теплая ночь; мириады звезд южного неба кротко лили свет на эту поляну, где живые подкрепляли свои силы, готовясь к тяжелому завтрашнему походу, а мертвые отдыхали вечным сном, избавившись навсегда от трудов походной жизни...

Кончили закусывать, разговор становился менее оживленным, веки опускались на утомленные глаза - усталость начинала сказываться.

- Ну можно теперь Богу помолиться, да и спать, - проговорил

Александр Иванович, подымаясь с бурки и потягиваясь. - Горнист! На молитву!

Охотники выстроились, и звук горна, быть может, впервые огласил эту поляну...

- На молитву! Шапки до-лой!

Далеко в ночном воздухе разносилось пение сорока голосов...

Торжественно лились звуки молитвы в мертвой тиши долины и отзывались эхом в горах... Набожно крестились солдаты, не зная, переживут ли эту ночь, увидят ли когда-нибудь свою родину или нет...

Нигде нельзя быть так расположенным к молитве, как в пустыне...

В величественных храмах, под громадными сводами, перед богато убранными иконостасами, в разнокалиберной толпе ваше внимание отвлекается, и религиозное чувство до известной степени парализуется; в пустыне же, под небесным сводом, горящим миллионами звезд, в мертвой тишине необозримой степи или в виду гигантских гор, после боя или перед боем - человек сознает себя таким маленьким, ничтожным, жизнь его так ненадежна, что душа его, его ум - все преклоняется перед грандиозностью природы, и он молится, молится горячо...

Окончилась молитва. Послышалась команда:

- На-кройсь!

Александр Иванович подошел к фронту своих "головорезов".

- Спасибо вам, молодцы, за сегодняшнее дело!

- Рады стараться! - понеслось по поляне, отдаваясь эхом в горах.

- Я передам генералу, как молодецки вы себя вели, и буду просить о наградах.

- Покорно благодарим! - загремело в ночной тишине.

- Ну а теперь разойтись и ложиться спать!

Костры потухли, изредка слабо вспыхивая; поляна погружалась во мрак, силуэты двух равномерно движущихся часовых то сближались, то расходились; слышалось похрапыванье, в некоторых местах тихий разговор еще не уснувших, вспыхивал огонек папиросы или трубочки; в наступившей тишине журчанье ручья явственно доносилось до ушей еще бодрствовавших людей, число которых все уменьшалось, и вскоре ручей напевал свою непрерывную, мелодическую песенку для одних часовых, продолжавших свою прогулку взад и вперед...

Едва только вершины гор были освещены нежно-розовым светом восходящего солнца, а поляна еще расстилалась в сумраке, в ожидании момента, когда дневное светило выглянет из-за хребта Копет-Дага и зальет ее ярким светом, как охотники поднялись и стали собираться в дорогу, на поиски новых приключений... С песнями оставили они место вчерашнего боя, потянулись по ущелью, вышли в степь, с которой подымался легкий туман, разгоняемый лучами солнца, и повернули по дороге к Арчману... Славно было идти "белым рубахам" на утреннем свежем воздухе... Трубочки дымились во рту у солдат, слышались остроты и шутки, и едва ли кто помнил, что за собой они оставили на поляне четыре уничтоженные жизни, для которых уже не светило это яркое солнце, не зеленели кипарисы на вершинах гор и открытые, стеклянные глаза которых не видели этого чудного голубого неба!.. Впрочем, недолго смотрели

эти мертвые глаза... Вокруг по скалам расселись громадные орлы-стервятники; в нерешимости сидели они, опасаясь приблизиться к этим, в странных позах, лежавшим людям. Но вот один, посмелее, слетел и опустился на песок шагах в сорока, и хочется ему узнать, в чем дело, - и страшно! Подошел поближе, грузно переваливаясь на своих коротких, сильных, с громадными когтями, ногах... Нет, не шевелятся... Подождал и, взмахнув крыльями, налетел и клюнул в это потемневшее запрокинутое лицо с зияющей раной на горде... Через минуту орлы рвали свою добычу...

Наступит ночь - шакалы докончат работу этих пернатых разбойников, останутся, быть может, на поверхности кости, которые через несколько времени занесутся песком, и ничто не будет напоминать о том, что на этой поляне отданы четыре жизни в борьбе за свою землю и свободу... Сколько бы подобных историй могли рассказать вершины гор Копет-Дага, от которых не укрывается благодаря их высоте никто и ничто, но они молчаливо прячут свои вершины в голубом небе, стараясь не видеть "урусса - белую рубашку", шаг за шагом проникающего в эти долины и ущелья, составлявшие еще недавно неотъемлемую собственность храбрых сынов степей и гор - текинцев! Пройдет десяток лет, и в местах, где прежде только паслись стада джейранов, пройдут безопасные дороги и Копет-Даг потеряет свою дикую прелесть... Бог с ней, с этой цивилизацией, особенно когда она распространяется при помощи картечи и штыка и выражается созданием становых, урядников и кабаков!..

6. Ночь в Эгян-Батыр-Кала

Босфор, обливаемый голубым светом луны, отражает в себе белые минареты и залитые огнями фасады дворцов великой столицы Востока. По зеркальной поверхности бесшумно скользят каики, оставляя за собой фосфорически блестящий и переливающийся след; чудным рубиновым светом горят огни Леандровой башни; гиганты пароходы выделяются черной массой, и их высокие мачты, дрожа в зеркале воды, тянутся как фантастически длинные руки к этому городу - предмету корыстных желаний многих наций, который чудной панорамой раскинулся на необъятную длину по проливу... Террасами подымаются изящные, легкие постройки в разных стилях и сверкают огнями; рядом с ними минареты, тонкие как иглы, белыми линиями резко выделяются на фоне южного неба... Мраморное море омывает белые стены Сераля в Стамбуле, переливаясь серебром под лучами луны, заглядывающей в этот дворец - жилище многих сотен красавиц, так поэтично воспетых лордом Байроном в его "Дон-Жуане".

Но вот... слышится голос вахтенного унтер-офицера.

- Ваше б-дие! Полночь!..

Замечтавшийся вахтенный начальник, хотя бы, к примеру, ваш покорный слуга, встрепенулся, все иллюзии пропали, и он отдает распоряжения, соответственные наступившему моменту. Через минуту, сдав вахту, он спускается вниз, в кают-компанию, куда из трех кают доносится самый прозаический храп товарищей. Внизу душно, в каюте едва можно вытянуться, не спится ему, а тут еще луна засматривает в иллюминатор и широкой голубой полосой освещает шкаф... Мысли одна за другой наполняют голову, самые разнообразные воспоминания стесняют одно другое. Ни с того ни с сего в памяти вырастает, как живой, обезьяноподобный учитель латинского языка, а вслед за ним вспоминается вчерашняя неудача с оттяжкой, брошенной вместо палубы за борт, при спуске брам-реи... А луна все еще заглядывает в иллюминатор... Мысли невольно обращаются снова к этой чудной ночи, и, виденная незадолго перед этим картина с точностью фотографии воспроизводится в воображении... По логической связи мыслей является воспоминание о других подходящих картинах природы; как наяву вырастают перед глазами темные своды леса, через густые ветви которого тут и там серебристой змейкой пробивается луч луны, фантастически манящий наружность куста, наполовину им освещенного, из которого льются соловьиные трели, сливающиеся с мелодичным шумом вечно торопящегося в море Немана. Воображение работает как калейдоскоп: лес пропал - уже его место заступили гигантские Альпы, вершины которых горят и искрятся тысячами переливов снежной поверхности, ярко залитой светом полной луны... Под ногами серебряной струйкой извивается Эч; замок Габсбургов, разрушенный беспощадным временем, но горделивый даже в развалинах, как белое привидение выступает на краю бездонного обрыва...

Исчезли и Альпы... Вот развертывается перед глазами степь безграничное ровное место; справа - линия высоких, мрачных гор, из-за которых показывается как бы зарево... Оно все расширяется, растет, вот уже виднеется блестящий серп - еще минута и царица ночи выплывает из-за Копет-Дага, озаряя своим матовым, голубым светом всю степь, сверкая на солончаках и белых глиняных башенках, освещая кучку людей в белых рубахах, с винтовками на плечах, молчаливо и сосредоточенно куда-то пробирающихся... Вспомнилась эта картина - и померкли перед ней все остальные... Снова встает в памяти вся походная жизнь с ее лишениями, опасностями и увлекающей прелестью, и картина за картиной рисуются в голове... Я уже не в душной каюте, нет, я на просторе... Снова веду задушевные беседы с боевыми

товарищами, я снова в горах подстерегаю текинцев, снова слышится свист пуль в пороховом дыму и музыка и стоны раненых, льется кровь... И страшно и хорошо! Сердце усиленно бьется, и мечты прошлого принимают размеры галлюцинаций... Но вот резкий звон колокола разрушает все очарование - бьет пять склянок - два с половиной часа пополуночи. Опять я в каком-то ящике; луна уже светит, в каюте темно... и пора спать, читатель! Впрочем, ранее чем предаться отдыху, не мешает вам объяснить, для чего я так издалека начал этот рассказ. Какая нужда была мне описывать картину Босфора и сообщать нить воспоминаний, доведшую меня снова в Ахал-Теке? Сделано это мною для того, чтобы выяснить, насколько можно, тот психологический процесс, который совершается внутри человека и заставляет его при созерцании какой-нибудь картины вызывать в памяти многие другие, пока воображение не остановится на чем-нибудь особенно интересующем этого субъекта, и тогда является уже последовательное, законченное воспоминание... Я, о чем бы ни думал, чтобы ни видел, но все-таки почти всегда закончу приведением себе на память той эпохи моей жизни, которая является для меня исполненной высшего интереса и увлечения - похода, очерками которого я, вероятно, уже успел изрядно вам надоесть и намерен надоедать еще и теперь; итак, вооружитесь терпением и мужеством и последуйте за мной в те благодатные места российского государства, куда Макар телят не гонял, но где происходили события довольно интересные...

В укреплении Бами царствует какая-то особенная суматоха, проявляющаяся главным образом в бегании взад и вперед офицеров, таинственно шушукающихся между собой, в волнении размахивающих руками, с нетерпением сдвигающих белые шапки на затылок, чтобы удобнее утереть рукой обожженное, вспотевшее лицо и снова торопливо устремиться куда глаза глядят, до встречи с новым товарищем, когда снова начнется оживленный разговор, дополняемый жестами...

Около глиняной стенки, огораживающей маленький садик, где стоит кибитка "Белого генерала" - Михаила Дмитриевича Скобелева, сформировалось несколько групп офицеров, разговор ведется вполголоса.

- Так вы говорите, что генерал при вас сказал "деду", что завтра пойдем? - спрашивает казачий сотник в белой папахе артиллерийского капитана с красивым худощавым лицом, оттеняемым длинными черными усами.

- Да, да... только я не разобрал куда, - отвечает капитан, вглядываясь через пролом в стене внутрь дворика, где между ординарцами и вестовыми произошло какое-то движение.

- Кажется, генерал выходит, - послышался говор между офицерами, и многие стали машинально оправляться.

Тревога оказалась фальшивою: вышел не генерал, а один из его офицеров - казачий офицер. Он моментально был окружен со всех сторон офицерством и засыпан вопросами:

- Голубчик К-лов, кто идет завтра? Мы идем? Кто остается? На сколько дней брать провианта? Пойдет генерал до самого Геок-Тепе?..

Несчастный хорунжий походил на зайца, нагнанного сворой собак: один держал его для привлечения к себе внимания за шашку, другой за кинжал; товарищ его, казачий сотник, с легкостью и нежностью медведя старался повернуть его лицом к себе, держа за левое плечо, в то время как ротный командир Самурского полка добродушно ломал его правое плечо, добиваясь узнать, пойдет ли вперед его рота. Казалось, что бедному молодому человеку суждено погибнуть не от вражеского оружия, а от излишнего припадка любопытства своих же товарищей, но он употребил военную хитрость.

- Тише, господа, генерал идет! - испуганным тоном проговорил он... Это подействовало, и его отпустили, чем он немедленно воспользовался, чтобы ускользнуть и исчезнуть между палатками и кибитками.

- Господа, пойдемте выпить водки, все равно ничего не узнаем теперь, чего же торчать на жаре! - предложил артиллерийский капитан.

Все согласились, и скоро перед двориком не осталось никого; солнце поднялось уже высоко и жгло невыносимо, так что все попряталось по палаткам, откуда и доносились оживленные споры о предполагавшемся движении и о будущих делах с неприятелем.

Надо пожить, читатель, не один месяц в палатке на походе, чтобы уметь понять то волнение, которое ощущается при известии о давно желанном движении навстречу неприятелю! При одной мысли, что можешь не попасть в экспедиционный отряд, человек начинает бесноваться и считать себя самым несчастным созданием. Является скверное чувство зависти, желчь бушует; оставляемый хорошо сознает, что ведь это необходимая мера, что сколько ни волнуйся, а этому не поможешь, что товарищи, идущие вперед, перед ним ни в чем не виноваты, но он зол на них и немало нужно времени, чтобы успокоиться бедняге.

А в данном случае рекогносцировка имела особенный интерес: быть в первый раз в деле под командой великого "Белого генерала", так прославившего себя в турецкую войну! Поэтому читатель может себе представить волнение, царствовавшее в

лагере и те оживленные, страстные разговоры, которые велись в палатках между задыхающимися от жары офицерами, сидевшими почти в костюмах Адама и закусывавшими чем Бог послал...

Начальники частей, шедших на рекогносцировку, бегали насколько хватало сил и с азартом разносили своих подчиненных, считая это лучшим средством для прибавления им энергии; множество верблюдов было собрано за лагерем в ожидании появления офицеров из каждой части для забрания известного числа "кораблей пустыни" под вьюки; верблюдовожатые приводили в порядок седла или же с самым апатичным видом лежали на раскаленном песку...

В походных кузницах кипела работа; вереницей тянулись лошади, оглашавшие воздух ржанием, слышались удары молота, подковавшего ноги этих четвероногих, не всегда спокойно переносивших эту надоедливую для них операцию, слышался топот, окрики солдат...

В артиллерийском парке шла выдача патронов и снарядов; парковый офицер метался как угорелый, спеша удовлетворить требования своих многочисленных посетителей; у интендантских складов была давка, слышались возгласы, обращенные к интендантскому поручику, с которого пот лился уже в три ручья и который бегал от одних весов к другим с записною книжкою в руках, не обращая внимания на эти отчаянные возгласы!

- Поручик! Ради Бога, велите мне выдать поскорее восемь мешков сухарей! Мне еще надо патроны принимать, некогда! - взывает прапорщик-сапер.

- Послушайте, что же это такое! Мне вместо муки дают ячменя! кипятится самурец, красный от жары и от волнения, как вареный рак.

- Ваше б-дие! Батарейный командир просили выдать поскорее сена! лезет с запискою усач фейерверкер...

Содом и Гоморра! Сотни солдат тащат и волокут кули и мешки, верблюды тянутся вереницей; лошади, приведенные в недоумение такой суматохой, бьются и ржут на коновязях, начальство ругается, а проклятое солнце злорадно жжет и палит физиономию и тело, которое зудит от массы мелкого песка, столбом стоящего в воздухе!..

Штабные офицеры бегают с кипами бумаг под мышками, снуют взад и вперед; писаря, посланные из своих частей выписать приказы и диспозицию на следующий день, сломя голову мчались в штабную канцелярию, торопясь раньше занять лучшее место в кибитке, которая скоро оказалась битком набитою...

Офицеры и солдаты тех частей, которые должны были остаться в Бами, угрюмо посматривали на эту суматоху, и на их

лицах выражалось желание принять участие в этой лихорадочной деятельности, но, по воле судьбы, они должны были оставаться только зрителями! До поздней ночи длились эти приготовления; наконец все утихло, измученные люди предались покою, кое-где только, в офицерской палатке, сквозь полотно, просвечивает огонь свечки, при свете которой пишется письмо, может быть, последнее, или же в записной книжке отмечаются впечатления дня, а может быть, и нечто прозаичнее количество принятых сухарей... Но вот огонь потухает, и, не раздеваясь, положивши под руку шашку и револьвер, бросается усталый офицер на койку и в ту же минуту засыпает как убитый... В походе бессонницы не бывает - целый день труда заставляет пользоваться каждой минутой отдыха и дорожить ею больше, чем в городе, где обращают день в ночь и ночь в день!

Наступило утро 1 июля; чуть свет поднялись все в лагере - надо было еще многое допринять, а главное - навьючить верблюдов! На долю денщиков в подобных случаях выпадает мученический венец: надо все увязывать, готовить вьюки и вместе с тем давать своим господам умываться, приготовить им и чай и что-нибудь поесть!.. Действительно, каторга! Ну и ругаются же они в это время! Просто не подходи! Самое меньшее что услышишь:

- Не разорваться же мне, ваше б-дие! - а то, пожалуй, пробормочет что-нибудь и хуже - и ничего не сделаешь, потому что сам сознаешь, что человек, как говорится, "выскочил" из себя!

Перед каждой частью расположены ряды вьюков; тут виднеются патронные ящики, связанные вместе по несколько штук, ротные котлы и разная кухонная посуда, мешки с провиантом, связки с топливом... Верблюды лежали рядами и меланхолично пережевывали свою жвачку в ожидании нагрузки; из кибиток и палаток поминутно выбегали солдатики с разными вещами, волокли тюки... Слышались громкие приказания офицеров и фельдфебелей - словом, совершались последние приготовления к походу.

- Ты куда бежишь? - кричит молодой артиллерийский поручик гардемарину, куда-то сильно торопящемуся.

- Папирос, брат, нет, бегу к маркитанту!

- Да уж все разобраны, не достанешь!

- Вот тебе и раз!.. Что же мне делать теперь?

- А ты попроси у Петра Васильевича, он тебе наверное уступит штук триста или четыреста - у него очень много запасено.

- Спасибо, брат, за совет! - кричит моряк и рысью направляется занять папирос - вещь крайне необходимая, в походе в особенности, для всякого курящего.

Через десять минут он, как бомба, выпрыгивает из кибитки вышепоименованного Петра Васильевича Полковникова, командира 4-й батареи 20-й артиллерийской бригады, с большим свертком под мышкой и стремительно направляется, лавируя между снующим взад и вперед людом, к вытянувшимся длинной шеренгой лавочкам маркитантов. Здесь буквально столпотворение вавилонское!

Все маркитанты - армяне. Относительно высасывания денег жид-ростовщик, берущий десять процентов в месяц, является мальчишкой в сравнении с армянином! Да не подумает читатель, что я преувеличиваю цены, существовавшие в походе - ничуть; я придерживаюсь строгой истины. Бутылка пива - 3 р., фунт ветчины - 2р. 50 к., маленькая бутылка лимонада - 1 р. 50 к., бутылка водки - 4р., бутылка коньяка самого худшего достоинства - от 8 до 10 р., фунт сахара - 1 р., фунт свечей - столько же, тысяча папирос 2-го сорта - 20 р., и т.д. Словом, армяне брали до двухсот-четырехсот процентов чистой прибыли!

В этот день в лавчонках этих кровопийц не было места, такая масса покупателей наводнила их... Впрочем, я выразился не совсем точно: тут главный контингент составляли потребители, которые, сидя на земле, лежа на прилавках, прислонившись к разным ящикам - пили и ели, так как каждая палатка маркитанта представляла вместе с тем и ресторан. Офицерство оставляло здесь почти все свои деньги - да и к чему в самом деле деньги человеку, который не сегодня, так завтра отправится, может быть, туда, где "нет ни болезни, ни воздыхания"?

Сегодня пьют особенно много: идущие на рекогносцировку - от радости, остающиеся в Бами - с горя!

Носатые восточные "человеки" с подобострастием подают и убирают бутылки - малейшее замедление может вызвать катастрофу; армяне видят по разгоряченным лицам офицеров, что сегодня шутки плохи, ибо воинственный жар их может проявиться неприятным для мошенников-торговцев действием; у каждого офицера на рукояти шашки или же на поясе, или же прямо в голенище высокого сапога имеется инструмент, именуемый нагайкой, с употреблением которого спины маркитантов имеют очень близкое знакомство! Спасительное средство! Сколько раз случается, что чувство алчности сдерживается в границах взимания всего четырехсот процентов при взгляде на нагайку! Хочется армянину приписать лишнюю бутылку на счет подвыпившего офицера, ужасно хочется! Но вот взгляд его случайно падает на торчащую из сапога рукоять нагайки, ему уже чудится свист ее в воздухе, и, несмотря на сорокапятиградусную жару, мороз продирает по коже - армянин сохраняет

неприкосновенной свою честность и спину, а офицер - несколько рублей.

Средство негуманное - но, безусловно, полезное.

Когда гардемарин вошел в одну из кибиток, попойка была в разгаре.

- А, моряк! Тебя-то, брат, и не хватало! - послышались восклицания.

- Ты идешь в первый раз в дело, надо выпить непременно, - заявил казачий офицер, шрам на физиономии которого показывал, что он сам нюхивал пороху.

- Ну, конно-горно-водолазная артиллерия, опрокидывай живее, а то стаканов мало, - говорит штабс-капитан артиллерии, поднося чайный стакан портера с шампанским к губам гардемарина.

- Ради Бога, что ты! - взмолился тот. - Я еще и водки не пил и не закусывал...

- Пей, не рассуждай; чинопочитание прежде всего, ты гардемарин, а я Государя моего штабс-капитан!

Делать нечего, пришлось моряку натощак хватить стакан этой, с ног сбивающей бурды.

- Ну, теперь закусывай; вот тебе сардинки, балык, икра, ветчина только червивая...

- Это ничего, брат, я съел добрый фунт, и только на последнем куске заметил здоровенного червяка, - утешил казак, бывший уже сильно на взводе.

- Нет, ты пойми, ведь это обида, оскорбление!.. - слышался пьяный голос, как будто из-под земли.

Моряк нагнулся за прилавок и увидел двух пехотных офицеров, лежавших на бурке. Около них стояло блюдо с остатками шашлыка и две опорожненные бутылки водки. Один из них беспомощно тыкал вилкой в блюдо и никак не мог уловить кусок мяса; с самой печальной и обиженной физиономией жаловался на свою судьбу - он во время рекогносцировки должен был остаться в Бами.

- И за что, за что? Был я в Ташкенте, в Хиве, в Коканде, под Карсом; ранен в ногу, сейчас вот сниму штаны и покажу - вот какой шрам. - И он развел руками на аршин. - Что же я, трус, что ли? За что же такая обида? Нет, ты мне скажи - трус я или нет? Вот какая рана - и вдруг меня оставляют!

- Ишь ведь нализался, - глубокомысленно промолвил казак и в это же время опрокинул бутылку коньяку на тарелку гардемарина. Произошел потоп. Коньяк попал на сетовавшего на свою судьбу пехотинца.

- За что же это вы меня обливаете? И в поход не берут, и

коньяком обливают, да что же это такое? Трусом не был, ранен в ногу и вдруг!..

Бедняга заплакал, а товарищ его продолжал невозмутимо тыкать вилкой в блюдо, где теперь вместо мяса был уже коньяк.

В лагере между тем навьючивали верблюдов; шум был страшный: четвероногие "корабли пустыни" оглашали воздух скрипучим ревом, солдаты ругались, ибо, как известно, русский человек не может усердно работать без употребления энергичных выражений; верблюдовожатые перекрикивали весь этот шум своими гортанными голосами...

- Ну, чего стал? Веди верблюдов, видишь, чай, что дорогу загородил! кричит саперный унтер-офицер вожатому-персу, который, несмотря на все усилия, не может заставить подняться верблюда, которого усердные солдатики слишком тяжело навьючили. Сколько он ни щелкает языком, сколько ни тянет за веревку, продернутую в ноздри, верблюд не подымается и только яростно ревет и плюет.

Подбежал солдатик и довольно сильно кольнул животное штыком: верблюд заревел, сделал усилие, поднялся и снова упал.

- Ишь ты, проклятая животина! Нечего делать, видно, надо развьючивать. Эй, наши! Подь сюда.

Явились саперики, сняли с верблюда его вьюк, который весил по меньшей мере пудов двенадцать, тогда как верблюд был из слабых и поднять более шести пудов ни в каком случае не мог.

Постепенно вытягивались вьюки на равнину перед лагерем.

Вот вытянулись фургоны Красного Креста, несколько арб с штабными вещами. Люди были готовы к походу и ожидали приказания становиться в ружье. В артиллерии лошади были уже обамуничены, осталось только их запрячь...

Нещадно нахлестывая нагайкой лошадь, промчался ординарец генерала, передавая на ходу приказание выводить лошадей.

Сначала двинулась пехота и заняла указанное место около аналоя, где находился уже священник в полном облачении. Артиллерия, тяжело громыхая и звеня, выстроилась на другом фасе, оставив место для казаков, которые тоже не замедлили явиться. Солнце ярко освещало ряды солдат и сверкало на штыках винтовок и меди орудий... На заднем фоне вздымались голубые вершины Копет-Дага, впереди серебряным блеском выделялись на необозримой желтой степи солончаки.

Послышалась команда:

- Смирр-но!

Из лагеря галопом выскочила кучка всадников. Впереди, на белой лошади, в белом кителе, в белой фуражке, выделяясь из

среды всех своей чудной, непринужденной посадкой, галопировал "Белый генерал", незабвенный Михаил Дмитриевич Скобелев. Сзади следовали адъютанты, штаб и конвой осетин, один из которых вез темно-фиолетовый бархатный штандарт с золотыми кистями.

Приняв рапорт, генерал встал поблизости аналоя.

Все головы обнажились, и начался молебен. С искреннею верою и теплою молитвою осеняли себя крестным знамением солдатики перед походом, в котором, быть может, многим придется сложить свои головы... Да, я думаю, и люди, безразлично относящиеся к религии, чувствовали в это время, при этой особенной обстановке, настроение необыкновенное, щемящее за душу.

Молебен окончился; по рядам прошел священник, кропя святой водой эти смуглые, загорелые лица, с благоговением пред ним склонявшиеся!

Скобелев начал обходить войска, далеко слышался его голос, немного картавивший, здоровавшийся с людьми; каждой части он говорил что-нибудь о ее прежних боевых заслугах, о надежде его, что и теперь солдаты покажут себя достойными славы, приобретенной их прежними товарищами.

Обойдя все войска, генерал приказал выстроиться в порядке походного движения; грянул хор музыки, и отряд двинулся мимо "Белого генерала" навстречу неизвестным опасностям и приключениям. Поднялось облако пыли, понемногу скрывшее из глаз Бами и толпу товарищей, остававшихся там с горьким чувством людей, заветные мечты которых не осуществились...

Не нужно было быть особенно искусным наблюдателем, чтобы по выражению лиц офицеров маленького отряда узнать, кто из них идет в дело в первый раз: сияющая от радости физиономия, глаза горят, выражение напряженного ожидания на лицах, желание придать себе молодцеватый, воинственный вид - все эти признаки бросаются в глаза, сразу видно новичка, неокуренного порохом!

Кровь кипит при звуках марша, присутствие знаменитого "Белого генерала" подзадоривает молодого воина, в его воображении рисуются картины боя: вот он видит себя окруженным врагами, он отбивается, убивает одного, другого, третьего... Генерал видит это, замечает храбрость, вот он уже с беленьким крестиком на груди, на погонах одна или две лишние звездочки...

Мечты уносят новичка в пространство... Рисуются картины самые несбыточные, сердце стучит усиленно в груди, и окружающей обстановки для него уже не существует...

Бог с ним! Пусть себе помечтает; не надо ему мешать и разочаровывать его, пусть он представляет себе человеческую бойню покрытою розовою дымкою романтизма! Завтра же, быть может, шальная пуля за версту расстояния от неприятеля перебьет ему руку или ногу, тогда он увидит, как забавны были его мечты об отличиях в рукопашном бою, о храбрости, геройстве и пр. и пр. Когда он увидит потоки крови, когда из раздробленной головы рядом стоящего солдата брызнет ему мозг в лицо, когда послышатся крики и раздирающие стоны раненых, - тогда только составит он понятие о войне и поймет ложность ранее увлекавших его воображение картин... Пока же пусть помечтает, оно хорошо в том отношении, что переход становится незаметным и наш мечтатель не чувствует усталости, а устать есть с чего!..

Нет такого красноречивого пера, которое могло бы своим описанием похода в песчаной степи дать читателю вполне истинное понятие всех мучений, испытываемых человеком! Только пребывание и личное участие могут заставить почувствовать все те страдания, которые приходится выносить! Описание вяло, бесцветно, как бы оно ни было искусно, в сравнении с истиной!

Вы, читатели, жители городов, тратящие на умывание количество воды, достаточное напоить полуроту солдат, никогда не поймете чувства человека с пересохшим, воспаленным горлом, с потрескавшимися губами, мечтающего о ложке воды, только об одной ложке!..

Когда, переходя улицу, вы попадете случайно в облако пыли, несущейся из-под метлы какого-нибудь несвоевременно ревностного дворника, вы начинаете чихать, кашлять, протирать глаза... Представьте же себе положение человека, идущего сорок верст в облаке мелкого, жгучего песка, затмевающего солнце. Рот полон песка - он хрустит на зубах, слезы льются из глаз от режущей в них боли, все лицо горит как в огне, и ноет, и щиплет!

А ноги? По щиколотку в песке, с трудом двигаются, расползаются, как будто пудовые гири привязаны к ним; они отекли, подошвы болят, масса песку набралась в сапоги, от этого кожа воспалена и в ссадинах, образовался не один пузырь. А идти надо! Да еще идти, неся на себе вьюк по крайней мере в пятьдесят фунтов весом! И все это под аккомпанемент жгучих сорока пяти градусов среднеазиатского солнца! Как тяжелый кошмар являются теперь воспоминания о пережитом и перенесенном. Кажется, что это был другой человек, а не я...

В довершение всех этих физических страданий природа еще иронизирует над бедным, замученным человеком!

Вот горизонт прояснился, показалась голубая линия, все расширяющаяся и наконец принимающая вид моря...

Прозрачная влага ясно переливается, берега усеяны кустарником! Воображение заставляет вас испытывать муки Тантала, вы хорошо знаете, что это мираж! Вода вас манит: то кажется, что это голубое море разливается и движется к вам, то снова отступает за горизонт... Вот оно уменьшается, уменьшается... пропало, и снова желтая беспредельная равнина и бледно-голубое, раскаленное небо давят своим однообразием...

Но вот наконец жара и усталость производят свое действие; человек движется, но он наполовину в летаргическом сне, он теряет способность мыслить - это автомат. Глаза ничего не выражают, рот полуоткрытый, шаги колеблющиеся... Он слышит, что делается и говорится вокруг него, но отдать себе полного отчета не может. Пять раз вы ему можете что-нибудь сказать, он услышит, но его мускулам трудно сразу подчиниться действию воли...

Состояние трудно передаваемое и еще труднее физиологически объяснимое, для меня, по крайней мере.

Можно пройти такое же расстояние даже при более трудных физических условиях, если только перед вашими глазами меняется ландшафт, если вы сами замечаете по смене окружающих вас предметов, что вы движитесь.

Сколько раз мне приходилось с величайшими усилиями взбираться на горы: трудно, очень трудно, но усилия эти вознаграждаются чудным видом, открывающимся с этих головокружительных высот.

Где-нибудь над головой виднеется выступ, и к нему хочешь пробраться, и вот начинаешь подыматься и видишь, как он все приближается и приближается... Вид этот поддерживает энергию и дает новые силы, необходимые для достижения цели.

В степи не то: уставшие ноги дают вам знать, что вы прошли уже не один десяток верст, глаз же ваш не замечает этого; повсюду та же желтая скатерть, то же бледно-голубое небо, и вы не знаете, сколько вам осталось идти и сколько уже пройдено!

Да, господа, тяжелая вещь степной поход!

Одолевает смертельная скука, но вместе с тем и разговор не вяжется лень отвечать и спрашивать, полная апатия овладевает человеком, голова тяжела и с трудом соображает что бы то ни было; единственная у всех мысль поскорее добраться до привала, хотя и привал тоже не представляет большой радости, так как жгучее солнце все равно будет безжалостно продолжать жарить измученных воинов...

Вот если бы ночлег поскорее - это так; тогда, растянувшись на

бурке в ночной прохладе, у ярко пылающего костра, под покровом темного неба, усеянного мириадами звезд, в беседе с товарищами, сразу позабудутся все дневные труды и невзгоды, и веселая речь польется рекой...

Но до ночлега далеко, а пока зной становится все удушливее и удушливее... Все ротные фургоны и свободные верблюды уже заняты ослабевшими солдатами, которые шли до последней возможности, и, только упав и не будучи в состоянии подняться без чужой помощи, были посажены на фургоны. Замечательная черта нашего солдата в походе. Он никогда не притворится больным или ослабевшим, пока есть хоть капля силы у него - он идет не жалуясь, не ропща; не будет места на фургоне - он упадет на землю и будет лежать, оставаясь в жертву неприятеля или диких зверей, и вы не услышите от него жалобы, нет! Единственно, что он скажет: "Прощайте, братцы, не поминайте лихом, придете в Россию, кланяйтесь родным". И это все: ни жалоб, ни отчаяния, ни слез! Безмолвно будет он смотреть вслед удаляющимся товарищам, пока в облаке пыли не пропадут последние блестки штыков, и покорно будет ждать своей участи! Полный фатализм, полная покорность велениям судьбы - вот одна из характернейших черт нашего солдата, черта, составляющая главную его силу. И дай Бог, чтобы он подольше был фаталистом и не знал того, что каждый из нас сам так или иначе устраивает свою жизнь и что влияние судьбы, которой он так слепо подчиняется, не есть обязательное вмешательство в наши дела, а является изредка, так сказать, сверх абонемента!

Надо поближе познакомиться с солдатом, нужно суметь войти к нему в доверие, чтобы научиться уважать его! Надо, чтобы он не боялся офицерских погон, был бы с вами искренен, и тогда вы убедитесь, что этот кусок пушечного мяса, одетый в серую шинель, - человек в полном смысле слова и, как человек, стоит выше нас с вами.

Полировки, поверхностного образования и воспитания у него нет, это правда, но зато эта полировка не стерла его хорошие нравственные качества! Он ничего не знает, но зато у него прямое и великодушное сердце: сознавая свое полное во всем незнание, он не имеет, таким образом, возможности ни на кого наводить тумана верхушками повсюду нахватанных сведений; здравый рассудок заменяет ему его образование, как я уже сказал, он сохраняет в неприкосновенной чистоте свою веру в Провидение и, благодаря этой вере, чисто младенческой, он делает подвиги, на которые можно только смотреть с удивлением! А мы с вами, читатель? Дрессировка, называемая образованием и воспитанием, что она нам дала? Больше пользы или вреда? С горьким чувством

говоришь - да, больше вреда! Ничего фундаментального мы не получили, а лишились многого, скрашивающего жизнь солдата. Вера пошатнулась, и взамен ее нам не дано ничего!..

Вы скажете чувство долга? Заставит вас чувство долга заслонить своею грудью вашего начальника от неприятельского удара? Не думаю! А солдат, спасший на штурме Геок-Тепе таким образом своего ротного командира, сделал это из чувства веры в судьбу - виноватого, мол, найдет!

Что нас заставляет, людей, с позволения сказать, образованных, лезть на смерть? Желание получить орден, отличиться и составить себе карьеру... Я слышу, как вы возмущаетесь и говорите - неправда, это сознание своего долга! Виноват, не верю, сколько бы вы не драпировались тогой истинного гражданина! Долг - это громкое слово, как-то даже странно звучащее в наш продажный, не признающий ровно ничего век. Если не из-за креста, то из-за самолюбия, чтобы не показаться трусом перед другими, подставляете вы лоб! Если и не это - то вам надоела жизнь и вы хотите сделать ее более пряной, ища сильных ощущений, точь-в-точь как люди, от излишества потерявшие вкус и аппетит, повсюду в кушанья сыплют перец и приправы, раздражающие их нервы.

Солдат же, перекрестившись, идет в огонь покойно, опять же под влиянием той же веры в Провидение, которая нас с вами едва ли подвинет на что-нибудь; он совершает подвиг, который приводит в изумление всех окружающих, но сам он не сознает этого - для него это вещь обыкновенная, ничуть не выходящая из ряда явлений его жизни, так как его внутренний голос говорит ему, что иначе и поступить было нельзя!

Приведу в пример героя в серой шинели, заурядного, плюгавенького солдатика, о котором едва ли кто знает. Взятый в плен вместе с пушкой, в числе прислуги которой он находился, он подвергается самым страшным пыткам, которыми его хотят принудить открыть неизвестный текинцам способ обращения с орудием незнакомой им системы. И вот ему последовательно режут все пальцы на руках и на ногах; наш серый герой крепится, призывает на помощь свою веру и молчит! Вырезают ремни из спины - тоже молчание; полуживого поджаривают - он умирает, не сказав ни слова! Фамилия этого малоизвестного мученика и героя - Никифоров, канонир 6-й батареи 19-й бригады!

Никифоров не один, все наши солдаты таковы; к сожалению, мы не стараемся ближе узнать их, впрочем, оно и лучше, пожалуй; от этого сближения ведь не будет добра наивному солдату, который примет на слово, не будучи в состоянии оценить мораль, выработанную нашим современным обществом,

и пропали тогда все его добрые качества! Пусть остается таким, каким он был во времена Суворова и войны 1812 года, когда весь мир с удивлением и уважением взирал на него, и каким он остался и до сих пор почти без изменения. Пусть это будет наивная, прямодушная, верующая каста; не надо нам германских солдат, этих автоматов на службе и политиков вне службы, сидящих в пивных с газетами в руках и рассуждающих о могущей быть войне или распевающих во все горло "Wacht am Rhein"; не нужно нам и подвижных, пылких, сумасбродно храбрых французских солдат; у нас выработался свой тип, далеко превышающий своими нравственными качествами всех солдат в мире! Одна забота - не испортить этот тип...

Только теперь я заметил, что уклонился чересчур от нити моего рассказа; впрочем, читатель, это как раз случилось, когда отряд остановился на привале. Пойдем с вами снова и посмотрим, что делается на месте этого давно желанного отдыха.

В отряде все лежат, начиная с начальства и кончая даже верблюдами. Прежде всего поразит вас число индивидуумов, лежащих на спине, поднявши вверх обе ноги (я говорю о людях, ибо еще ни разу не видел верблюда или лошадь в таком положении).

Это положение - самое удобное для пешехода, сделавшего переход верст в двадцать пять; кровь отливает от ног, и уже чувствуется облегчение минут через десять такой позы; рекомендую вам испытать, читатель, если вам придется побегать много даже и не в походе, а в богоспасаемом городе Кронштадте. Несколько человек занималось варкой чая, по преимуществу это были денщики, господа которых группами лежали на бурках; артиллерийские солдатики, чтобы скрыться от жары, позалезали под орудия и зарядные ящики, но тени и там было немного! Иные, окончательно задыхаясь от жары, вырывали руками ямы в песке и прятали в них лицо, воображая, что дышут более прохладным воздухом.

Несмотря на духоту, офицерство с живостью набрасывалось на чай, как только он готов, зная, что ничто так не утоляет жажды, как горячий кипяток; действительно, можно пить сколько угодно воды и вам хочется пить все больше и больше, причем ощущение жажды продолжает оставаться, стакан же горячего чая, особенно с лимоном или экстрактом клюквенной кислоты, сразу освежает вас.

Но вот подается сигнал к подъему; утомленные солдаты, обожженные и скорее измученные, чем отдохнувшие от этого лежания на раскаленном песке, с трудом подымаются.

Снова навьючиваются верблюды, снова садятся ездовые на

лошадей, пехота выстраивается; снова подымается облако пыли и отряд двигается в глубь Ахал-Текинского оазиса, очень мало похожего на оазис.

Но вот наконец косые лучи солнца перестают так жечь; становится прохладно, температура понижается до 28-30 градусов, солдаты идут бодрые; где-то впереди затянули песню, вот грянул и припев - сотни голосов подтянули, и раскатилась русская молодецкая песня по этой голой песчаной пустыне, являясь как бы провозвестником нашего здесь владычества и могущества!

Вот, подымая пыль высоко взбрасываемыми ногами, пустился в пляс бравый солдатик; физиономия его остается невозмутимо спокойной, как будто он и не танцует, как будто он и не причастен ко всему этому пению и грому бубна, который он лихо перебирает и подкидывает в руках!..

Как-то хорошо и весело становится на душе под звуки этой разухабистой песни, далеко разносящейся в свежеющем воздухе.

Взгляните на этого офицера, едущего верхом впереди роты, и вы увидите на его физиономии счастливую, довольную улыбку: он только слышит звуки этой привычной, родной песни, но мысль его далеко, она теперь там, на родине, где он впервые услышал эту песню и при других обстоятельствах... Как будто что-то сжимает сердце, хочется кому-нибудь высказать все, что накипело на душе, хочется, словом, и плакать и смеяться!.. Непонятное, необъяснимое ощущение... А бубен смолкает, и песня едва слышно раздается; сотни голосов издают меланхоличные, грустные тоны...

Но вот снова грянул бубен и полились громкие, полные бесшабашного и залихватского веселья звуки! Плечи начинают сами собою подергиваться, руки и ноги приходить в движение, кровь быстрее обращается в жилах.

Я, читатель, не поэт, поэтому и не берусь передавать состояние души человеческой, я хотел только попытаться передать вам то, что бывало со мной в степи на походе при звуках песни в непривычной для меня обстановке. Если вам случалось когда-нибудь испытывать то же самое - вы поймете меня, если нет, то я только могу пожалеть о вас, значит, у вас будет в жизни одним светлым впечатлением и воспоминанием меньше! Как тяжело было идти раньше, так легко проходятся теперь эти десять или двенадцать верст, остающиеся до места ночлега.

Вот уже показались белые стены глиняной крепости Арчман; заходящее солнце своими розовыми, угасающими лучами освещает их. Видна и мечеть, своим куполом превышающая глиняные мазанки, лепящиеся одна к другой, видны

виноградники и отдельные деревья, зовущие к себе на отдых...

Казаки, составляющие авангард, нагайками подгоняют своих измученных лошадей и, выхватив винтовки из мохнатых чехлов на случай встречи с негостеприимными хозяевами, влетают по единственной узкой и кривой улице, огороженной высокими глиняными стенками... Пешеходу невозможно заглянуть за них, только всадник, приподнявшись на стременах, может удовлетворить свое любопытство, и тогда глазам его представляется цветущий сад с зеленеющей травой и фруктовыми деревьями.

Иногда высокая стенка сменяется очень низенькою, и за нею виднеется обширное пространство, покрытое еще недозревшей кукурузой и изрытое массой параллельно идущих канавок, предназначенных для орошения этого участка земли.

Но вот поперек улицы широкая лужа, арык (ручей) с шумом вливает в нее свои прозрачные воды, которые здесь от соприкосновения с черноземом являются уже в образе чернил. Осторожно едут казаки, так как грязь доходит до брюха лошади... В эту минуту на стене, выдающейся углом на улицу, что-то сверкнуло, показались две высокие бараньи шапки и почти одновременно грянуло два выстрела... Стройный красивый казак, стегавший в этот момент лошадь, на секунду остался с поднятой вверх рукой, покачнулся в седле, упал лицом на шею поднявшегося на дыбы коня и грузно шлепнулся в грязь, разлетевшуюся брызгами во все стороны... Другой хватился за левое бедро с каким-то испуганным видом, и короткий болезненный крик: ох! - вырвался у него из груди... Какая суматоха поднялась! Сразу более десятка человек марш-маршем перелетело эту глубокую лужу... Вот уже трое лезут на стену, подсаживаемые товарищами, с винтовками в руках; сотенный командир, с головы до ног забрызганный грязью, с револьвером в руках, громовым голосом приказывает горнисту играть сбор, направо в виноградниках грянуло уже несколько гулких, сухих выстрелов наших берданок...

Раненный в ногу казак лежит под стенкой и прерывисто стонет от боли; под ним образовалась лужа крови, обагряющей молодую траву и кажущейся особенно красной при пурпуровых лучах солнца... Товарищ его, убитый наповал и только что вытащенный из арыка, лежит в нескольких шагах, весь облепленный грязью и облитый кровью, льющейся из черной раны на лбу... Казаки все прибывают и с лошадей бросаются в виноградники, где уже не слыхать шума; отдельные выстрелы доносятся издалека едва слышным щелканьем... Оставляя за собой облако пыли, мчатся двое казаков назад по улице, чтобы

дать знать остальному отряду о случившемся... Но там уже слышали, и одна из рот бегом вступает в аул. Отряд перестраивается в боевой порядок, ожидая серьезного дела... Напрасно: выстрелы прекратились, трубач играет сбор, из всех стенок показываются возвращающиеся казаки, а те два врага, сделавшие выстрелы, уже получили возмездие и обливают своей кровью свою же родную землю, на которой они предпочли пасть, чем оставить ее во владение "белых рубах"... Казаки же довольны, что сквитались за своих товарищей, и приятное сознание отмщения вызывает улыбку на страждущее лицо раненого, мечущегося от боли в перебитой ноге...

Скоро в ауле подымается шум и царит лихорадочная деятельность: отряд готовится на ночевку. На обширной площади, где несколько дней тому назад текинские старшины творили суд и расправу, сидя на корточках перед разноцветными кальянами и поглаживая свои длинные выкрашенные в красную краску бороды, располагаются верблюды, оглашающие воздух своим скрипучим криком; зеленеющие деревья, под которыми искали убежища еще не так давно красавицы текинского оазиса от палящих лучей солнца, с треском падают под топором "белых рубах", для которых они послужили топливом для варки пищи... Глиняные стенки, предмет трудолюбия многих десятков людей, служившие для разграничения полей, разрушаются, чтобы за ними не могли найти себе защиту хозяева аула, могущие вернуться в эту ночь на свое родное пепелище с целью прогнать непрошеных гостей. В некоторых же стенках проделаны четырехугольные амбразуры, и из них сверкают медные пасти орудий, готовые изрыгнуть картечь на нарушителей спокойствия. Десятки солдат толпятся около арыка, наполняя свежей водой свои кошелки и манерки... Никогда еще этот аул не видал такой деятельности!

Смеркалось. Десятки костров запылали повсюду, взад и вперед двигаются тени солдат и офицеров; везде варится суп и чай, артелями садятся солдатики на землю и за ужином забывают усталость; чудная, южная ночь своим звездным покровом облагает весь аул; звезды горят каким-то особенным желтоватым светом в беспредельной высоте темного неба, млечный путь матовым блеском привлекает взгляд наблюдателя; соловьи переливаются в садах, и душа переполняется хорошим, добрым чувством - забываешь на минуту, что в этот чудный, благоухающий уголок внес с собою убийство, разорение...

Но вот отряд поужинал. Понемногу шум прекращается, все спит, измучившись сорокаверстным переходом; но как бы ошибся неприятель, если бы он вздумал сделать нападение, пользуясь

этим общим сном: как из-под земли вырос бы секрет и встретил его метким залпом!

Знаете вы, читатель, что называется "секретом"? Я не говорю о слове в его общеупотребительном значении, так как каждому известно, что секретом называется обстоятельство, чаще всех других становящееся всем и каждому известным способом, в особенности если одна из вас, многоуважаемые читательницы, посвящена в дело, долженствующее быть секретом; нет, я говорю о значении военном этого слова, где подразумевается действительно тайна, то есть неизвестное неприятелю расположение маленького сторожевого отряда.

Если вы любитель сильных ощущений, то советую вам при первой возможности постараться попасть в секрет в темную ночь, вы останетесь довольны! Маленькая горсточка людей должна в случае нападения рассчитывать только на свои силы, так как секрет устраивается обыкновенно вдали от лагеря, чтобы весь отряд имел время приготовиться к отражению нападения, пока неприятель пройдет пространство, отделяющее секрет от лагеря.

В случае отступления после перестрелки секрет легко может подвергнуться огню, открытому своими.

Я это говорю о случае нападения, скажу теперь несколько слов о самом лежании в секрете, о нравственном состоянии человека в это время.

Обыкновенно секрет отправляется на свое место сейчас же после захода солнца, причем командующий им должен подробно осмотреть все вокруг и сориентироваться. Затем все ложатся и до наступления должны быть безгласными и неподвижными, напрягая только зрение и слух.

Представьте же себе, читатель, положение человека, прошедшего около сорока верст за день, измученного жарой, которому приходится еще целую ночь не спать и на следующий день идти столько же? Да еще, лежа на голой земле и камнях, нельзя ни шевельнуться, ни закурить! Вокруг мрак, в трех шагах все сливается с землей... напряженно слушают солдаты, держа винтовки наготове; не слышно ничего, кроме необъяснимых ночных звуков, так хорошо знакомых всем, кто проводил ночи в лесу или степи!.. Вот солдатик прикладывает ухо к земле - нет, ничего... Отяжелевшая голова не хочет подняться снова; он борется со сном, с усталостью и мало-помалу приходит в забытье... Он не спит, он сознает все окружающее, и вместе с тем он погружается в сновидения, кратковременные, продолжающиеся, может быть, минуту или две. Затем он снова бодрствует...

Эх, трубочку бы выкурить! - думается ему, и он представляет

себе весь процесс закуривания, дым уже щекочет его горло и ноздри, он курит... Шум... Глаза раскрылись, и солдат нетвердо убежден, что он не курил сейчас, что это была полудремота... Прямо против него во мраке светится несколько точек; ярко горят они и движутся, их становится все больше и больше, весь горизонт усеивается этими фосфорически сверкающими точками... Причина услышанного им шума сейчас же становится понятной для солдата при виде этих блуждающих огоньков.

- Ишь проклятые шакалы, опять повылазили, - ругнулся про себя солдатик, и снова в глазах у него начали составляться какие-то странные фигуры из этих движущихся блесток; он понимает ясно, что это дремота одолевает его, и старается не закрывать глаз, но вот он моргнул раз, другой, а на третий раз веки его оказались закрытыми. Он хочет открыть их, и не хватает силы... Он припоминает, что говорил им сегодня их ротный, что ежели хоть на минуту вздремнуть, так наверняка останутся без головы, потому, что текинцы бродят около, и вот он мысленно убеждает себя, что он спать не будет, а только отдохнет... Протяжный вой, вроде детского плача, послышался совсем близехонько; солдатик сразу приходит в себя и внимательно вслушивается. Плач этот повторяется, но уже в другом месте; еще несколько голосов присоединились, и вся степь огласилась обычным ночным концертом, задаваемым шакалами...

- И чего это они воют? - размышляет солдатик, сонное расположение духа которого значительно разогнали эти звуки. Он вглядывается вперед и... странное дело! - воображение это или действительность? Какая-то масса будто двигается с левой стороны, а может, и не двигается, думается ему. - Должно быть, камень, - успокаивает он себя.

Но сомнение уже овладело им, и он не может быть покоен.

- А что, ежели это "он" ползет? - рука судорожно приподымает винтовку. - Пальнуть или нет? - Кровь приливает в голову, и вот уже несколько темных пятен показываются нашему солдатику.

Едва слышным голосом спрашивает он рядом лежащего товарища: "Петров! Видишь?" - "Где?" - "Налево". - Проходит минута, другая томительного ожидания... Сердце так и бьется, нужна в эту минуту большая сила воли, чтобы не спустить курок... "Ничего нет", - слышится ответ - на душе стало легче. "Показалось?" - думается солдатику, но он уже теперь взволнован. Прилив крови к голове иной раз заставляет слышать воображаемый шум или разговор... Случается, нервы не выдерживают и... мрак прорезывается огненной вспышкой выстрела; пущенная на воздух пуля со свистом улетает в пространство, испуганные шакалы с воем удирают во все лопатки,

в лагере суматоха, и причиной всего - разыгравшееся воображение солдата, которого вы ни за что не уверите, что он стрелял в продолжение своей фантазии, он убежден, что действительно "подползали".

Я знаю случай, когда наш и неприятельский секреты пролежали целую ночь в тридцати шагах расстояния друг от друга, не предполагая, ни тот ни другой, о такой близости врага! Можете себе, значит, представить, какая тишина соблюдалась и нами и ими! И только утром обе стороны увидели друг друга и в первый момент были поражены таким изумлением, что не сразу обменялись свинцовыми визитными карточками.

Непривычного человека ночь, проведенная в секрете, сильно взволнует и покажет ему истинную крепость его нервов; я не говорю - его храбрость, так как можно быть очень храбрым в бою: не кланяться пулям, гулять с папироской в цепи, рассказывая под аккомпанемент свистящих пуль скабрезные анекдоты своим товарищам, идти первым на штурм, но вместе с тем можно, будучи ночью в секрете, бояться всякого шороха и стрелять в воздух; это покажет только, что этот человек - слабонервный, днем он, при видимой опасности, владеет достаточно своей нервной системой, ночью же - нет.

Вообще понятие о храбрости очень и очень относительно. Абсолютно храбрых людей на свете нет; имя храброго носит тот, кто меньше других трусит; это вовсе не громкая фраза, читатель, не парадокс, нет, это истина. Не верьте никогда никому, кто вам скажет, что он не боится в бою, что свист пуль для него ничего не значит, - он лжет; он боится, но умеет скрывать это чувство страха, так как самолюбие заставляет его делать это. Ни сознание долга, ни любовь к родине, ничто не играет роли в этом выказывании храбрости, единственный стимул - чувство самолюбия. Это чувство двигает нами, людьми развитыми, когда мы пренебрегаем опасностью и сами лезем на нее! Нет храбрых людей на свете, все это более или менее хорошие актеры; каждый из этих актеров, когда видит, что нет публики, перед которой бы нужно было играть свою роль, сделается вполне естественным и... спрячется куда-нибудь в канаву! Amicus Plato, sed magis amica-veritas! Если вы, читатель, бывали в делах, то, прочтя эти строки, припомните ваши тогдашние ощущения и скажите сами себе, наедине, что это верно; я не требую публичного признания, зачем ставить себя в неловкое положение, а в душе признаться можно и даже следует!..

Вы можете на это возразить, что если действительно всяким человеком в бою овладевает чувство страха, то, значит, невозможно и желание вновь пойти в бой, желание, которое очень

многие совершенно искренно высказывают, доказывая это на деле. Аргумент, по-видимому, действительно очень веский, но, к сожалению, обращающийся против вас же самих.

Если ощущение человека во время дела было бы равносильно тому, какое он испытывает, выпивая стакан чая, то его бы, вероятно, не тянуло снова попасть под огонь; в том-то вся и сила, что чувство боязни за жизнь так вас волнует, равно как и чувство самолюбия.

Мне приходилось говорить со многими людьми, не раз бывавшими в опасностях, о чувстве страха, испытываемом в бою, и я заметил, что человек, откровенно говорящий о том, что он струсил в бою, передающий с величайшей точностью свои впечатления о том, как ему казалось, что всякий дымок неприятельского выстрела будет предвестником пули, предназначенной именно для него, рассказывающий о страстном желании лечь в яму во время перестрелки, всегда в конце разговора с искренним чувством сожаления вспоминает об этом невозвратном прошлом.

Если вы вглядитесь попристальнее в такого человека, поближе его узнаете, то вы убедитесь, что этот человек - нервной организации, горячий, впечатлительный; таким-то натурам и нравится эта непрерывная борьба воли с естественными инстинктами...

Я уклонился еще раз от нити моего рассказа, но это делается невольно, так как в описании впечатлений походной жизни постоянно наталкиваешься на вещи, требующие подробного анализа, вследствие того, что они не имеют ничего сходного с вашей обыденной жизнью. Многие имеют совершенно неправильные взгляды на состояние души человеческой в такие ненормальные моменты, как старательное истребление себе подобных, вот мне и желательно было бы выяснить это душевное состояние, руководствуясь собственным опытом и наблюдениями над товарищами; поэтому да не будет читатель в претензии за частое виляние рулем и уклонение с курса моего рассказа!

Ночь в Арчмане прошла спокойно. До восхода солнца оставалось еще с добрый час, когда затрещали барабаны, подымая разоспавшихся солдатиков. Если бы вы только могли себе представить, читатель, то страстное желание еще соснуть хотя бы десять минут, которое ощущается после тяжкого перехода. Измученные ноги едва начали отдыхать, вы чувствуете себя еще наполовину разбитым, глаза слипаются, голова не хочет подняться с бурки, к тому же еще вокруг вас мрак, располагающий продолжить пребывание в мире сновидений... А вставать надо...

Солдатики, зевая, начинают готовить себе чай; подкладывается топливо в полуугасшие костры, снова начинается шум и суматоха в лагере. Сон живо разгоняется приготовлениями к движению вперед, и обычная деятельность царит в маленьком отряде. Ничего нет легче как неопытному человеку в такой сумятице потерять свою часть, которую с большим трудом приходится потом разыскивать. Совершенно незнакомое место ночлега, раскинутое на большом протяжении, плохо освещенное кострами, перерытое массами канав и ям, делает очень неудобным отыскивание места расположения какой-нибудь роты. Поэтому во мраке постоянно слышатся возгласы приблизительно следующего содержания:

- Земляк, а земляк!
- Чего тебе?
- Здесь 3-я Самурская рота? Записка к командиру есть!
- Нет, тут апшеронцы, ступай налево, все прямо.
- Спасибо!

Посланный идет "налево, все прямо" и натыкается на артиллерийского часового, окликающего его. Оказывается, что это не самурцы, а горная батарея, и ему велят идти направо, а потом налево. Проклиная свою судьбу, плетется бедняга обратно и по дороге не раз попадает в ямы и высохшие арыки, не раз натыкается на людей, спотыкается на верблюдов, злобно ревущих при этом и оплевывающих его, словом, нет возможности исчислить все бедствия им претерпеваемые. Но вот наконец рота розыскана, но... солдатик не найдет дорогу назад.

Еще было совершенно темно, когда отряд тронулся в путь. Подобные движения в высшей степени опасны, если имеется вблизи неприятель, так как в это время невозможно сохранить порядок.

Самые несчастные люди в этом случае артиллеристы: страшных усилий стоит вытаскивать орудия, колеса которых поминутно попадают в рытвины. Движение остальных частей задерживается, призываются всевозможные проклятия и громы небесные на головы бедных артиллеристов; высшее начальство разносит батарейного командира, этот - офицеров, последние - ездовых, взводные вымещают злость на ни в чем не повинных лошадях, которых начинают бить...

Сзади - скопление фургонов, арб, верблюдов, старающихся как-нибудь пробраться вперед, чему препятствует узость дороги, ограниченной по обеим сторонам канавами или же глиняными стенками.

- Куда тебя дьяволы несут, видишь орудия стала! - благим матом кричит фейерверкер на фургонщика, пролезшего вперед.

- Велели вперед ехать, - кричит тот с высоты козел.

- Пошел назад, говорят тебе, - неистовствует фейерверкер, и удары нагайки сыплются на лошадей фургона, которые начинают биться и чуть не опрокидывают этот доверху нагруженный экипаж. Задние колеса напирают на сбившихся в кучу пехотных солдат, которые, понятно, не желая быть раздавленными, сторонятся и двое или трое падают в канаву.

- Что ты людей давишь, чертова кукла! - вступается за своих солдат пехотный офицер, и фургонщик ощущает неприятное прикосновение нагайки...

- Кто распорядился остановить отряд? - горячится один из штабных офицеров, летя верхом в эту сумятицу.

- Без всякого распоряжения, колеса засели в канаве, - слышится чей-то ответ.

- Подымайте штыки, крупа серая, - негодуют казаки, ухитряющиеся пробираться по краю канавы верхом, морды их лошадей натыкаются на штыки ружей, взятых "вольно".

- Ишь кошемники, подождать не могут, - отвечает "крупа", недолюбливающая казаков. Начинается ругань.

- Ну антиллерия! То исть одно несчастие с ей, - философствует кто-то, усевшись в канаве.

- А все потому, что не смотрят! Статочное ли дело орудие в канаву завесть? Теперь, знамо, не вытащить! Ведь в ей пуд с тридцать будет! И сиди тут до света!.. Э-эх, горе!

И неприятно и смешно слушать все, что говорится вокруг, самое лучшее вооружиться терпением и ожидать.

Наконец колеса вытащены и все двинулось вперед, хотя долго еще потом идет переругивание, так как никто не хочет признавать себя виновным в этом казусе, да и действительно, строго говоря, виновны только - темная ночь да рытвины, попадающиеся на дороге.

Но вот отряд вышел в степь, все части заняли свои места, и движение совершается в порядке; надо пользоваться прохладой и пройти как можно больше до наступления жары...

Все дни переходов очень однообразны, поэтому, читатель, я не буду вас утомлять описанием следующих трех дней похода; была та же убийственная духота и пыль, те же привалы и ночевки в крепостцах, покинутых жителями. Перехожу к описанию событий 5 июля, когда отряд подошел к Эгян-Батыр-Кала, большой крепости в тринадцати верстах от Геок-Тепе.

Еще с самого восхода солнца весь отряд с нетерпением всматривался вперед, ожидая увидеть этот передовой форт Геок-Тепе, который, по мнению всех офицеров, можно было взять только после горячего боя. Вот наконец около шести часов утра

на горизонте показалась темная линия виноградников и белые стены крепости.

Все бинокли направились туда, отыскивая присутствие врага.

Отряд остановился, давая арьергарду время подтянуться.

До Эгян-Батыр-Кала оставалось верст около семи.

Как сейчас помню я восклицание молодого офицера, первый раз делавшего поход, который в бинокль увидел две маленькие черные точки, показавшиеся из-за Калы и медленно двигавшиеся по желтой равнине, приближаясь к нам.

- Слава Богу, вот и текинцы!

Это восклицание звучало такой искренней, неподдельной, чистой детской радостью, что все от души засмеялись. Тут выразилось все нетерпение молодой пылкой натуры изведать ощущение боя, выразилось желание показать себя молодцом!

Отряд тронулся в боевом порядке. По мере приближения к Кале в песках, налево от колонны, стали показываться текинцы, шедшие почти параллельно с нами верстах в трех.

Все ближе и ближе становится к нам Кала; уже ясно видны обширные виноградники и ярко белеющие стены укрепления, но врагов вблизи не видно, не видать ни одного дымка выстрела, не слышно свиста ни одной пули.

Полусотня казаков со всевозможными предосторожностями приблизилась к Кале; через минуту уже мчался один из них назад к отряду с известием, что укрепление покинуто неприятелем.

Отряд подошел к Кале, и взорам его открылась обширная равнина, на горизонте, на юге, виднелся холм - Геок-Тепе.

Вся равнина была усеяна всадниками, казавшимися издали микроскопичными; число их доходило, по мнению самого Скобелева, до двенадцати тысяч. Они скакали в разные стороны, не приближаясь к нам ближе пяти верст. Высокий бугор под горами был сплошь покрыт пешими, казавшимися муравьями, копошащимися в своем конусообразном жилище, когда их потревожит неприятель...

- Ишь ты, повысыпали как, аж вся степь черная, - обращается один из матросиков к своему товарищу, лежащему на песке.

- Много! Это они встречать нас вышли, потому матросов никогда не видывали в песках.

- Да их, поди, еще в крепости несметная сила, - отзывается ездовой артиллерист, грудь которого украшена Георгием, полученным за экспедицию прошлого года.

- Этак и патронов не хватит их всех перестрелять, - отзывается унтер-офицер морской артиллерии.

- Так они тебе и дались, попробуй-ка перестрелять!! Тоже ведь, поди, охулки на руки не положат.

- Здорово они теперича злы на нас! Тоже ведь бросать свои дома-то не очень приятно им! Наверняка тут все собрались из аулов, которые мы прошли, - замечает боцманмант, с любопытством вглядывающийся в эту новую для него картину громадной степи, покрытой массами людей, которых ему завтра придется убивать, рискуя и самому представить из себя под их шашками котлету...

- Генерал идет! - послышалось со всех сторон.

Михаил Дмитриевич Скобелев, окруженный своим штабом, проехал по рядам и выехал вперед; он несколько минут осматривал площадь, покрытую неприятелем, затем обратился к начальнику штаба Николаю Ивановичу Гродекову и сказал ему несколько слов; последний подозвал одного из осетин и что-то приказал ему. Осетин хлестнул нагайкой своего поджарого коня, который прыгнул и, вытянувшись, помчался к 4-й батарее, стоявшей в некотором отдалении развернутым фронтом. Немедленно после нескольких слов, переданных им батарейному командиру капитану Полковникову, одно из орудий рысью тронулось с места и стало на позицию впереди всего отряда.

- А ну-ка, Полковников, пугните этих любопытных там, на холме! обратился Скобелев к бравому черноусому капитану.

- Слушаю, ваше превосходительство! - последовал ответ. Орудие заряжено шрапнелью, молоденький поручик Томкеев

лично его наводит, сидя на хоботе... Вот он отходит в сторону, громко командует: "Первое!" Фейерверкер добавляет громовым голосом: "Пли!" Все окружающие жмурятся и подбирают повода лошадей. Первый номер порывисто дергает к себе шнур. Воздух потрясается грохотом выстрела, орудие подпрыгивает и откатывается со звоном, пороховой дым щекочет ноздри и горло присутствующих, внимание которых сосредоточено на холме, покрытом неприятелем, так как там-то именно и разразится сейчас результат этого выстрела. Действительно, через три или четыре секунды над этим муравейником людей появляется в воздухе белый дымок... Боже мой, что за суматоха поднимается там! В бинокль ясно видно, как все это задвигалось и побежало с холма! Через несколько минут там уже никого нет, но зато видны всадники, скачущие в разные стороны по степи от холма.

- Кажется, перенесло, - заметил генерал, внимательно смотревший в бинокль.

- Точно так, - ответил батарейный командир, тоже заметивший, что разрыв шрапнели был по ту сторону холма.

- Я думаю, они никак не ожидали, что орудие хватит туда, - добавил Михаил Дмитриевич.

- Для них дальнобойные орудия новость, ваше превосходительство, ответил капитан. - В прошлую экспедицию наши полевые четырехфунтовые не доносили так далеко; они потому так спокойно и оставались на холме.

- Ну, довольно с них сегодня и одного выстрела, - заметил генерал.

- Николай Иванович, займись размещением отряда, - обратился он к начальнику штаба.

Какое наслаждение для уставших людей расположиться в этих тенистых, прохладных виноградниках, зная, что целый день отдыха перед ними! Воды сколько угодно, топлива в излишке, да и ко всему этому есть еще и полуспелый виноград!

Быстро расположились солдатики по указанным местам, и скоро в неподвижном воздухе стали подыматься к небу столбы черного дыма от повсюду разложенных костров, на которых жарилась и варилась баранина... А в нескольких верстах, в степи и песках, также продолжали двигаться текинские наездники, со злобой и ненавистью в душе смотревшие на этот дым, на эти "белые рубахи", хозяйничающие в их Кале и оскверняющие своим присутствием их свободную землю... В виноградниках слышались удары топора, треск падающих тутовых деревьев, ломающегося кустарника, говор и смех солдат, снующих взад и вперед с трубочками в зубах и с манерками полными воды... Сквозь темную зелень роскошной растительности яркими блестками сверкают солнечные лучи, играющие на штыках винтовок, составленных в козлы там и сям... Повсюду разносится запах готовящегося обеда... Веселая, оживленная картина бивака, которая врезывается навсегда в памяти каждого, хоть раз ее видевшего.

Но в мире всегда случается, что рядом с радостью непременно находится и горе; так и здесь: возле костров, где солдатики, довольные и счастливые продолжительным отдыхом, оглашают воздух разговорами и искренним смехом, стоят одноколки Красного Креста, откуда доносится иной раз тяжелый стон, вызванный нестерпимой болью; это больные лихорадкой и кровавым поносом, в числе их находится командир морской батареи лейтенант Ш-н; его энергическая, подвижная натура не выносит долгого лежания, он встает, вылезает из одноколки, пройдется, посмотрит на батарею, которою заведует гардемарин М-р, но слабость и боль заставляют его ложиться... Голова горит, боль в глазах, сухие губы потрескались, но это все пустяки в сравнении с нравственным мучением: неотвязчивая мысль мучает его, что завтра дело, первое дело, в котором он должен участвовать, и ему не придется быть там! Мысль эта сверлит

беспощадно лихорадочно разгоряченный мозг бедного моряка, и он вне себя! Ему представляется, что его новые товарищи по походу могут заподозрить его в трусости, могут подумать, что болезнь эта - только способ отделаться от участия в бою, тогда как храбрый лейтенант только и мечтает о возможности попасть в огонь! Сколько проклятий посылает бедный Николай Николаевич судьбе, виновнице этой болезни! Наконец он решает вопреки всем советам докторов идти завтра в дело и на этом решении успокаивается.

Солдаты, плотно пообедав, располагаются на отдых под деревьями и кустарниками, там, где больше тени. Минут через двадцать повсюду слышится храп, как будто раздающийся из-под земли, так как густые виноградники совершенно закрывают спящих.

Не спят только офицеры штаба, готовящие к завтрашнему дню диспозицию для рекогносцировки; обливаясь потом в духоте кибитки, сидят за бумагами адъютанты и писаря. Поминутно вбегает рассыльный с требованием кого-нибудь из офицеров или к генералу или к начальнику штаба: с ворчанием натягивает офицер сюртук, кажущийся в эту жару истинно Божеским наказанием, и отправляется на зов; через несколько минут он снова возвращается с кипой бумаг, которую начинает или сам просматривать или же передает для переписывания одному из писарей, которым действительно приходится тяжко от страшной жары и массы мух, мешающих работать.

Наступил вечер, прохлада сменила зной. В главной Кале идет деятельная работа по приведению ее в оборонительное состояние, так как в ней должны на время рекогносцировки остаться вьюки всего отряда, повозки Красного Креста и вообще все предметы, могущие стеснить маленькую колонну во время завтрашнего движения к крепости. Гарнизоном остаются: полурота Красноводского местного батальона, две картечницы под командой гардемарина М-ра, доктор Цвибек и комендантом - войсковой старшина Александр Васильевич Верещагин, брат нашего знаменитого художника, служивший ординарцем у Михаила Дмитриевича Скобелева во время турецкой войны и тяжело раненный в ногу на Зеленых горах.

На площадке башни идет прорезание двух амбразур для картечниц; молодцы матросы, мастера на все руки, взяв у саперных солдат ломы и линнемановский шанцевый инструмент, с рвением выбивают куски глины, наполняя весь воздух пылью, лезущей в рот и в нос гардемарина, присматривающего за работами, что заставляет его чихать, кашлять и поминутно выражаться не совсем изящным слогом...

Вдоль всех четырех фасадов Калы устраивается парапет для стрелков, для чего со всех сторон тащатся бревна, насыпается земля; верблюды вереницей тянутся внутрь Калы, неся на себе вещи, которые должны здесь остаться, уже немало фургонов и арб нашло себе здесь убежище. Комендант, одаренный как будто крыльями, носится повсюду, повсюду следит за работами, отдает приказания, полученные от начальника штаба, записывает в свою книжку; пот льется с его загорелого худощавого лица градом, он поминутно вытирает его рукавом своей полинявшей, запыленной черкески, отчего грязные полосы придают очень комичный вид его физиономии.

- Скорее, скорее ребята, - понукает он солдат и казаков, являющихся все с новыми и новыми партиями вьюков.

- Что, еще много там осталось фургонов? - спрашивает он унтер-офицера, назначенного вводить их в Калу и показывать места.

- Много еще, ваше высокоблагородие! - отвечает тот, к немалой печали коменданта, начинающего чувствовать потребность в отдыхе, которому нечего и думать предаваться, пока Кала не будет приведена в оборонительное состояние, так как каждую минуту может прийти генерал, сам не знающий отдыха и требующий от других добросовестного исполнения своего долга.

До глубокой ночи возился гарнизон этого укрепленьица со своей работой. Наконец все было готово; выход был засыпан землей и наглухо заделан. Кала была отделена от всего остального мира своими высокими стенами, за которыми блестели штыки часовых, расхаживавших по парапету. Все улеглось наконец; слышался храп солдат, лежавших где попало вповалку, полусонный рев верблюда, которого мимоходом задел унтер-офицер, кто-то бормотал во сне и потом тяжело вздыхал, снова все смолкало и воцарялась тишина. Где-то далеко слышался перерывистый лай собаки, и временами два часовых, ходивших по двум перпендикулярным между собою парапетам, встречаясь на углу, перебрасывались тихими словами и снова начинали с точностью маятника свою невольную прогулку, всматриваясь в степь, посеребренную взошедшей луной...

Солнце еще не взошло, когда отряд, шедший на рекогносцировку, выступил с бивака. Оставшиеся в Кале с живым чувством любопытства и участия следили за этой темной массой, постепенно исчезавшей с глаз в предрассветном сумраке.

Стало уже светло, прошло около часа после выступления отряда, когда до гарнизона Калы донесся первый звук орудийного выстрела.

Облако пыли скрывало наш отряд из глаз, но звук этого выстрела показал, что дело началось. Как бы по команде обнажились головы офицеров и солдат маленького гарнизона, творивших крестное знамение с безмолвной молитвой о помощи нашему отряду. Все чаще и чаще потрясался воздух гулом орудий, по-видимому, бой был не на шутку. В песках, где не было пыли, виднелись массы неприятельской кавалерии, спешившей в Геок-Тепе. Если вас интересует, читатель, быть свидетелем перипетий этой кровавой драмы, я вас сведу туда, к этому маленькому отряду, окруженному кольцом текинских наездников, которое становится все уже и уже. Кажется, что эта едва приметная кучка людей в белых рубахах неминуемо должна исчезнуть и быть поглощенной этим морем разноцветных халатов, окружающих ее со всех сторон...

Весь воздух наполнен пороховым дымом и непрерывным гулом и треском. Текинцы все суживают свое кольцо; простым глазом можно различить черты лиц этих диких наездников, в карьер подскакивающих к нашей цепи и стреляющих из винтовок, после чего они снова отскакивают, чтобы зарядить оружие... Отряд остановился и, повинуясь громкой команде самого Михаила Дмитриевича, приостановил стрельбу для того, чтобы через минуту грозным единодушным залпом заставить содрогнуться воздух и землю...

Все вокруг окуталось дымом... Кольцо, составленное текинцами, прорвалось и расширилось... Убитые и раненые лошади и люди валялись на песке, а живые мчались вдаль от "белых рубах", не ожидая второго залпа... Но шрапнель догоняла их и наводила новый ужас... Хор грянул марш, и снова отряд двинулся вперед; цепь шла по бокам, непрерывно отстреливаясь от неприятеля, дымки от выстрелов которого расстилались повсюду. Пули со свистом проносились над головой или же шлепались в песок, подымая пыль...

Цепью командует мой приятель - поручик Самурского полка, гигантского роста, с громадной бородой, с энергической и очень симпатичной физиономией; он стоит, вытянувшись во весь свой рост, и скручивает папироску между загорелыми пальцами и изредка поглядывает вперед, где степь чернеет неприятелем и откуда летят все эти пули, свистящие и жужжащие около него, как шмели...

- Опять ты кланяешься, Васильев! - обращается он к солдату соседнего звена, который, полусогнувшись и боязливо моргая глазами, вынимает из подсумка патрон...

Солдат конфузится и молча заряжает винтовку, вскидывает ее к плечу и, видимо, не целясь, спускает курок...

- Поди сюда, Васильев! - снова обращается к нему поручик. Солдатик подбегает и берет на плечо.

- Ну, как же тебе, братец, не стыдно стрелять зря? Ведь ты не целился, скажи по правде?

- Никак нет, ваше б-дие! - отвечает солдат, которому, видимо, очень жутко быть в огне.

- Ты сколько уже выпустил патронов? Поди, штук сорок или больше, а ведь, наверное, не убил ни одного текинца!

- Не могу знать, ваше б-дие, - отвечает солдат, и действительно видно по его физиономии, что в данный момент он ровно ничего знать не может, так он взволнован этим проклятым свистом вокруг.

- Покажи ружье, - продолжает неумолимый поручик. Солдатик с видимой дрожью в руке передает командиру винтовку.

- Ну, так и есть, прицел не поднят! Ты знаешь ли, дурень, что ты все время стрелял на двести шагов, а до неприятеля добрая тысяча; все твои пули даром пропали, не долетели и текинцы, поди, смеются теперь!

Поручик подымает прицел, устанавливает его на тысячу шагов и, велев хорошенько целиться, а не стрелять на воздух, отсылает солдатика к своему звену.

- Унтер-офицерам осмотреть прицелы в цепи, у всех ли на тысячу шагов! - слышится его команда, заглушающая трескотню выстрелов.

Пойдем дальше по цепи и посмотрим, что делается в авангарде. Там приходится жутко: сильный перекрестный огонь текинцев направлен сюда; взвод орудий непрерывно обстреливает котловину, откуда неприятель более всего поддерживает огонь. Пехотная цепь лежит, чтобы не подвергаться напрасным потерям; вот где-то поблизости затрещала картечница, отчетливо отбивая свое непрерывное та-та-та... Другая тоже ее поддерживает. Молчавшее несколько времени четырехфунтовое дальнобойное орудие бухнуло, как бы говоря: почему же и мне не подать своего голоса.

Со звоном ударилась фальконетная пуля в шину колеса картечницы, отскочила и шлепнула в ногу рядом стоящего матроса Петрова, бравого малого, исполняющего в батарее и во всем отряде обязанности парикмахера, повара, печника, портного и т.д.

Сей уважаемый энциклопедист крякнул и присел...

- Сильно зацепило? - обратился к нему батарейный командир лейтенант Ш-н, сидящий верхом на лошади, которая никак не хочет стоять на месте и поминутно бросается в сторону, пугаясь

свиста пуль, летающих в изобилии. Бравый лейтенант опасается не без основания, что он может во время этого "аврала" слететь со своего подвижного "мостика".

- Крови нет, ваше б-дие! Должно, только одна "конфузил", - отвечает, подымаясь и хромая, матрос. - Да вот и она самая! Ишь проклятая какая здоровая, да смятая! - И он подает лейтенанту полуфунтовую фальконетную, сплюснувшуюся о колесо пулю.

- Ну и кости же у тебе, Петров! - хохочут командор и прислуга картечницы. - Ишь ведь как пуля смялась!

- Черти! Вам смешно! А мне аж всю ногу разломило! Страсть как больно! Хорошо, что она сначала в орудию вдарилась, а как бы прямо по ноге хватила!

Петров, хромая, снова становится к картечнице.

В это время в цель галопом вскакивает Михаил Дмитриевич Скобелев со своей свитой. Рядом с ним начальник артиллерии полковник Вержбицкий семидесятилетний старик, проведший всю свою службу на Кавказе и участвовавший более чем в сорока делах!

Генерал весело поздоровался с моряками и начал осматривать неприятельскую позицию в бинокль. Текинцы направили на него ожесточеннейший огонь. Михаил Дмитриевич не обращал на это никакого внимания и обернулся назад только при звуке пули, ударившейся во что-то мягкое... Трубач начальника артиллерии, молодой солдат, потерял стремена и неуклюже шлепнулся, как мешок, на землю. Маленькая струйка крови окрасила его губы, и он остался неподвижным на песке... пуля пробила сердце. Явились санитары с носилками, подняли его и унесли... Одним человеком стало на свете меньше, и никому не было дела до этой преждевременно, насильственно угасшей жизни, да и возможно ли обращать внимание на всех убитых!..

Может быть, и сжалось болезненно чье-нибудь сердце при мысли, что и его ожидает такая же участь, но это было на мгновение и мысли потом приняли снова другой оборот...

Не буду описывать продолжения боя, так как описание это было бы однообразно. Долго еще гремели орудийные выстрелы, застилая степь облаками дыма; трещали берданки, посылая тысячи пуль в массы текинских наездников, не раз охватывавших подвижною волною наш маленький отрядец и снова отхлынувших, не имея достаточно мужества броситься в шашки... Долго еще лилась кровь, пока отряд дошел до стен Геок-Тепе на такое расстояние, что можно было снять план с этого укрепления, что и было сделано нашими топографами под градом пуль... Самое художественное, правдивое описание не даст вам читатель того ощущения, какое охватывало, опьяняло участников этого

дела. Смешиваясь с громом выстрелов, музыка непрерывно оглашала степь воинственными звуками марша и эта кучка людей в восемьсот человек, окруженная десятками тысяч беспощадных, рассвирепевших врагов, сыпавших пулями, стройно, как на параде, двигалась под знойными лучами солнца, ярко освещавшего эту эпическую борьбу... Только один незабвенный герой - "Белый генерал" - мог своим высоким гением довести назад этих людей через массу неприятеля... Минута смущения, минута нерешимости, и отряд бы погиб... Но смущения не было. Равняясь под музыку, шли солдаты, воодушевленные духом своего геройского вождя, и неприятель расступался перед этой гордой фалангой "белых рубах", грозным молчанием отвечающих на сыпавшиеся пули... Но вот колонна останавливается, развертывает фронт, который сразу окутывается клубами дыма; меткий единодушный залп гремит как один выстрел. Воздух наполняется свистом пуль...

Снова играет хор музыки, снова стройно тянутся ряды "белых рубах", солнце сверкает на штыках, и текинцы с озлоблением начинают сознавать, что выше их сил помешать "уруссу" делать, что он хочет...

Я хочу вам теперь, читатель, рассказать два эпизода, характеризующие покойного Михаила Дмитриевича Скобелева и давшие ему между офицерами и солдатами ореол недосягаемого геройства. Мой рассказ не прибавит к славе покойного генерала ни одного лепестка, я это знаю, так как его имя так уже возвеличено в сердцах русского народа, что сделать его выше невозможно; я хочу только рассказать эти два эпизода, чтобы выяснить причину того нравственного обаяния, которое производил покойный на всех своих подчиненных и которое было его главной силой, ведшей его по пути громких, достославных побед повсюду, где он, этот легендарный наш современник, появлялся во главе русских солдат!

В самом начале дела генерал заметил, что массы текинской кавалерии готовятся сделать на отряд атаку. Зная, что против среднеазиатской кавалерии наилучшее средство ракеты, наводящие своим шумом панический ужас на лошадей, покойный Михаил Дмитриевич приказал отряду остановиться, вызвал на позицию ракетную сотню и велел открыть огонь, сам стоя в интервале между двумя станками, верхом. Казак приложил фитиль... Послышалось шипение... Масса огня и дыма вырвалась из станка, который грузно шлепнулся на землю... Ракета не пошла... Каждую секунду надо было ожидать разрыва гранаты, помещенной в ракете и самого станка... Все окружающие пригнулись и зажмурились... Незабвенный наш герой дал шпоры

лошади, храпевшей и бившейся от страха; она высоко взвилась на дыбы и заупрямилась, новый удар в бока и лошадь одним прыжком очутилась над станком... Грянул оглушительный взрыв... Звеня и свистя разлетелись осколки... Облако дыма скрыло на минуту Михаила Дмитриевича из глаз окружающих, пораженных его поступком...

Черная пелена рассеялась, и он предстал всем нам целым и невредимым, с самым покойным выражением лица... По бокам и брюху его белоснежного коня текли струйки крови из трех или четырех ран... В нескольких шагах по земле катался в предсмертных судорогах казак с пробитой грудью и животом.

Я не берусь описывать чувство энтузиазма, охватившее всех присутствовавших... Загремело ура! Полетели вверх фуражки... Хотелось всем и каждому броситься к этому великому человеку, хотелось расцеловать его, обнять, прикоснуться только хотя к его платью...

Хотелось чем-нибудь выразить свое благоговение, свой восторг! Этим геройским поступком генерал поднял дух окружавших, растерявшихся от этой непредвиденной катастрофы.

Не медля ни минуты, по отданному сотенным командиром приказанию, первый номер второго станка приблизил левой рукой фитиль, сотворив правой крестное знамение... С шипением вылетела ракета и угодила как раз в толпу текинцев, немедленно рассеявшихся. Казак на месте же получил Георгиевский крест.

В этом же деле Михаил Дмитриевич заметил, что Красноводская местная рота, вооруженная винтовками Карле, отличающимися скверным боем и с прицелом всего на 600 шагов, должна была залечь против превосходящего числом неприятеля, вооруженного берданками, отбитыми у нас 28 августа 1879 года. Нравственное состояние бедных красноводцев было далеко не завидное при виде своих пуль, падающих на половине расстояния до неприятеля, в то время как сотни берданковских и фальконетных пуль щелкали и визжали мимо ушей.

Результатом явилась деморализация, выразившаяся в том, что, когда ротный командир, поручик Владимиров, приказал дать сигнал к подъему, чтобы перейти ближе к неприятелю и залечь в более удобном месте, рота не поднялась. Ни приказания, ни убеждения не действовали...

Покойный Михаил Дмитриевич, от орлиного взора которого ничего не ускользало, заметил это замешательство и, не взяв с собой ни одного ординарца, поскакал по сильно обстреливаемой местности к роте. По его команде: "Встать!" - рота поднялась. Выстрелы со стороны текинцев еще более участились при виде этого поднявшегося длинного фронта. Генерал проделал

несколько ружейных приемов, вызвал затем песенников на правый фланг и повел людей лично на несколько сот шагов вперед, под звуки какой-то разухабистой солдатской песни! Куда девался и страх и замешательство! Осыпаемые пулями, прошли, как на учении, люди шагов шестьсот, и, странное дело, с того момента, как подъехал Михаил Дмитриевич, потерь больше не было. Текинцы при виде такого мужества не выдержали и отошли!..

В боевой деятельности покойного героя подобные факты насчитываются сотнями; теперь понятно то чувство боготворения, которое испытывали видевшие его в деле, понятно, почему он был героем народа, не чаявшего в нем души; понятно также, отчего его ненавидели многие, добравшиеся до высоких степеней военной и общественной иерархии при помощи не личной храбрости и талантов, а благодаря происка, хлопотам бабушек, тетушек и поступкам, где приносилось в жертву и самолюбие, и самостоятельность, и совесть...

Покойный Михаил Дмитриевич был вечно для них ненавистным примером того, что можно сделать, обладая качествами, которых не было в их гаденьких душонках! Этот гигант давил их величием своих подвигов и своей души, и не было той грязной клеветы, которую бы не бросали эти господа в покойного героя. Но те, кто знали его, всегда будут чтить память этого преждевременно отнятого смертью у России истинно русского человека и великого полководца! Пройдут тысячи лет, и имя его будет в народных песнях, в народном эпосе занимать то же место, что имена Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Владимира Красного Солнышка! Спи спокойно в своей могиле, обожаемый нами герой! Тебе уже не придется помериться силами с врагом, борьба с которым была твоей заветной мечтой, но твой дух будет жить в груди тех людей, которые под твоим начальством проливали кровь на благо страстно любимой тобою России...

Измученные, запыленные, закопченные порохом, едва движущиеся, добрались наконец солдатики, после 12-часового непрерывного боя, до Эгян-Батыр-Кала. Но физическая усталость искупалась тем радостным настроением, которое ощущает человек после боя, выйдя из него победителем, искупалась сознанием своего честного поведения, своего самопожертвования! Чудные минуты, наслаждение ни с чем не сравнимое!

Остававшийся в Эгян-Батыр-Кала гарнизон приготовил для своих товарищей еще заранее дрова, чтобы не пришлось им заниматься этой утомительной работой.

Весело затрещали костры, на которых варилось кушанье для

проголодавшихся солдат. Некоторые в ожидании обеда чистили винтовки, другие поправляли обувь.

Повсюду велись оживленные разговоры по поводу только что оконченного дела, и имя Михаила Дмитриевича слышалось во всех устах. Часть саперов быстро выравнивала парапеты для орудий на случай ночного нападения. Отряд был расположен между виноградников, за глиняными стенками вышиной футов в пять. В стенках были прорезаны для орудий амбразуры, пехота же могла стрелять через банкет.

Текинцы, таким образом, для нас же создали укрепление, которое и помогло, как увидит дальше читатель, выдержать страшно неравный ночной бой.

Начинало уже смеркаться, когда были закончены работы и генерал пошел их осмотреть с начальником штаба.

- Теперь девятый час, - обратился он к капитану артиллерии Петру Васильевичу Полковникову, - два часа будут текинцы ужинать, два часа совещаться, да около двух часов времени нужно им добраться сюда от Геок-Тепе; так приблизительно в третьем часу ночи сделают они на нас нападение, не забудьте же зарядить орудия на ночь картечью!

Покойный генерал удивительно знал обычаи всех этих "халатников". Он не ошибся и тут!

Наступила темная ночь. Измученные солдаты спали как убитые, в лагере повсюду слышался богатырский храп, бодрствовали только аванпосты, оберегавшие сон товарищей. Все было тихо впереди внимательно всматривавшихся во мрак часовых. Но, обладай они глазами дикой кошки, они увидели бы шагах в четырехстах перед собой и на флангах сотни и тысячи фигур, ползущих бесшумно по земле или едущих верхом на лошадях, копыта которых обернуты войлоком. Фигуры эти лезли в разных направлениях, обхватывая кольцом маленькое укрепление Эгян-Батыр-Кала; скоро все окружающие виноградники были наполнены этими фигурами, которые, как тени, бесшумно прятались в кустах, все ближе и ближе подвигаясь к месту стоянки "белых рубах". Гнев и месть клокотали в их груди при воспоминании о сегодняшних жертвах, которые теперь грудами лежали в Геок-Тепе, окруженные рыдающими женами, матерями и сестрами! Вот ползет старик в изодранном халате, он потерял свою папаху, но не чувствует свежести ночи; голова его горит, рука сжимает ствол тяжелого "мултука", он ненавидит всей силой души своей этих, Аллахом и Магометом проклятых, собак... Сегодня его дитя, его любимец, джигит Ахмет был ссажен с коня разрывом этой проклятой штуки, выдуманной гяурами, которая лопается в воздухе и сыплет

сотнями пуль... Старик видит перед собой это окровавленное лицо, судорожно искривленное, видит это богатырски сложенное тело, передергивающееся в предсмертной агонии, и ненависть душит его... Рука впивается в холодный ствол ружья, и горе той "белой рубахе", на голову которой опустится приклад этого пудового, старинного оружия...

Совсем близко от аванпостов лежит что-то темное, камень, быть может, а то и куча песку, в темноте разобрать мудрено... Нет, это не камень, и не куча песку, это человек, тоже пришедший отомстить "уруссам" за две молодые жизни, безжалостно ими разбитые, - за свою молодую жену и грудного ребенка! Он, как храбрый джигит, одним из первых вышел сегодня утром из крепости встретить непрошеных гостей... Двенадцать часов носился он в вихре пуль и снарядов на своем горячем скакуне... Близко подскакивал он к "белым рубахам" и стрелял из берданки, у них же в прошлом году взятой... Довольный собой, возвращался он в крепость, как вдруг у самого входа встретил его брат и сообщил, что "огненная змея" (ракета) разбила его кибитку и разорвала на части его красавицу жену и грудную дочь... Храбрый джигит и виду не показал, что его сердце облилось кровью и что рыданье остановилось с трудом в груди; только складка легла между бровями да рука с нагайкой опустилась на круп недоумевавшего коня, сделавшего отчаянный скачок... Въехал джигит в крепость и... Аллах! Аллах! - невольно сорвалось с уст его! Повсюду кровь, тела, разбитые кибитки, дымящиеся войлоки, стон и рев раненых верблюдов, визг и вой собак... Там, где еще утром стояла его кибитка, где он оставил свою молодую жену, всего одиннадцать месяцев тому назад украденную им в Асхабаде, этот перл между красавицами оазиса, подарившую ему месяц тому назад славную девочку с быстрыми глазенками, там находит он куски решеток от кибитки, полусгоревшие ковры, громадную лужу крови и разбросанные останки дорогих ему существ... И все это наделал "огненный змей", брошенный сюда "белыми рубахами"... Он оборачивается на восток, губы его что-то шепчут, воспаленные глаза мечут молнии - он дает Аллаху обет в эту же ночь отмстить гяурам! И вот теперь он лежит близко от "белых рубах", и смертельная ненависть заставляет громко, громко стучать его сердце... Горе тебе будет, солдатик, если прозеваешь врага... Образ жены и дочери, убитых твоими, сделали текинца беспощадным, и его шашка одним ударом разрубит тебя до пояса...

И целые сотни и тысячи подобных мстителей подползли к стану "белых рубах"... Но вот один из них не выдержал... Показалось ли ему, что он сквозь мрак ночи различает фигуру

аванпостного часового, долженствующего сделаться первой его жертвой, или же им самим овладело чувство страха при этом безмолвии в давящем окружающем его мраке, только рука судорожно нажала спуск мушкетона... Сверкнуло красноватое пламя выстрела, раскатился по степи отрывистый гул и грохот... Молчавшая до сих пор ночь как бы только этого и дожидалась, чтобы огласиться беспорядочною стрельбою и криками... Тысячи пуль засвистали по всем направлениям!.. Огоньки вспыхивающих выстрелов засверкали повсюду, прорезывая мглу мгновенной вспышкой красного пламени... Мирно спавшие "белые рубахи" вскочили и, схватив винтовки, выстроились за глиняными стенками, в которые все чаще и чаще начинали шлепаться пули... Пронзительный свист конических пуль и басовое жужжанье фальконетных раздавались над головой... Изредка прогремит отрывистый выстрел берданки одного из стрелков, рассыпанных по стенке, которому уже стало невтерпеж быть мишенью и который посылает текинцу ответ на огонь его выстрела... Офицеры удерживают солдат от беспорядочной траты патронов... Вот старый боевой капитан, много раз бывший уже в переделках и похуже, ходит перед фронтом своей роты, кутаясь в бурку и от души проклиная этих непрошеных гостей, помешавших ему выспаться; ему и горя мало, что около шлепаются пули: страшная зевота овладевает им, а не вовремя прерванный сон еще более заставляет чувствовать ночную прохладу!

Недалеко виднеется искорка папиросы - это бравый капитан Полковников покуривает в ожидании того момента, когда его четырехфунтовкам надо будет "прыснуть" картечью.

С какой-то особенной, неестественной развязностью прохаживается молодой гардемарин перед взводом своих картечниц - он в первый раз в деле, и на душе у него скребут кошки. Будь посветлее, можно было бы заметить его бледность, но, к счастью для его самолюбия, мрак скрывает этот признак боязни... Вот он остановился в интервале между орудий, и как раз в этот момент против него сверкнуло несколько огоньков... Он зажмурил глаза... "Прямо в меня", - мелькнуло у него в голове... Теперь "она" уж близко... Неужели! Где-то очень высоко прогудели эти пули, предназначенные, как он думал, для него... Фу, какая гадость! Можно ли так трусить! - злится сам на себя молодой моряк и нервно отходит от стенки... Едва он делает несколько шагов, как в ушах у него раздается болезненный крик... Какой-то казак получил пулю в живот... Как будто чем-то холодным повели по спине у гардемарина... Никогда ему еще не хотелось так жить, как теперь... С ним начинала делаться нервная дрожь... Зубы стучали... В голове носились обрывки мыслей... Убьют или ранят!

Вот еще две свистнуло... Стой я там - и кончено... Нет, буду уж лучше тут... Неужели этот капитан не боится?.. Счастливец!.. Ишь, дьявол, как близко шлепнулась! Убьют, наверное, убьют!.. В сердце или в голову!.. Ох, как страшно... Притвориться раненым? Нельзя, узнают... Проклятые руки не слушаются, так и трясутся, точно в лихорадке. Положить разве портсигар на грудь... Кого-то спасло... Нет, не пойду больше на войну!.. Бедняга, как он кричит... И я так буду...

- Ваше б-дие! Командир вас требуют! - послышался сзади гардемарина голос одного из матросиков.

- Где он? - спросил молодой моряк, стараясь придать своему голосу выражение твердости, что ему, впрочем, плохо удалось.

- А вот тут, сейчас налево. Они с начальником штаба разговаривают.

Гардемарин быстрыми шагами пошел по указанному направлению, поклонясь по дороге раза два свистнувшим мимо пулям.

- Вы останетесь здесь с вашим взводом картечниц, я же иду к ставке генерала со своими двумя орудиями; надеюсь, что в случае чего будете действовать молодцом - такими словами встретил его лейтенант Ш-н.

Эта фраза, произнесенная покойным голосом среди страшной трескотни и свиста пуль, подействовала на необстрелянного юношу успокаивающим образом. Важную роль играло сознание того, что он теперь остается самостоятельным командиром; боязнь исчезла наполовину, в уме мелькнула мысль - едва ли попадут, темно ведь совсем!

- Будьте покойны, Николай Николаевич, распоряжусь как можно лучше, ответил гардемарин уже твердым голосом.

- Главное - не горячитесь, в случае атаки неприятеля подпускайте ближе и тогда уже открывайте непрерывный огонь! Прикрытие у вас надежное, словом, не теряйте бодрости!

Лейтенант пожал руку молодого моряка и исчез в темноте с двумя своими картечницами, лихо подхваченными на лямки бравой прислугой...

Пули сыпались все чаще и чаще... Крики раздавались ближе... В виноградниках засел неприятель, и оттуда летел свинцовый дождь... Жутко становилось "белым рубахам"... Куда ни взглянешь - повсюду мрак прорезывается вспышками выстрелов... Нет, нет и поле горизонта осветится красноватым пламенем, и над головой пронесется точно туча пчел или шмелей... Сначала неприятель стрелял издали, теперь же гром его выстрелов становился все ближе и ближе. Крики: "Алла, Мамет, ур, ур!" - стоном стояли в ушах маленького отряда! Тяжелое сознание своей полной

изолированности от всего остального мира камнем ложилось на грудь! Ближайший пункт, где были наши, - это Бами, в 126 верстах, значит, помощи неоткуда было ждать оставалось пробиться через это кольцо освирепевших врагов!

Со стороны виноградников неприятель подвинулся значительно вперед, меньше сотни шагов было расстояние до этой воющей и ревущей толпы... Отдельные голоса кричали ругательства, угрозы... Солдаты-татары переводили, что они кричат о том, что собак гяуров немного и что они запаслись уже веревками, чтобы перевязать всех... Наступал критический момент... Несколько минут еще - и вся масса этих диких зверей ринулась бы на отряд и задавила бы его своей численностью... Ни храбрость, ни усовершенствованное оружие не помогли бы выдержать эту неравную борьбу одного с тридцатью... Закусив губы до крови, с напряженными мускулами, готовились "белые рубахи" встретить эту массу, которая должна была все задавить, но предварительно узнать тяжелым опытом, что "урусс" продает свою жизнь за дорогую цену...

Покрывая собой трескотню выстрелов и гам текинцев, раздался резкий голос самого "Белого генерала", не терявшего ни в какие минуты своего хладнокровия!

- Ну, ребята, я сам скомандую залпом! Да смотрите у меня, чтобы залп был, как говорится, орех раскусить! Роты - товсь! Роты - пли!..

Единым выстрелом раскатился по степи грохот единодушного залпа!..

В виноградниках послышался страшный треск ломаемых сучьев: будто ураган пронесся в этой чаще... Крики ярости, бешенства, неожиданности, стоны раненых наполнили воздух; слышно было, что враг подался назад... Прежде чем он опомнился, надо увеличить панику... Еще раз сверкнула длинная огненная линия залпа... Снова затрещали кусты и деревья, пронизываемые пулями... Ответом был рев и проклятия текинцев, но тон уже изменился - это не был вызывающий крик врага, собирающегося броситься в рукопашный бой и сознающего свою силу, - нет это был крик ярости массы, признающей свое бессилие...

Засвистела картечь... Топот бегущих слился с шумом перестрелки... Отдельные крики продолжали раздаваться, но в них не было уже ничего способного навести на солдат ужас; кучка "белых рубах" спаслась...

Темнота начинала рассеиваться, на горизонте небо принимало более светлые оттенки; еще недолго, и должен был явиться могущественный союзник "урусса" - дневной свет! Первый

луч солнца - и вся эта масса врагов будет уже не страшна: картечь и огонь берданок будут держать их в почтительном расстоянии...

Текинцы понимали это и хотели сделать еще попытку под прикрытием мрака ночи задушить своей численностью кучку дерзкого врага, забравшегося в недры их привольных степей...

Но пока они собирались с духом и тратили время на обсыпание нас пулями, на востоке явилась розовая полоса утренней зари - предвестницы того, что через несколько минут вся степь будет озарена яркими лучами дневного света.

Как говорится, призраки боятся утреннего пения петухов - так и текинцы испугались зари... Выстрелы стали отдаляться, пули уже проносились в воздухе одиночками, а не массою... Солдатики могли вздохнуть полной грудью... Все чаще и чаще защелкали сухие выстрелы наших винтовок, посылая пули в силуэты неприятеля, сделавшегося заметным и торопившегося уходить... Наконец появился краешек солнца, озаривший зеленые вершины Копет-Дага нежным розовым светом... Тяжелая ночь прошла, и чувство радости охватило всех...

С первыми лучами солнца из лагеря вышла рота саперов устраивать через топкое место мостик. Неприятель рассыпался по всей степи и в особенности сосредоточился под горами...

"Белые рубахи" должны были ожидать хороших проводов, но это их уже не пугало - солнце ярко светило, и впечатления ночи успели уже изгладиться. Изредка со стоном пронесется в воздухе пуля и вызовет шутливое замечание кого-нибудь из солдат... Отдано приказание варить чай, и во многих уже местах подымается к небу голубая струйка дыма... Аванпосты выведены на места и от скуки занимаются постреливанием по чересчур близко подскакивающим наездникам... Вот командир батареи в бинокль заметил толпу пеших под горами, собирающихся в овраге; немедленно заряжено орудие шрапнелью, и утренний воздух потрясается громом пушечного выстрела; на синеве неба далеко, далеко показывается клубочек молочного цвета дыма, и из оврага, как испуганная стая птиц, выскакивают разноцветные халаты и разбегаются по степи, увеличивая собой громадное количество черных точек, рассыпанных на протяжении нескольких верст. Иногда одна из этих точек начинает вдруг приближаться, увеличивается, превращается в всадника, подскакивающего все ближе и ближе; вот видна его черная шапка, длинный мултук, который он держит, уперши в седло. Аванпосты открывают огонь, лихой джигит подскакивает еще ближе; вдруг на полном скаку он прикладывается белый дымок скрывает его на момент, пуля свистит над головами стрелков или шлепает в нескольких шагах перед ними. Вся линия нашей цепи трещит,

взрываемая падающими пулями пыль закрывает всадника; пыль рассеивается ропот удовольствия пробегает по цепи: джигит лежит на песке, а конь его с перебитой ногой старается ускакать от этого рокового для него и хозяина места. Солнце подымалось все выше и выше... Чай уже сварен, солдаты спешат закусить перед походом... Повсюду идет оживленный говор. Славно теперь погрызть сухарь и выпить дымящегося чайку... Не будь изредка слышно ружейных выстрелов да не доносись стоны раненых, которых перевязывает наш бравый эскулап Мин-кевич, никто бы не подумал, что отряд только что выдержал кровопролитное дело и что до сих пор еще он окружен врагами...

В нескольких шагах от кучки пьющих чай матросов лежит только что раненый казак Таманского полка; какая-то, неизвестно откуда взявшаяся пуля хватила беднягу в правый бок и засела внутри. Доктор осматривает его и, должно быть, причиняет сильную боль, так как это атлетически сложенное бронзовое тело вздрагивает и бьется... Бородатое загорелое лицо передергивается судорогами, побледневшие губы шепчут:

- Больно, ой! Ой! Жжет! Смерть моя пришла! Братцы, жжет! Пить! Нутро горит!

Один из матросов подходит с стаканом чая; раненый делает глоток, и крик вырывается у него... Он мотает головой, показывая, что не может больше... Доктор безнадежно покачивает головой и накладывает перевязку на рану - едва заметное черное отверстие, из которого выступила капелька темной крови... Казак тяжело дышал, и губы окрашивались у него розовой пеной... Глаза смотрели из-под полуопущенных век, и в них выражалось и страдание и желание жить... Тяжело, читатель, умирать в светлое свежее солнечное утро... Хотя небесный свод и манит к себе своей чудной, глубокой синевой, но все-таки не хочется переселяться туда навеки... Как ни скверно на земле, а страстное желание жизни проникает все существо и смерть кажется чем-то чудовищным, невозможным, немыслимым в этом общем оживлении природы, обливаемой горячими лучами яркого солнца... Солдаты закусили... Начали навьючивать верблюдов... Текинцы уже более не беспокоили выстрелами, но, собравшись в почтительном отдалении, ожидали выхода отряда с места ночевки... Но вот проскакал один из ординарцев генерала, сообщая начальникам отдельных частей приказание выстроить солдат, так как генерал намерен объехать отряд и поблагодарить его за молодецкое дело этой ночи... В мертвой тишине, растянувшись длинным фронтом, ожидали "белые рубахи" появления своего боготворимого вождя... Вот и он, как всегда блестящий, покойный, выделяющийся из всех своей

мужественной красотой... Далеко пронесся по степи его громкий, звенящий, немного картавящий голос, здоровающийся с солдатами... Загремело по фронту радостное, единодушное: "Здравия желаем ваше пр-ство".

Теплыми, задушевными словами благодарил Михаил Дмитриевич своих молодцов, и этой благодарностью воодушевлял их на новый бой, на новые опасности...

Генерал закончил словами: "Теперь, ребята, помолимся за упокой души наших товарищей, честно исполнивших свой долг, павших за Веру, Царя и Отечество и получивших уже свою награду перед престолом Создателя..."

Священник, в полном облачении, начал служить панихиду... И все эти загорелые, закопченные порохом головы набожно склонились на грудь, принося теплую, полную веры молитву за вечное успокоение душ своих товарищей, которым промысл Божий судил навсегда остаться в этих раскаленных песках вдали от своей родины... Священник окропил святой водой кусок земли, которая должна была принять в свои недра павших героев, тела их осторожно опущены в могилу... и страшный залп потряс воздух... залп, понесший сотни пуль текинцам, недоумевающим, что делает "урусс"...

Последняя почесть была оказана... Музыка заиграла марш, и отряд "белых рубах" стал медленно выходить из того места, которое благодаря гению великого "Белого генерала" не сделалось его могилой!.. Текинцы издали открыли огонь, совершенно безвредный, но сделать нападения не решились... Они расступались перед этой горстью с бешенством и яростью в душе, сознавая свое бессилие... Изредка гремело орудие и дождь шрапнели сыпался на кучку смельчаков, слишком близко подскочивших к отряду... А солнце начинало уже сильно жечь и напоминало о предстоящем тяжелом переходе... Но "белые рубахи" под впечатлением одержанной победы легко и беззаботно шагали, как будто это не их головы и спины подвергались действию жгучих лучей солнца... Музыка играла безостановочно, и отряд все дальше и дальше оставлял за собой белые стены Эгянь-Батыр-Кала... Скоро они совершенно исчезли в море желтого песка, но не исчезло из памяти людей, проведших эту ночь в Эгян-Батыр-Кала, воспоминание о пережитом и перечувствованном за время боя семисот с двадцатью тысячами... И когда нахлынут воспоминания, из них самое яркое личность покойного героя, богатыря Михаила Дмитриевича Скобелева, который только один мог вывести и спасти этот отряд; будь же на его месте один из генеральчиков, считающих себя гениями и бросающих грязью в покойного, отряд бы погиб... Впрочем,

незачем этого и доказывать - 28 августа 1879 года достаточно показало, что могут сделать наши высокопоставленные, титулованные полководцы, мнящие себя гениями... Однако довольно; не надо, чтобы желчь подымалась; воспоминание о деле 6 июля слишком хорошо, чтобы его портить приведением себе на память фактов трусости и бесчестия... Sapienti sat.

7. Осада и штурм Геок-Тепе

Однажды в Петербурге попал я на вечер "с генералами" - не с щедринскими действительными статскими советниками, нет, с настоящими генералами - с лампасами и со всеми прочими принадлежностями... Со скромностью, пропорциональной моему маленькому чину, уселся я в угол и весь обратился в слух... Были тут генералы боевые и мирные, были генералы большие и маленькие (насколько генерал может быть вообще маленьким), были почти что Суворовы и были только что оперяющиеся полководцы; были генералы едва-едва цедящие слова сквозь зубы и были говорящие плавно, мерно, торжественно целые тирады в два или три столбца мелкой газетной печати, с блаженством прислушивающиеся к журчанию собственной речи, так и просящейся в хрестоматию образцов русской словесности... О, зачем я не стенограф!..

В воздухе скрещивались гармоничные - "ваше превосходительство!", повторяемые на разные тоны, порой слышалось и "excellence!". Словом, все до того было проникнуто "превосходительным духом", что я, совсем маленький человек, вдруг вообразил, что обладаю уже необходимой частью туалета - с лампасами...

Когда в разговоре вся Европа была покорена присутствовавшими полководцами, причем на долю каждого досталось по крайней мере по одному сражению, а иным и по нескольку (в зависимости от чина) - виноват, впрочем, один старый, почтенный полководец не одержал ни одной победы, так как все время мирно всхрапывал в укромном уголке, тогда дело дошло и до Азии! Не успел я мигнуть, как "их превосходительства" уже делили Китай; через минуту один молодой "генерального штаба" генерал (в Германии такие юнцы не всегда и ротой командуют) занес уже ногу, чтобы перешагнуть Гималаи и собирался провозгласить себя покорителем Ост-Индии, как вдруг кому-то пришла неудачная мысль вспомнить о Михаиле Дмитриевиче Скобелеве и о только что окончившейся Ахалтекинской экспедиции! Мой Создатель, как все встрепенулись! Через пять минут я, прошедший весь оазис, бывший во всех делах, знающий мельчайшие обстоятельства приготовления к экспедиции и ее исполнения, получил такие

сведения из уст собравшегося генералитета, что окончательно обомлел; я не мог себе уяснить, нахожусь ли я в обществе русских, которые, как мне кажется, должны радоваться всякому успеху родного оружия, или же я попал в общество ненавидящих нас немцев или венгерцев, злорадно отрицающих все, чем может гордиться Россия. Я с необычным удивлением узнал, что текинцы самый покойный и мирный народ, что отряд пребывал все время не в пустыне, а в настоящем Эдеме, что вода там лучше нашей невской, что если бы мы захотели, то взяли бы Геок-Тепе без выстрела, что потери наши людьми, а равно отбитие у нас знамени и двух орудий было устроено с намерением, чтобы показать небывалую силу неприятеля, что... впрочем, зачем передавать читателю все измышления, которые может породить мелкая злоба и зависть. Перлом всей беседы был вопрос, предложенный одним из присутствующих, будущих Суворовых и Наполеонов:

- Э... что текинцы... Э... вооружены огнестрельным оружием?

К чести остальной почтенной ассамблеи должен заявить, что ответ последовал утвердительный, хотя немедленно же было дано ложное сведение, что большинство ружей - фитильные. Пишущий эти строки имел груды текинского оружия, но ни одного фитильного мултука.

Чем окончилась беседа, не знаю; во избежание разлития желчи я незаметно исчез... Последние, донесшиеся до меня слова были: "Фи! Какие-то халатники... Вдруг салют, выход во дворце!.. Чересчур!.."

Злость меня душила... Душила до того, что если бы я, повинуясь первому впечатлению, вернулся назад и захотел бы высказать этой публике истину о ее суждениях, то не мог бы вымолвить ни слова... Да оно и лучше, что не вернулся!

Читатель, наверное, подумает обо мне: какой неблаговоспитанный молодой человек! Осмеливается так критиковать старших, заслуженных уже людей!

Сознаю свою вину, но заслуживаю снисхождения... Когда эти строки выливаются из-под моего пера, перед моими глазами портрет покойного героя "Белого генерала"...

Не отнесись я так строго к его врагам и завистникам, людям, не годившимся быть в его войсках даже субалтерн-офицерами, - мне бы постоянно чудилось, что эти холодные, обыкновенно бесстрастные глаза моего боготворимого генерала смотрят на меня с немым упреком, обвиняя меня в измене его памяти...

Итак, в тот памятный вечер компетентные судьи наши порешили, что вся наша экспедиция не стоила и гроша медного, что чествование в Петербурге взятия Геок-Тепе было вовсе

неуместно, что об этой экспедиции кричали больше, чем следует, и т. д. Пусть будет, по мнению наших доморощенных Наполеонов, это и верно, я же, со своей стороны, нарисую читателю исторически верную картину двадцатитрехдневной осады и штурма "глиняной крепости безоружных халатников"! Авось читатель найдет, что это действительно прибавляет новый лепесток к лавровому венку покойного героя, да и сподвижникам его служит к чести, а не к позору.

Насколько может обнять взор на север, запад и восток - желтая, песчаная равнина... На юг - длинная линия гор, вершины которых посеребрены снегом...

На этой равнине, верстах в пяти от подошвы гор, временами показывается между облаками дыма какой-то длинный неправильный четырехугольник из белых глиняных стен... Близко от него, едва приметны для глаз, тянутся по поверхности земли линии насыпей, по которым непрерывно перебегают дымки... Во многих местах подымаются большие клубы молочного цвета дыма, слышатся глухие раскаты, заставляющие содрогаться землю... Это и есть Геок-Тепе...

Издали нет ничего страшного, думается наблюдателю, воображение которого настроено рассказами в ближайшем от Геок-Тепе пункте Эгян-Батыр-Кала, лежащем в двенадцати верстах. Посмотрим поближе.

Вот, как раз идет транспорт под прикрытием роты и полусотни казаков, присоединимся к нему и отправимся в лагерь, а оттуда - в траншеи...

Грязно... Утром шел снег, а теперь градусов 25 жары и от снега нет и следов, только глинистая почва размокла и на ногах бедных пехотных солдат по пуду глины... Ничего, скоро дойдем, если только на дороге не прихлопнут... Вы с недоверием смотрите? Да, могут и прихлопнуть и даже очень близко отсюда; видите этот мост через арык? Шагах в трехстах отсюда? Ну-с, так вот у самого этого моста нас поподчуют текинцы ядром, и хорошо направленным, за это ручаюсь, так как уже пять раз имел удовольствие слышать его гудение перед самым носом! Вы сдерживаете коня? Не бойтесь, авось и мимо...

Ох, близко проклятый мост!.. Пустили подлецы! Вижу дым орудийного выстрела на стене... Вот оно... Вж-жи... Шлеп... Близко... Что это? Забрызгало глиной физиономию? Ничего, утритесь рукавом, здесь дам нет.

Что - неприятное ощущение? Будет и хуже... Еще минут 15 ходу, и пульки начнут посвистывать... Они хуже, потому что их больше, да и визжат уж очень несимпатично, чересчур дискантом, так и кажется, что нервная барышня взвизгнула над ухом...

А смерть витает очень близко от нас, видите впереди двое солдатиков несут носилки - вероятно, или убитый, или тяжело раненный; легко раненные обыкновенно сами добираются до перевязочного пункта. Интересно их догнать и спросить: наши здесь уже владения, можно безопасно отделиться от колонны, не рискуя попасть в лапы текинцев?

- Кого, ребята, несете?

- Солдатика, ваше благородие, сейчас убило, так в лагерь его несем.

- Где убило, в траншее?

- Никак нет, вот тутотко - близко! Он из лизервных был, помогал, значит, ротному кашевару, и только он это, нагнувшись, подложить хотел полено, как ему вдарит пуля в эфто самое место, - рассказывающий указал себе на темя, - так он, значит, сейчас и помер.

- Ну, бери на себя больше, - обратился он к товарищу, и они оба снова пошли тяжелою походкою вперед, и убитый снова начал раскачиваться с носилками. В его фигуре не было ничего страшного: побледневшее лицо сохранило самое покойное выражение, полуоткрытые глаза не выражали ровно ничего - видно было, что человек кончил жизнь самым неожиданным образом и что этот сюрприз не произвел на него дурного впечатления - так был быстр переход от жизни к смерти... Завидная участь в сравнении с теми, которым приходится отправляться к праотцам с постели... Постно-торжественные физиономии окружающих, стереотипные утешения, что еще смерть далека, когда сам умирающий уже чувствует ее ледяное дыхание, пичкание разными произведениями латинской кухни, только увеличивающими агонию, обязательные фразы напутствия, что, дескать, "там" лучше, когда, может быть, сам субъект, "туда" отправляющийся, находит, что здесь, на земле, гораздо лучше... Все это очень неприятно и злит страшно. Нет, что может быть лучше смерти мгновенной, неожиданной! Я молю судьбу послать мне кончину в бою или за зеленым полем - когда объявлю большой шлем на бескозырях и буду брать последнюю взятку - тогда пусть кончится мое земное поприще! Блаженная кончина!

Вот и лагерь наконец. Масса кибиток, большинство врыто фута на четыре в землю и снаружи обложено мешками с землею, чтобы обезопасить их обитателей от пуль, щедро направленных сюда текинцами. Особенно много их сыплется около наметов (больших палаток) Красного Креста; дня не проходит, чтобы не убили или не ранили кого-нибудь из лазаретной прислуги или из числа же раненых и больных. Обидная вещь! Является легко

раненный с простреленной рукой или ногой, вдруг через несколько времени влетает неожиданная гостья и... хлоп! В грудь или в бок! Понятно, приходится умирать...

Один бедняк фельдшер получил пулю в бедро в госпитале во время перевязки раненого; волей-неволей пришлось лечь вместе с пациентами; на другой день бердановская пуля пробила ему навылет легкое, фельдшер и тут крепится - не умирает, да и только; наконец, под вечер третьего дня, ему перебило шейные позвонки, тогда только этот здоровяк порешил, что этого для одного человека слишком уже много, и скончался...

Николай Николаевич Яблочков, инженер строительной части, был ранен утром 30 декабря в грудь, а 2 или 3 января получил в лазарете другую пулю в руку. Доктор Малиновский во время консилиума или какого-то заседания медицинского персонала в лагере был ранен в бок...

За лазаретом тянется довольно длинная линия кибиток армян-торгашей. Торговля идет оживленно. "Хоть накануне смерти поем да выпью чего-нибудь", - думают воины, забежавшие на минуточку из траншеи в "магазин" какого-нибудь Карапетки. Карапетка же думает: "Авось не убьют, так с капиталом вернусь в Тифлис или Нахичевань" - и дерет страшно, непозволительно дерет! Как покажется, читатель, заплатить за бутылку пива пять рублей серебром? Действительно, ведь это только, когда смерть на носу, можно смотреть на деньги как на лоскутки какой-то бумаги, не имеющей значения! А смерть тут как тут, в этой самой лавчонке, где теперь сидят трое офицеров и пьют какую-то бурду, именуемую кахетинским вином, но ни цветом, ни запахом, ни вкусом непохожую на это божественное произведение зеленых виноградников лучшей части Кавказа! А ведь каждый стакан этой смеси уксуса с ваксой стоит два рубля серебром самое меньшее. Довольно этим беднягам иллюзии, что они пьют вино и им подкрепляют свои силы, довольно и этого после пяти бессонных ночей, проведенных под пулями в траншеях, в липкой грязи, под дождем, среди томительного ожидания вылазки и резни!

Карапет сделал из своей кибитки нечто вроде каземата броненосца кажется, ни одна пуля не пробьет уложенных до самого верха мешками стен его лавочки. Много их шлепает в верх кибитки, да те не опасны - никого не заденут, разве шальная, пущенная под углом в шестьдесят градусов к горизонту, ухитрится упасть в средину кибитки, отстоящей от неприятеля на 600-700 шагов, словом, покоен Карапет, покойны его гости...

Вдруг с дребезжащим звоном слетает с полки почти пустая жестяная коробка английских печений, падает стоящая на ней бочка с сельдями, падает и сам Карапет к ногам удивленных

офицеров, только что собравшихся еще потребовать бутылку дорогостоящей смеси! Бедняга катается в судорогах по полу кибитки, ударяясь головой и ногами о бочонки, заменяющие стулья...

Кровь заливает его черкеску; пуля как раз угодила на вершок выше его кожаного, усаженного металлическими пуговицами кушака... Офицеры хотят его поднять - он отмахивается руками и страшно стонет, умоляя оставить его в покое... Лучшее украшение его армянской физиономии - полутораршинный нос побледнел. Близка твоя смерть, Карапет! Вот тебе и деньги твои! Так себе и пропадут все эти кипы засаленных бумажек, спрятанные тобой так тщательно в землю под мешком с сушеным инжиром! Хорошо, если кто-нибудь из твоих сородичей знает твой секрет и хоть десятую долю их доставит твоей семье, а то ведь пропадут все плоды твоего обмана и мошенничества.

Один из офицеров кладет около хрипящего армянина десятирублевые бумажки - плату за выпитое вино, и все трое выходят из кибитки. Группа солдат сидит за мешками в нескольких шагах от кибитки; солдатики провели несколько дней в траншеях и теперь отдыхают, если можно назвать отдыхом сидение в грязи под свистящими пулями... Один наигрывает на гармонике...

- Ребята, тут вот в кибитке ранило маркитанта, снесите его в Красный Крест, - обращается один из офицеров к солдатикам...

Через минуту глухо стонущий Карапетка уже покачивается на руках четверых солдат, а его товарищи маркитанты наводнили кибитку...

Пропал Карапет, пропал его товар...

Сегодня убили его, завтра кого-нибудь другого - пройдет 5-6 дней, и ни одна душа уже не будет помнить, что такой-то существовал когда-то, у каждого слишком много забот о целости и сохранности собственной шкуры...

Вот кибитка артиллеристов 4-й батареи 20-й бригады, заглянуть разве туда?

Предварительно надо согнуться в три погибели: черное отверстие, именуемое дверью, будто сделано только для входа кошек, а не для людей, даже небольшого роста. В довершение неудобства вход закрыт кошмой. После нескольких попыток ваш покорнейший слуга пролезает в кибитку.

- А, моряк, здорово! Откуда Бог принес? - слышится из разных углов.

Народонаселение кибитки очень густое; здесь собрались почти все офицеры 4-й батареи. Представлять их вам, читатель, всех затруднительно, познакомлю вас только с лихим

командиром этой батареи - капитаном Полковниковым, который за экспедицию, благодаря своей храбрости и разумному командованию своею частью, получил чин подполковника в 27 лет, Георгиевский крест и золотую саблю. Он - любимец фортуны, пули его не трогают, имеет большой успех у женщин и удивительно счастливо играет в карты - два последних обстоятельства обыкновенно, судя по пословице, не совпадают, но Петр Васильевич в этом случае редкое исключение.

- Ты из траншей к нам забрел? - обращается он к вновь пришедшему моряку.

- Нет, только что вернулся из Самурского (так названо было укрепление Эгян-Батыр-Кала в 12 верстах от Геок-Тепе). - Надо было забрать пожитки людей и посмотреть, что поделывают там наши, оставленные с одним орудием. А что, господа, водки и легкого пыжа у вас не найдется?

- Как не найтись, есть понятно! Эй, Иван! Дай господину моряку водки и пыж, какой найдется!

Для мирного читателя наша, выработанная походом терминология может быть не совсем понятна. Пыжом называется всякая закуска, ибо, как заряд пороха отделяется от пули пыжом, так, обыкновенно, и одна рюмка отделяется от другой куском чего бы то ни было - в крайнем случае сухарем.

Через минуту гардемарин зарядил себя стаканчиком живительной влаги и крепко прибивал этот стаканчик пыжом из сардинок и колбасы.

- Ну, что хорошего видел в Смурском? - спросил Петр Васильевич, видя что моряк прибил уже как следует заряд и принялся крутить папиросу.

- Да ничего интересного! Скучают там бедняки, сильно рвутся сюда, завидуют нам!

- Ну, завидовать-то нечему, - заметил молодой, высокого роста красивый поручик Сущинский, подымаясь с постели и потягиваясь; он направился к столу, где стояла еще бутылка водки и коробка сардинок. Едва он сделал шаг, как все сидевшие в кибитке вздрогнули: что-то сильно шлепнулось в верхний переплет, облако пыли и осколков дерева разлетелось повсюду, и большая, полуфунтовая фальконетная пуля упала к ногам поручика...

- Ну, они подлецы, решительно замышляют меня отправить на тот свет, проговорил поручик, наклоняясь и подымая эту безобразную, призматическую, сильно сплюснувшуюся пулю. - Нынешнюю ночь всадили мне пулю в пальто, которое я свернул и подложил под голову, сегодня же чуть не залепили в голову...

- Да она бы не убила тебя, - сказал совсем молоденький

прапорщик, взяв пулю и рассматривая ее.

- Покорно благодарю, если бы щелкнула в голову... Ведь, если даже прямо упала с этой высоты, и то сильно ушибла бы, а то ведь, кроме того, сила еще сохранилась... Нет, это, пожалуй, рана была бы изрядная...

- Зато первого разряда, в голову, - сказал моряк, выпуская клуб табачного дыма ртом и носом.

- Вчера был интересный случай, - заметил, подымая глаза от книги, которую прилежно читал, один из офицеров 19-й бригады, - прохожу я около траншеи перед лагерем, а там выстроена рота, назначенная на ночь на смену туркестанцам в Великокняжескую Калу. Фельдфебель, такой бравый из себя, с двумя крестами, делал расчет людям. Дошел уже почти до средины фронта, солдаты откликаются: первый, второй, первый, второй - вдруг откуда-то шальная пуля хлопнула прямо в переносье одного во фронте уж из числа рассчитанных, и не пикнул - слетел с ног! Фельдфебель сплюнул, выругался и говорит: "Ишь проклятая, только расчет испортила!" - Я его готов был за такое хладнокровие расцеловать...

- Действительно, молодчина, - согласились все.

- Ну, однако, засиживаться-то у вас не приходится, - заметил моряк, подымаясь и подтягивая кушак с висевшей на нем кобурой, откуда торчало ложе револьвера.

- Ты куда? - обратился к нему Петр Васильевич.

- Да к себе, в Охотничью.

- Что, поди, у вас там посвистывает?

- Изрядно-таки, пристрелялись, подлецы, здорово! Да и близко ведь всего восемьдесят шагов. Приходится на ночь бойницы в стене затыкать стреляют на огонь, который просвечивает. На башне уж трех моих стрелков уложили - в глаз каждого... Как только выставишь дуло винтовки, так и начинают пули щелкать около бойницы; сам замечаешь, как они ложатся все ближе и ближе, каждый раз ожидаешь, что влепят тебе в зрачок прямо... Но все-таки у вас в лагере хуже, там по крайней мере на ночь уляжешься себе под стеной, ближайшей к неприятелю, и дрыхни сколько угодно...

- Сегодня утром жаловался Гештель, что наши осколки от бомб падают к вам, - сказал поручик, чуть было не получивший в голову текинского презента.

- Это верно, - подтвердил гардемарин. - Как только увидишь вечером над головой букет этих свистящих и светящихся шариков, так и ожидаешь, что посыпятся осколки в Калу... Неприятно они жужжат, пули куда лучше... Однако, господа, пора мне и к себе. - И моряк крепко пожал протянутые ему руки.

Быстрым шагом прошел он открытое место до кибиток апшеронцев. Но как ни быстро шел молодой моряк, а все-таки около него свистнуло две пули и одна шлепнулась в двух шагах перед ним.

- Ишь подлецы, это ведь для меня специально предназначались, пробормотал сквозь зубы гардемарин и поторопился завернуть за ряд кибиток, ибо молодой моряк не чувствовал никакого желания быть убитым так себе, ни за что ни про что.

- Пойти разве переодеться, - пришла ему в голову мысль, и он повернул налево, к тому месту, где виднелись три отдельно стоявшие кибитки. Еще не доходя шагов сорок, он крикнул во всю мочь:

- Абабков!

Из одной кибитки высунулась голова матроса; увидя гардемарина, обладатель головы показался весь и немедленно перебежал в другую кибитку, в которую вошел и молодой моряк.

- Здорово, Абабков! - поздоровался он с матросом, на физиономии которого выражалось искреннее удовольствие видеть своего барина целым и здоровым.

- Здравия желаю, ваше благородие, - ответил Абабков и прибавил: - а нам сказали, что вы, ваше благородие, будто уж ранены были ночью...

- Наврали, брат Абабков, целехонек, как видишь. Текинцы-дураки еще не отлили для меня пули... А вот дай-ка мне переодеться да расскажи, что тут у вас делается.

- Вы как, ваше благородие, скрозь будете переодеваться?

Вероятно, выражение "скрозь" было уже знакомо молодому моряку, так как он с улыбкой отвечал:

- Да, скрозь переоденусь.

Абабков вытащил из переметных сумм разное белье и начал его приготовлять к переодеванию своего барина. Пока он этим занимается, я отрекомендую его читателям.

Николай Абабков - матрос 1-й статьи одного из кронштадтских экипажей. Он уже старослуживый - кончает десятый год своей службы. Бравый матрос, при этом не дурак и выпить. Отношения его к гардемарину чисто отеческие: проиграется, например, молодой моряк в штосе - Абабков делает ему внушение; вернется ли с товарищеской попойки, переливши за галстук не в меру, - тот же Абабков пристыдит его на другой день. Пользуясь нетрезвым состоянием своего барина, этот образец слуг отбирает деньги, и часть их немедленно идет на пополнение истаскавшегося в походе костюма, и гардемарин к своему изумлению и удовольствию через несколько времени

находит новую блузу, заменившую его прежний китель, представлявший уже из себя одну большую дыру, неподдававшуюся больше никакой починке. За эту заботливость Абабков считает себя вправе курить господские папиросы и, в торжественных случаях, надевать галстуки и сорочки своего барина. В праздник Абабков является с неизменным вопросом:

- Ваше благородие, позвольте идти гулять?

- Ты напьешься сегодня, Абабков? - спрашивает его молодой моряк.

- Точно так, ваше благородие, напьюсь, коли только я вам не нужен.

- А деньги есть?

- Коли дадите, ваше благородие, все лучше, потому водка эта самая два с полтиной бутылочка.

- Ну, возьми себе. - И Абабков получает какую-нибудь бумажку в зависимости от состояния финансов гардемарина.

К вечеру Абабкова приносят в истерзанном виде и в состоянии невменяемости; он начинает бушевать.

- Абабков успокойся, не то будешь связан, - слышится из кибитки голос строгого командира - лейтенанта Ш-на. Абабков успокаивается, но усиленно ворчит.

Проходит несколько минут, и снова слышится в матросской кибитке шум, драка и возня.

- Дежурный по батарее! - кричит лейтенант.

- Есть!

- Связать Абабкова, а будет ругаться - заткнуть рот!

- Есть!

Наступает тишина - Николай Абабков уснул.

Утром он является с пасмурной физиономией, иногда даже украшенной парой знаков, известных почему-то в общежитии под названием фонарей, хотя знаки сии вовсе не освещают физиономии, а скорее придают ей мрачный вид.

- Нагулялся, Абабков? - спрашивает гардемарин, ежась под буркой и не решаясь подняться с пригретой постели. Абабков молчит.

- И не стыдно тебе, старому матросу, так напиваться, что тебя связывают?

- А вам, ваше благородие, не стыдно позавчера было, когда вас принесли благородие, Господин лейтенант, на плечах, да еще вам уши оттирали, потому вы как мертвый были?

Начинаются взаимные укоры.

Кончается тем, что Абабков получает на опохмеление некоторую сумму, а сожители гардемарина долго еще хохочут над сценой взаимных упреков.

Этот-то Абабков и собирался теперь переодевать своего барина, действительно сильно нуждавшегося в смене белья, так как, заранее прошу извинения у моих читательниц, все белье обратилось в зоологический сад...

- А что, брат, - обратился гардемарин к своему Санчо Пансе, - не найдется ли воды помыться, не очень горячей, а так - потеплее?

- Никак нет, ваше благородие! Коли угодно вам холодной, сейчас принесу.

- Ну, валяй холодной.

Через минуту молодой моряк, фыркая и ежась, обливался ледяной водой в кибитке. Подобные вещи сходят даром для здоровья только в походе; попробуйте выкинуть такой фокус в обыденной жизни и, наверное, получите тиф или воспаление легких или что-нибудь в этом духе, и получите, пожалуй, даже от силы воображения, что я, мол, простудился. Под выстрелами же неприятеля, жертвами которых на ваших глазах становятся сотни ваших товарищей, вам уж никак не взбредет в голову мысль, что вы можете отправиться к праотцам от другой причины, а не от одной из этих свистящих мимо пуль. Скажи кто-нибудь гардемарину, что он рискует протянуть ноги от этого мытья холодной водой, он расхохотался бы и заявил, что это невозможно. Да и смешно, действительно, бояться простуды в том месте, где пули сыпятся и щелкают о землю градом...

- Вчера у нас, ваше благородие, Тарсукова ранили, - заявил Абабков, старательно вытирая своего барина какой-то тряпкой, некогда бывшею, кажется, чайным полотенцем или салфеткой.

- Опасно? - спросил гардемарин, стараясь расчесать кусочком гребешка волосы, свалявшиеся на голове чуть ли не в колтун.

- Нет, так себе, в ногу наскрозь! Он ставил самовар и только это вышел пощипать лучину, а она его как зыкнет... Спужался, бедный, сильно.

- А что, Абабков, хочется в Кронштадт?

- Известное дело, ваше благородие, хочется! Здесь-то есть настоящая Азия - ничего нет, окромя этих черномазых... Да и дорого все до страсти; виданное ли дело, чтобы бутылка водки четыре рубля стоила. Скажешь землякам, так вить рассмеются все, не поверят! Да и донимают уж очень, ваше благородие, эти самые трухмены - и ночью палят и днем палят - ни минуты, значит, не дадут спокойствия.

- А ты очень боишься, Абабков? - спросил гардемарин, оканчивая свой туалет.

- Как же не бояться, ваше благородие? Разве кому приятно свою жисть окончить, да и еще в чужой стороне?

- А знаешь пословицу: пуля виноватого найдет? - спросил гардемарин, собираясь выходить из кибитки.

- Знаю, ваше благородие, да знаю и другую: береженого Бог бережет; вы не очень высовывайтесь, ваше благородие, оно вернее...

- Стыдно, Абабков, старый матрос и говоришь такие вещи! А еще в претензии, что тебе Георгия не дают! Я ведь видел, как ты высунул голову из кибитки и не хотел выходить, пока не увидел, что я тебя зову! Ну, прощай, Абабков, да смотри не трусь у меня...

- Счастливо оставаться, ваше благородие, - последовал ответ, и Абабков стрелой перелетел в свою кибитку, опасаясь представить собой мишень для текинцев...

Вечерело. Косые лучи заходящего солнца отливали пурпуром на белых стенах Геок-Тепе, на которых уже реже начинали вспыхивать дымки выстрелов; из траншей тоже как-то ленивее начинали стрелять - обе стороны хотели отдохнуть. Но все-таки нет-нет и пуля с пронзительным свистом пролетит над лагерем или вопьется в какой-нибудь мешок с глухим шлепаньем...

Гардемарин направился по траншее к Великокняжеской Кале. Задумчиво шагал он по узкому пути; по дороге попадались траверсы, которые он обходил совершенно машинально, - мысли его были совсем не в Ахал-Теке, не в этих траншеях, начинавших уже окутываться сумраком вечера... Витал ли он мыслью в море, вспоминая разные эпизоды бурного плавания, или голова его была занята приведением на память прошлого, для него дорогого, - не знаю, знаю только, что он очнулся и пришел в себя, столкнувшись носом к носу с первыми людьми какой-то роты, возвращавшейся на отдых в лагерь. Прижавшись насколько мог к брустверу, всматривался молодой моряк в лица двигавшихся мимо солдат. Видно было, что люди утомлены, что нервы напряжены до крайности; с какой-то суровою молчаливостью проходили они мимо, звякая штыками винтовок, часто

цеплявшихся в этой тесноте друг за друга.

Осунувшиеся, потемневшие, закопченные лица мелькали в глазах гардемарина... Казалось, каждое лицо выражало желание или скорее покончить эту тяжелую осаду, или присоединиться к тем многим сотням товарищей, которые уже успокоились под покровом этой желтой необъятной степи...

Рота прошла, и моряк поторопился добраться до входа в Великокняжескую Калу.

Едва держащиеся, все простреленные стены окружали четырехугольник, переполненный солдатами всякого рода оружия. Во многих местах были костры. Вправо от входа шла небольшая стенка, с проделанными в ней амбразурами для двух картечниц и двух горных орудий. Неподалеку стоял верх от желомейки, человек пять матросов лежали около картечниц. К ним-то и направился гардемарин, выйдя из траншеи, ведшей в эту Калу.

- Где господин Голиков? - обратился он к одному из матросов, обтиравшему патроны, приготовленные на ночь.

- Здесь, ваше благородие, под верхом, - отвечал матросик, указывая на верх желомейки, из отверстия которой действительно торчали чьи-то ноги, как теперь заметил гардемарин.

- Сейчас вылезу, подожди, - послышался замогильный голос. Ноги пришли в движение и начали понемногу показываться из этого своеобразного жилища; показалось туловище, облеченное в какую-то куртку шоколадного цвета с обрывками мичманских погон на плечах, наконец явился на свет Божий и затылок с надвинутой фуражкой. Фигура стала на четвереньки, поднялась и сделала пируэт.

- Вот и я собственной персоной, дрожайший камарад, - приветствовала эта особа, выползшая из своего жилища ракообразным способом.

- Пришел вас проведать, - сказал гардемарин, обменявшись крепким рукопожатием со своим товарищем по оружию.

- Ничего, живем еще, пока не убили... Не хотите ли рюмочку божественного напитка? А? С холоду не мешает ведь? - И, не дожидаясь ответа, Евгений Николаевич Голиков нырнул под верх и явился с бутылкой "божественного напитка".

- Стаканчика-то нет, еще сегодня был, да какой-то милый армеец, с ловкостью молодого гиппопотама, танцующего в посудном магазине, раздавил его своим седалищем... Ну, да не беда, душа меру знает, можно и из горлышка. Я как хозяин покажу вам пример. - К словам присоединилось действие, и послышалось довольно продолжительное бульканье...

- Валяйте... Преполезно, я вам скажу, от всех болезней

помогает... Вот вам и сухарь на закуску. Теперь вы рассказывайте, где были, что делали, куда направляетесь.

Гардемарин сообщил вкратце о своих приключениях. От внимательного взгляда Евгения Николаевича не скрылось, что его молодой товарищ чем-то озабочен.

- Что, батенька, с вами? - спросил он, похлопывая своей широкой ладонью по плечу товарища.

- Глупая хандра какая-то напала, сам не знаю с чего... Устал я от этой жизни... Каждый день резня, резня... Каждую секунду нервы в страшном напряжении... Ежеминутное ожидание смерти - все это доведет до апатии, до хандры...

- Вот те на! От вас ли я это слышу, гард? Вчера или третьего дня еще целых пять часов сам же сидел под бруствером без обеда, чтобы подстрелить пару-другую текинцев, а сегодня пустился в миндальничание! Плюньте вы на свои нервы и будьте мужчиной. Ну, убьют - опять же наплевать! Взгляните на меня - всегда я весел бесконечно...

- Пойду завалюсь-ка я спать, - порешил гардемарин и, простившись с Голиковым, направился по стенке в свою Калу.

Совсем стемнело. На темном небе зажигались мириады звезд, но их матовый блеск не мог рассеять мрака южного вечера... Приходилось идти очень осторожно, чтобы не споткнуться о глыбы глины, валявшиеся повсюду. Моряк шел от костра к костру, руководясь их мерцающим и неровно вспыхивающим пламенем как светом маяка. Вот он дошел до кибитки Алексея Николаевича Куропаткина, начальника Туркестанского отряда. При свете свечи, вставленной в бутылку, этот талантливый, всеми любимый молодой начальник рассматривал какие-то кроки и вместе с тем писал записки с приказаниями, переходившие сейчас же в руки двух его адъютантов.

Отдельные выстрелы за все это время не умолкали; гул их становился резче и резче по мере приближения гардемарина к траншее, соединяющей Охотничью Калу с Великокняжескою. Вот, наконец, и стена с выходом и траверс, устроенный на месте, где текинцы положили своими выстрелами немало-таки народу, в том числе и подполковника Николая Николаевича Яблочкова. Удушливый пороховой запах так и ударял в нос; в пространстве, окруженном стенами близлежащих укреплений, выстрелы особенно резко отдавались. Вдоль всей линии бруствера темнели силуэты наших стрелков; солдатики тихо переговаривались между собой.

Совсем близко виднелась вправо белая линия стен Геок-Тепе, нет-нет да и вспыхнет несколько огоньков поверх этой линии, раздастся в воздухе над головой свист или шуршанье пули и

одновременный треск нескольких ответных выстрелов из траншеи...

- Кто это? - раздалось над ухом гардемарина, уже подходившего к концу траншеи - к мостику через Великокняжеский ручей, отделяющий Калу этого имени от Охотничьей.

- А, да это моряк, - послышалось затем, и от бруствера отделился силуэт командира роты Ширванского полка Лемкуля.

- Здравствуйте, поручик, - поздоровался моряк. - Вам эту ночь не спать?

- До спанья ли тут! Сейчас будут занимать наши плотину, как бы текинцы не сделали вылазки!

- Кто будет занимать? - спросил гардемарин.

- Наша 9-я рота, а 11-я будет прикрывать рабочих, строящих редут впереди Охотничьей Калы...

Гардемарин быстро перешел мостик и очутился перед дверью в Калу, дверь эта представляла из себя низенькую, проломленную в стене арку; молодой моряк пригнулся и прошел эту арку, но у входа в Калу дорогу ему загородил штык, направленный часовым в грудь.

- Стой! Кто идет?

- Свой, офицер! - последовал ответ.

Часовой отступил на шаг, и гардемарин очутился наконец в давно знакомом маленьком четырехугольнике. Все пространство освещалось несколькими кострами, около которых толпились солдатики, не занимавшиеся варкой пищи, а пользовавшиеся светом пламени для осмотра винтовок и патронных сумок.

Заметно было оживленное движение, охотники подпоручика Воропанова были выстроены во фронт, и сам их командир, одетый в черкеску верблюжьего сукна, с бердановскими патронами в газырях, говорил им, по обыкновению заикаясь, речь:

- Э... чтобы того вы, э... не палили у меня, э, э... зря... команду слушать, э... А то перебью, э, э... сам как собак, э!.. Да не шуметь... того... Разойтись, пока!

Гардемарин подошел к поручику, который, распустив команду, оперся о стену спиной и чиркал о черкеску спичкой, не желавшей никак загореться...

- Э... моряк, э... дайте огня, - обратился он к гардемарину.

- Гребенщиков! - крикнул молодой моряк.

- Есть! - донеслось откуда-то из пространства.

- Принеси уголек закурить!

Через минуту молодой матросик в шинели в рукава бежал к двум офицерам, перекидывая из руки в руку раскаленный уголь.

- Э... Э... вот молодец... - похвалил Воропанов, закуривая.

- Рад стараться, ваше благородие! - вытянулся матрос и исчез немедленно во мраке.

- А... А... вы знаете, моряк... э... что вы будете... э... э... сегодня комендантом Охотничьей... э... Калы?

- Нет не знаю, да и это невозможно, - ответил удивленный гардемарин.

- Ку-Куропаткин говорил мне! Э... э... Да вот и он! Пойдите к нему...

Алексей Николаевич Куропаткин стоял в середине Калы и разговаривал с инженерным капитаном Масловым.

- При такой темноте текинцы почти наверняка попытаются сделать вылазку и уничтожить наши работы, - говорил Алексей Николаевич. - Нам поэтому важно занять сначала плотину, откуда уже можно будет сильным ружейным огнем оборонять вновь закладывающийся редут.

- Когда же двинутся наши на плотину? - спросил Маслов.

- Через десять минут, самое большое. Одновременно с ними пойдут и охотники поручика Воропанова, которые должны залечь вправо от нашей Калы за стенками, шагах в пятидесяти от неприятеля... А, вот и вы, - обратился Куропаткин к гардемарину, уже несколько времени стоявшему около в ожидании конца беседы начальника отряда с капитаном Масловым.

- Вам сегодня поручается защита Охотничьей Калы, так как комендант ее, поручик Воропанов, идет со своей командой для прикрытия работ; вы останетесь вместо него комендантом.

- Есть! - ответил гардемарин.

- Оставшимися у вас людьми займите все выходы и оберегайте в особенности эту полуразрушенную стену. - И Куропаткин указал на левую стену, в которой наши снаряды во время занятия Калы 29 декабря понаделали массу пробоин и наполовину обрушили ее. - Никого не впускайте в Калу, единственный вход - это передний; наблюдайте, чтобы не было суматохи в Кале, а главное - не позволяйте людям, стоящим по бойницам, бестолку стрелять!..

Команды, назначенные занимать плотину и прикрывать рабочих, уже выстроились... В Кале стало тихо... Выстрелы неприятеля очень редко нарушали тишину... Небо горело мириадами звезд... Полупотухшие костры освещали вокруг себя небольшое пространство мерцающим красноватым пламенем... Ожидание начала дела теснило грудь. Вот Воропанов вполголоса скомандовал своим охотникам: напра-во! шагом марш! И люди, один за другим, нагибаясь при выходе, стараясь не зацепиться штыками, стали исчезать в темной арке стены... Куропаткин отправился в траншею перед Калой.

Чтобы читатель понял ход работ и боя этой ночи, необходимо объяснить местоположение Охотничьей Калы.

С восточной стороны Геок-Тепе, ближе к южному углу, текинцы выстроили в ста шагах от главной крепостной стены два небольших четырехугольных укрепления, шагах в полутораста одно от другого; если встать лицом к Геок-Тепе, то левое называлось Охотничьей Калой, а правое Туркестанской по имени отрядов, штурмовавших это укрепление 29 декабря.

За этими укреплениями находилась Великокняжеская Кала, в которой всегда помещались на ночь резервы и которая была главною квартирою начальника правого фланга - Алексея Николаевича Куропаткина. Эти три укрепления соединялись между собой траншеями. В ночь на 5 января решено было занять место перед Охотничьей Калой, чтобы возвести редут, из которого можно было бы начать вести минную галерею под неприятельскую стену. Следовательно, приходилось окапываться в шестидесяти шагах от неприятеля, а пока окопаешься, приходилось рассчитывать на угощение многими тысячами пуль, что на таком близком расстоянии равнялось расстреливанию. Правда, перед Калой были глиняные стенки, но очень невысокие - фута три - печальная защита!

Когда охотники ушли и Кала опустела, в уголке, при свете нескольких фонарей, расположились с носилками санитары. Два доктора и несколько фельдшеров приготовляли перевязочные средства, перекидываясь между собой отрывочными фразами... У бойниц и в угловых башнях молча стояли фигуры солдат с берданками наготове...

Гардемарин ходил вдоль стены, обращенной к неприятелю, и какое-то тоскливое чувство сжимало его сердце...

С каждым выстрелом ему чудилось начало кровопролитной схватки.

"А может быть, текинцы и не заметят наших, - успокаивал иногда себя моряк, - ведь теперь они уже должны залечь".

Как будто горстью гороха ударили в стену, мимо которой нервными шагами ходил гардемарин; несколько пуль с визгом пронеслись над Калой... Еще и еще... Гулко начали хлопать громадные текинские мултуки, вмещающие заряды чуть ли в полфунта пороха... Наперерыв затрещали наши берданки... Щелканье пуль в стены Охотничьей Калы напоминало собой сильный град, барабанящий в окна...

Глиняные стены обладают удивительным резонансом, поэтому в Кале выстрел действовал оглушительно, а тут гремели тысячи выстрелов... Глина летела глыбами со стен, сбиваемая фальконет-ными пулями... Пороховой дым начинал наполнять

крепость... Моряк бегал по всем фасам и, не переставая, кричал: "Без команды не стрелять, своих перебьете!.."

Но вот над Калой как будто чья-то гигантская рука ударила по воздуху и привела его в содрогание и надавила вниз - все почувствовали толчок в голову, в ушах зазвенело от шума прогудевших полудюжины девятифунтовых снарядов; в крепости грянуло почти несколько одновременных разрывов, звук которых покрылся криками и стонами... Вдруг вся Кала озарилась ярким светом, послышалось невыразимое шипенье и свист, повсюду полетели искры, и ракета с верхушки Охотничьей Калы угодила в неприятельский ров и там разорвалась... Мортирная батарея сделала залп... Земля задрожала от этого страшного удара, и на темном небе быстро начали подыматься шесть светящихся и посвистывающих шариков... Вот они остановились как раз над головой моряка, наблюдающего за их полетом... Одно мгновение они были неподвижны, но вот начали опускаться и, кажется, прямо на голову... Ниже, ниже, быстрее и быстрее, наконец быстрота уже такова, что не видно светящейся точки, а полоса света... Слышен где-то близко за стеной крепости звук падения тяжелых тел на землю... Несколько секунд ожидания... Бум-бум... Начали рваться... А тут уже и новые точки появились на небе, помрачая своим светом яркие звезды, с недоумением смотрящие на землю, где люди вместо того, чтобы наслаждаться созерцанием чудной ночи, рвут друг друга на части...

А перед Охотничьей Калой действительно рвали друг друга на части в ожесточенном рукопашном бою... Под самой стеной Охотничьей Калы сотни голосов заревели: "Ура! Ура! Магомет!"

Гардемарин невольно отшатнулся... Рука машинально выхватила из кобуры револьвер, курок щелкнул... Нервная дрожь пробежала по телу... Стрельба на мгновение замолкла... Вдруг у переднего входа послышались нечеловеческие крики и шум... Гардемарин и человек десять солдат бросились туда и увидели толпу, в паническом страхе толкающуюся у входа... Какой-то солдатик в припадке безумного страха вырвался из этой давки, сбил с ног одного из солдат, старавшихся удержать эту толпу, ничего не видя от ужаса наскочил на угол стены, упал и снова поднялся и, спотыкаясь, помчался по Охотничьей Кале что-то крича... В узком проходе масса народу давила друг друга... Чей-то голос, озлобленный, бешеный, ревел:

- Что вы делаете, мерзавцы!.. Трусы!.. Назад, назад... Слышались страшные удары не то нагайкой, не то шашкой

плашмя...

- Бей их прикладами, - крикнул гардемарин окружавшим его охотникам, старавшимся остановить эту толпу, рвавшуюся назад

в Калу...

Человек двадцать проскочило еще, а затем начали уже по три, по четыре появляться у входа, но тут встречали их или штык охотников, или дуло револьвера молодого моряка, ставшего в проходе...

Показалась какая-то фигура, страшно ругавшаяся и хромавшая, - моряк по голосу узнал подпоручика Гринева, сапера.

- Ты откуда, что с тобой?

- Эти мерзавцы рабочие бросились бежать, сбили меня с ног, я попал в ручей, и они перебежали через меня... Паника страшная. - С этими словами подпоручик снова вернулся назад - в это море оружейного огня... На левом фланге, шагах в восьмистах от Охотничьей Калы, раздавался залп за залпом...

- Ох, ох... - крикнул кто-то над ухом моряка, и мимо него промчался, отчаянно махая правой рукой, его приятель Абадзиев, ординарец Михаила Дмитриевича Скобелева.

Два осетина подхватили молодого прапорщика под руки и повели к перевязочному пункту.

Моряк пошел туда же... У него начинала кружиться голова от этой страшной трескотни в атмосфере, пропитанной пороховым дымом...

В углу, между стенами, сидел на носилках, без сюртука, Абадзиев, мертвенно-бледный; правая рука истекала кровью, лившейся из двух отверстий... В правой стороне груди - маленькая черная дырочка, и под левой ключицей такая же... Пуля раздробила ему правую руку и пробила грудь... Его окружали осетины из конвоя генерала, его соотечественники... По этим черным, зверским, бородатым физиономиям катились слезы. Один схватил бутылку вина и вместо воды вылил ему на голову... Другой, желая поддержать, опрокинул ящик с хирургическими инструментами... Абадзиев - их любимец, и вдруг смертельно ранили... Так, по крайней мере, все думали...

Пули жужжали и в этом уголке... Одна разбила фонарь... Другая шлепнулась в спину санитара, глухо вскрикнувшего и свалившегося ничком... Доктора с поразительным хладнокровием перевязывали раненых...

- Что тащишь сюда мертвых? - с нетерпением крикнул одному из санитаров молодой доктор, указывая на убитого в лоб солдата, принесенного на носилках...

- Да он еще хрипел, ваше благородие, как мы его несли, -. возразил солдатик-санитар, - значит, теперь только скончался...

- Ну, убирай его, не загораживай дороги...

Приторный запах крови смешивался с пороховым...

Гардемарин остановился над носилками, с которых

слышалось удушливое храпение...

Лежал на них унтер-офицер Ширванского полка... Лицо потемнело, глаза закатились, левая рука прижата к горлу, и из-под пальцев сочилась кровь, казавшаяся в этом полумраке совсем черной... Правая рука царапала кожу носилок.

Моряк отошел в сторону и начал прислушиваться к шуму утихавшей свалки... Крики доносились уже из крепости, вылазка была отбита... С нашей стороны гремели непрерывные залпы... Ракеты освещали Калу и, оставляя во мраке длинную красную полосу, то ударяли в ров, то летели по стене... Воздух был наполнен криками, стонами, ревом верблюдов и ишаков, пронзительным детским плачем...

- Генерал идет, - послышалось сзади моряка, и в нескольких шагах от него показалась стройная фигура Михаила Дмитриевича, одетого в коротенький белый полушубок... С ним шел начальник штаба Гродеков и два ординарца...

Генерал прошел в арку и направился во вновь возведенный редут, в котором обкладывали бруствер мешками.

- Здорово, ребята! - донесся голос генерала в Калу. Как на учении отчетливо грянуло:

- Здравия желаем ваше превосходительство! Умолкнувшие было текинцы тоже приветствовали приход генерала тучей пуль, защелкавших в стену Калы...

- Прапорщик Ушаков! Дайте мне знак отличия военного ордена, я хочу наградить наиболее отличившегося... Ребята, кому вы присуждаете крест?

После нескольких секунд молчания послышались голоса:

- Крупенкову, ваше превосходительство... Крупенков больше всех заслужил... Он двоих заколол... Рука порублена, и с нами остался... Крупенкову следует...

Вытолкнули вперед Крупенкова, которому генерал и навесил крест, приказав идти на перевязочный пункт, так как у бравого солдатика сильно было разрублено левое плечо и недосчитывалось что-то трех пальцев на той же руке...

Цель была достигнута - впереди Охотничьей Калы возвышался грозный редут, из которого можно было начать вести минные работы.

Из Великокняжеской Калы явился оркестр музыки... Через десять минут, под самым носом текинцев, в шестидесяти шагах от стены, раздавались звуки из "Боккачио"... Некоторым диссонансом являлись стоны и оханья подбираемых раненых, но... на войне на это не обращается внимания! Дух солдатиков легче всего поддержать таким путем, бравируя опасность или уменьшая ее в их глазах...

Много раз меня занимала мысль, какое впечатление на нашего полудикого врага производила эта музыка, появлявшаяся немедленно после всякого дела?.. Я думаю, что у них непременно должно было явиться сознание о нашем превосходстве... Для текинцев, как для всякого восточного народа, театральность обстановки играет большое значение, поэтому звуки музыки, раздающейся в бою, должны возвышать в их мнении "белых рубах", умеющих умирать так эффектно...

Часам к десяти вечера все вошло в свою колею; только залпы двух рот из траншеи через каждые четверть часа напоминали текинцам, что бдительность наша не ослабла; в Охотничьей Кале солдатики примащивались на покой, завернувшись в шинели, позевывая и крестя рот; у едва тлевшего костра два солдатика что-то ковыряли в своих сапогах, и один из них рассказывал какую-то историю...

- И вот, братец ты мой, значит, он пришел в деревню и проведал об этих самых делах, и почал же он ее, значит, колотить... И-и как!..

Из жаломейки доносились голоса гардемарина и прапорщика Морица, игравших в пикет:

- Кварт от дамы...

- Не годится - кварт мажор!

- Три туза...

- Не годится - четырнадцать десяток!

- Чтоб тебя подстрелили!.. Постоянно игру отобьет...

Из кибитки саперов слышался звон бутылок - Михаил Дмитриевич прислал своим "кротам", как он их называет, несколько коробок консервов и пару бутылок вина подкрепить свои силы...

Наконец все успокоилось... Вот откуда-то очень издалека донесся звук горна - протяжное "Слушайте все!"

Это казачий или драгунский объезд подает сигнал своим, чтобы в темноте не быть принятым за неприятеля... У текинцев же долго не умолкает шум в крепости, долго слышатся крики, иногда даже можно ясно различить плачущие и причитающие голоса женщин... Много сегодня погибло храбрых джигитов, и кровь их вопиет о мести; и вот седобородые муллы проповедуют собравшимся около них мрачным, закопченным пороховым дымом старшинам, что Магомет должен помочь своим правоверным сынам, что "белых рубах" немного, что зарядов им не может еще хватить надолго, что они истомлены осадой; припоминают поражение, какое им было нанесено полтора года назад под этими же стенами; снова воскрешается надежда в груди вольных детей пустыни, и они деятельно начинают чистить свои

винтовки, переснаряжать стреляные гильзы берданок, точить свои кривые шашки или распределять порох между исстрелявшими... Много раздается в ночной тиши проклятий "уруссу", много молений возносится Аллаху о помощи, а в землянках, где спрятаны жены и дети, много слез льется об убитых и израненных близких...

* * *

7 января был серенький, довольно теплый день...

Как всегда, пощелкивали выстрелы, гудели орудия... Особенного ничего не предвиделось, разве дежуривший в траншее с ротою офицер, которому было скучно и холодно, начинал сам по себе "предвидеть", что штурм должен быть назначен-таки скоро, так как просто невтерпеж становится...

Славно спалось гардемарину после обеда... Закрывшись с головой буркой, свернувшись калачиком, покоился он в нижнем этаже левой башни, и гром беспрерывных выстрелов берданки его приятеля прапорщика Морица, "практиковавшегося" по текинцам из бойницы этой же башни, ничуть не мешал его розовым сновидениям... Он бы, пожалуй, проспал до вечера, если бы вдруг Мориц не подскочил к нему еще с дымящейся от последнего выстрела винтовкой и, стащив бесцеремонно бурку, не начал бы толкать его под бока. Со стороны гардемарина послышалось ворчанье...

- Да вставай-же, черт тебя подери, текинцы белый флаг выкинули! Сдаются, должно быть!

- Ну и пускай себе, спать хочу, - пробормотал доблестный сын флота.

- Да пойми же ты, текинцы вышли из крепости, они около наших траншей... Да вставай же!

Моряк приподнялся, зевнул во всю пасть, протер глаза и все-таки, видимо, не пришел совсем в себя.

Мориц приподнял его под мышки и встряхнул раза два.

- Оставь, я проснулся... В чем дело?

- А вот посмотри, - и прапорщик подвел его к бойнице, из которой он минут десять назад стрелял.

Должно быть, то, что увидел гардемарин, было действительно интересно, так как он мгновенно выскочил из башни, даже оставив там свою бурку, которую он берег всегда пуще зеницы своего ока.

Вся крепостная стена была усеяна текинцами, даже не усеяна, а битком набита... Старые, молодые, большие и малые, женщины с детьми на руках толпились на стене. Вся эта публика была одета в самые разнообразные халаты, поражавшие своею пестротою. Многие спускались в ров и выходили из него на

пространстве между траншеями и стенами".

Гардемарин обратился к одному из нескольких офицеров, взобравшихся на бруствер Ширванского редута, с вопросом: что значит эта картина?

- Перемирие для уборки тел, - ответил тот.

Общее внимание наших было привлечено каким-то видным красивым текинцем пожилых лет, ходившим с копьем в руках по стене и что-то кричавшим народу, глазевшему на "белых рубах".

Обратились к солдатику-татарину за переводом.

- Это он, ваше благородие, говорит своим, что, ежели, говорит, кто из вас только выпалит теперь по русским, так тут, говорит, ему сейчас и смерть будет... Запрещает, значит, стрелять!..

Подполковник Гомудский, главный переводчик штаба, вышел из траншеи и вступил в беседу с двумя старшинами... Все уселись на равном расстоянии как от рва, так и от траншеи на корточки и начали разговаривать...

Текинцы подбирали мертвых и уносили их в ров. Подбирали иных небрежно... Как сейчас, помню одного здорового молодца, который схватил труп за обе ноги, просунул их себе под мышки и, медленно ступая, поволок тело, бившееся о неровности головой...

Многие трупы текинцы оставляли неубранными; когда кто-то из переводчиков спросил, отчего они их не подбирают, то получил в ответ, что это собаки, которых они не хотят погребать. Впоследствии мы узнали, что трупы эти принадлежали к числу жителей одного аула, которые, не желая выносить всех тяжестей осады и потеряв большое число убитыми на неудачной для текинцев вылазке 4 января, оставили Геок-Тепе и ушли в Мерв.

Какое-то странное чувство овладело при виде этих людей, которые несколько минут тому назад стреляли по нас и в свою очередь не могли высунуть носа из-за стены, не рискуя получить дюжину пуль, и которые теперь прогуливались, подходили к нам на несколько шагов, разговаривали с солдатами-татарами и нашими джигитами-туркменами как ни в чем не бывало...

Правда, были между ними и субъекты, смотревшие на нас очень враждебно.

Два каких-то молодых текинца, одетые в шелковые халаты, бережно проносили тело старика с совершенно седой длинной бородой; тело это лежало у самого нашего бруствера, так что текинцы не могли его взять сами, вследствие условия перемирия не подходить к брустверу ближе пятнадцати шагов; два солдатика выскочили за бруствер, подняли старика и отнесли тело на определенное расстояние. Сейчас же подскочили два вышеупомянутых текинца, бережно подняли тело и понесли мимо

наших траншей.

Проходя мимо группы офицеров, рассматривавших их, один кинул такой вызывающий, надменный и вместе с тем полный ненависти и злобы взгляд на нас, что всякому одновременно пришла в голову мысль о неудобстве попасться ему в лапы...

Вдруг текинцы на стене пришли в движение, большая часть их устремила взоры на северо-восточный угол - там, выйдя за бруствер, стоял Михаил Дмитриевич Скобелев со своим штабом. У многих екнуло и сжалось сердце... Вероломство восточных народов слишком известно и вошло даже в поговорку... А вдруг? Но на стене все было покойно; неприятель только рассматривал "ак-пашу". Впрочем, текинцы понимали, что один выстрел с их стороны - и все зрители, толпившиеся на стене, будут сметены картечью...

Из лагеря было наведено 22 орудия шрапнелью на всякий случай. Войска в траншеях были тоже готовы!

Я, впрочем, не хочу отнять у текинцев их вполне рыцарской чести, проявившейся во время этого перемирия.

Уборка тел кончилась. Наш переводчик, полковник Гомудский, разговаривавший со старшинами, медленно возвращался к своим траншеям; он еще не дошел до бруствера, а флаг был уже спущен. Все текинцы спрятались за стену, так что сами не подвергались опасности. Кто-то из них крикнул ему:

- Скорее уходи и прячься, будем стрелять! И только тогда, когда он исчез за бруствером, грянул с угла фальконетный выстрел, бывший сигналом общего залпа, окутавшего всю стену пеленой дыма и наполнившего воздух свистом, шипением и жужжанием разнокалиберных пуль...

Снова началась перестрелка, снова живые люди стали обращаться в трупы до будущей уборки...

- Так вы говорите, что генерал был очень не доволен на гардемарина, что он не взорвал мину? - спрашивал лейтенант Ш-н кого-то из офицеров в траншее.

- Страшно не доволен! И рвет и мечет; говорит, что надо было броситься в штыки, не разбирая числа людей неприятеля, работавших в это время во рву.

- Да ведь с гардемарином было всего десятка два людей!

- Генерал не обращает на это внимания; ему не дает покоя мысль, что брешь до сих пор не готова и что, пожалуй, артиллерия не будет в состоянии пробить ее...

- Да вон идет и генерал, - и офицер рысью побежал к своей роте, чтобы встретить Михаила Дмитриевича на своем месте.

Лейтенант пошел навстречу генералу, здоровавшемуся с частями, расположенными в траншее.

- А, здравствуйте, моряк! - обратился Михаил Дмитриевич к лейтенанту, приложившемуся под козырек. - Вы ведь переведены сюда из правофланговой? продолжал генерал, не останавливаясь, обращаясь к идущему рядом с ним лейтенанту.

- Точно так, ваше превосходительство, только что прибыл с двумя картечницами.

- А ведь ваш гардемарин осрамился вчера. Слышали?

- Слышал, ваше превосходительство; много было народу во рву, вот он...

- Пустяки! И он и Богославский прямо струсили! Я ведь так надеялся на этот взрыв пироксилином. Вы возьметесь взорвать? - быстро повернулся Скобелев к лейтенанту.

- Возьмусь и считаю это великой честью для себя, - ответил Ш-н, и краска удовольствия бросилась ему в лицо при мысли об удачном исполнении этого безрассудно отважного предприятия.

- Так пойдемте, я вам покажу хорошее и безопасное место, откуда можно будет осмотреть стену и выбрать подходящий пункт для взрыва, - и генерал ускорил шаги...

День был очень ясный, солнце заливало своими лучами всю степь... Текинцы пользовались хорошей погодой, и стрельба шла ожесточенная... Из траншей дружно отвечали...

Генерал шел медленно, не сводя глаз с длинной линии белой стены, на которой вспыхивали тут и там дымки... Вот он вышел в соединительную параллель между Великокняжеской и Охотничьей Калами. В одном месте бруствер был осыпавшимся, так что проходящие были видны до плеч. Текинцы не преминули пустить несколько пуль, провизжавших около головы генерала в расстоянии фута, а может быть, и меньше.

- Хорошо пристрелялись, - заметил он и вошел в Охотничью Калу, пройдя которую, не останавливаясь, вышел в Ширванский редут и подошел к минному колодцу, из которого как раз вылезал вымазанный в глине саперный унтер-офицер.

- Кончаете, братцы? - обратился к нему генерал.

- Почитай, что все кончили; завтра и заряжать можно будет, ваше превосходительство, - ответил бравый сапер.

- Ну, помогай вам Бог!.. Весь исход дела в этом минном взрыве, обратился Михаил Дмитриевич к начальнику штаба. - Он должен произвести страшную панику.

Генерал подошел к самому брустверу, отстранил одного из стрелков и начал смотреть в промежуток между мешками, рядом с ним поместился и лейтенант Ш-н.

- Вот видите эту большую трещину? Вправо от угла? Вот здесь можно, по-моему, заложить мину, и результат должен быть хорош; главное - надо закопать ее поглубже.

- Было бы хорошо подвесить ее, - заметил лейтенант.

- Ну, эти технические подробности я представляю на ваше усмотрение; мне главное необходимо, чтобы взрыв был - это облегчит артиллеристам пробитие бреши... Я не могу примириться с мыслью, что взрыв мог быть уже совершенным в эту ночь... Так вы, моряк, взорвете! Я надеюсь на вас!

- Сделаю все, что смогу, ваше превосходительство!

- Спуститесь в ров во что бы то ни стало! Если он будет занят неприятелем - выбейте его оттуда штыками. Возьмите с собой роту, две, три!.. Сколько вам надо, вам дадут, но только исполните это предприятие оно очень важно...

Несколько пуль щелкнулось в мешок очень близко от отверстия, в которое смотрел генерал... Одна ударилась в верх брустверa и обсыпала присутствующих землей...

- Ваше превосходительство, - обратился к генералу полковник Козелков, начальник левого фланга, - уйдите отсюда! Текинцы пристрелялись так, что очень часто попадают в бойницу, ведь до стены семьдесят шагов с небольшим!

- Вечно вы, полковник, боитесь за меня, - с неудовольствием ответил генерал и снова начал рассматривать стену, вспышки выстрелов на которой продолжали перебегать так же часто.

- Да как же не бояться за вас, когда вы рискуете своею жизнью, как простой рядовой... Уйдите, ваше превосходительство!

- Да оставьте меня в покое! - рассердился генерал.

- Так вы идите сегодня же ночью! - снова обратился генерал к лейтенанту, смотревшему прямо через бруствер и представлявшему таким образом прекрасную мишень для неприятеля, открывшего сильный огонь.

- Точно так, думаю отправиться после полуночи.

- Ваше превосходительство! Если вас убьют, кто же поведет нас на штурм, - не унимался Козелков.

- Ну хорошо, сейчас уйду! До свидания, моряк! Приходите через час ко мне, выпьем кофе и поговорим еще о взрыве!.. - И генерал направился на левый фланг.

Лейтенант Ш-н остался на месте и еще несколько времени смотрел на стену, запоминая местность и делая в голове разные расчеты.

- Что это вы тут поделываете? - обратился к нему подошедший капитан инженеров Васильев.

Моряк в кратких словах рассказал ему о предприятии, предполагавшемся быть произведенным в эту ночь.

- Так пойдемте со мной, может, мне удастся вам сделать полезные указания... Мне помнится, я видел тут место, подходящее для взрыва, а главное - ползти легко, идет канава

близко от неприятельского рва...

Оба офицера пошли по траншее, весело болтая о разной разности.

- Вот отсюда можно рассмотреть удобно; видите вы эту канаву, идущую наискосок к траверзу? Доползти до нее, затем по ней, а там и ров близехонько...

- Мне надо взорвать поближе к углу, - возразил лейтенант.

- Так вы можете пройти неприятельским рвом; еще сегодня ночью в ров забиралось четверо охотников и пролежали там часа два! Однако до свидания, тороплюсь в лагерь к полковнику Рутковскому, - и Васильев рысцой направился к левому флангу.

Моряк порешил, что осмотр удовлетворителен.

- Надо взглянуть на свою батарею, - подумал он и повернулся, чтобы идти в Великокняжескую Калу; сделав несколько шагов, он вспомнил, что надо еще раз взглянуть на место предполагаемого взрыва, чтобы определить приблизительное расстояние этого пункта от угла.

Лейтенант остановился около бруствера и, высунувшись по грудь, начал рассматривать интересовавшее его место... Только что он повернулся, чтобы продолжать свой путь, как сильный удар в левую руку, сопровождаемый жгучей болью и мгновенным онемением предплечья, заставил его перевернуться вокруг самого себя...

Он почувствовал, как что-то горячее потекло по руке... Захотелось поднять руку - плечо поднялось, а рука ниже плеча вершка на три перегнулась со страшной болью, от которой в глазах потемнело...

"Кость раздроблена!" - мелькнуло у него в голове, и почему-то вспомнился чей-то пустой, болтавшийся рукав сюртука...

Подхватив раненую руку правой, лейтенант быстрыми шагами пошел к перевязочному пункту, находящемуся в Великокняжеской Кале...

Кровь каплями текла по пальцам, приклеивая рубашку к телу... Ломота увеличивалась... Каждый шаг отдавался во всей руке тупой болью...

"Ну вот и Красный Крест", - обрадовался моряк.

- Доктор, я ранен, - обратился он к какому-то медику, сидевшему на бурке.

Тот немедленно вскочил, подбежали санитары, фельдшера.

Лейтенанту помогли снять пальто с правого плеча, начали стаскивать с левой руки, и она в перебитом месте перегнулась... Моряк охнул... Стащили рукав...

- Да вы и в грудь ранены? - с беспокойством спросил доктор, увидав отверстие с правой стороны груди в сюртуке.

- Не чувствую, - ответил Ш-н.

Начали раздевать. Оказалось, что пуля вошла с правой стороны, пробила пальто, три фуфайки, скользнула по груди, не задев ее, и, раздробив левую руку, вылетела.

Сделали перевязку, и через несколько минут лейтенант, лежа на носилках, сдавал батарею мичману Голикову, велев перенести себя в ту часть Великокняжеской Калы, где была главная квартира этого офицера. Сдав батарею, лейтенант приказал выпустить двести пуль по крепости из картечницы в отместку за свою рану, и его понесли в лагерь, где уже были в госпитале два раненых моряка - капитан-лейтенант Зубов и подполковник Яблочков.

У бравого лейтенанта во всю дорогу не выходила из головы мысль, что он теперь поставлен в невозможность делать взрыв, и эта мысль вызывала у него слезы на глаза, заставляя даже забывать боль в раздробленной руке...

* * *

Темно... Грязно... Ветер налетает порывами, свистит в ушах у солдатиков, врывается под шинели, оледеняет бедняков и мешает им вглядываться во мглу, откуда нет-нет и сверкнет огонек выстрела и зажужжит пуля под аккомпанемент завывания ветра... Небо покрыто тучами, по временам сеющими мелким дождем...

Скверно в это время в траншеях... Укрыться некуда... Глина размякла, прилипает к ногам... С каждым шагом ожидаешь полететь, до того скользко... Руки, держащие винтовку, окоченели от холода железа ствола и мокроты... Вода льется за шиворот, и чувствуешь, как сорочка понемногу прилипает к телу... Долго стоять на одном месте нельзя - ноги начинают вязнуть... А в голове роятся мысли одна другой безотраднее... Невыносимое чувство неизвестности давит всей своей тяжестью... Долго ли будет все это тянуться? Как кончится? Что ожидает меня в недалеком будущем? Копошатся вопросы в голове - вопросы, остающиеся без ответа... Чтобы развеяться немного, начинаешь пристально вглядываться в темноту, прислушиваться, считать число вспыхивающих на неприятельской стене выстрелов... Надоедает наконец и это... Воспоминания о прежнем нахлынут в голову... Вся жизнь начинает проходить перед глазами, как в стереоскопе... Все, что было наиболее выдающееся, является панорамой, как бы только вчера это миновало... Но вместе с тем все это как будто в полусне, как будто в представлениях волшебного фонаря видишь самого себя... Наконец является благодетельная дремота! Как хорошо переселиться в мир сновидений хоть на несколько минут!.. Все окружающее так нехорошо, так тягостно!.. Минута забытия, минута радужных снов придаст снова силы переживать все это наяву... Но спать нельзя...

Не потому, что чувство сознания долга мешает спать, нет, а потому, что внутреннее состояние человека мешает ему забыться хоть кратковременным, тяжелым сном...

А вдруг вылазка?.. Может быть, в эту самую минуту, когда дремота смыкает глаза, неприятель ползет и через минуту ринется на нас с диким криком, рубя все направо и налево?..

Снова всматриваешься в густой мрак до боли в глазах... Снова бред сонного человека начинает мешаться с действительностью... Картины детства, беззаботного веселья перемешиваются с картинами боя, и звук выстрела выводит вас из этого полулетаргического состояния... Прикосновение рукой к мокрой, липкой глине напоминает вам, что вы в траншеях вблизи от неприятеля, и образы минувшего и пережитого исчезают из вашего мозга остается действительность, тяжелая, но имеющая все-таки свою прелесть...

В чем же эта прелесть? Удивится, наверное, читатель, на которого предыдущее описание, вероятно, не произвело впечатления чего бы то ни было прелестного.

Прелесть в том, что эта обстановка заставляет вас чувствовать, что вы живете, а не прозябаете; вы сознаете, что, какой бы маленький человечек вы ни были в общественной иерархии, тут вы становитесь большим, так как вы в этот момент собираетесь и готовы отдать жизнь - то есть принести величайшую жертву на алтарь общественного благосостояния...

В вас подымается энергия, какой обыкновенно может быть и не бывает, а вместе с тем является и чувство внутренней гордости при мысли, что сейчас, может быть, сцепившись грудь с грудью с врагом, вы покажете свою удаль, свою непоколебимость...

Не знаю, будут ли понятны читателю эти чувства, особливо если строки эти попадутся на глаза какому-нибудь буржуа, сидящему в хорошо натопленной комнате, когда самовар поет на столе, в то время как на улице воет и свистит ветер и дождь хлещет и барабанит в окна... Пожалуй, читатель тогда потянется в кресле, прихлебнет глоток чайку и, пустивши кольцо табачного дыма, скажет про вашего покорнейшего слугу: "Идеалист! Пылкая голова или же напускает на себя оригинальность".

Со своей точки зрения вы, может быть, будете правы, читатель! Не все люди созданы по одному масштабу, иному величайшее наслаждение пользоваться комфортом, жить понемножку, полегоньку, принадлежать к золотой середине мирного буржуа, находить наслаждение в игре определенных шести роберов винта и затем также покойно и мирно сойти с арены жизни, как и действовал на ней!

Другому нужна лихорадочная деятельность, нужны сильные

ощущения, ежеминутно напоминающие ему, что он действительно живет, нужна борьба, которая могла бы поглощать избыток его сил; "золотая середина" этому человеку кажется болотом. Или выдвинуться вперед с целью приложить свои способности, которые в "золотой середине" сгниют, или сложить свою голову, не переваривающую будничной жизни...

Большинство обладателей таких темпераментов не бывают цезарями, а обращаются в горсточку земли, потерянную где-нибудь на поверхности земного шара без всякого следа, без памятника, какие воздвигают себе буржуа с целью увековечения имени субъекта, бывшего "добрым" и безобидным только потому, что не хватало способностей быть злым!

Прожить 30-40 лет на свете, пройти школу отчаянной борьбы, чувствовать, что живешь всеми нервами своего организма, всеми фибрами - и затем сгореть, оставив огненный след своего существования - вот завидная, желательная, идеальная судьба человека, по моему понятию!

А так как жизнь в походе исполняет некоторую, правда незначительную, часть программы желательного для автора этих строк существования, то поэтому и не должно быть удивительного восхищения той обстановкой, которая людям с другим характером не покажется привлекательной.

Возвращаюсь к моему описанию.

Ночь на 12 января 1881 года принадлежала к числу ночей, картину которых я только что нарисовал.

В передовой траншее левого фланга часов в одиннадцать вечера замечалось особенное суетливое движение. В разных местах собирались группы офицеров, оживленно разговаривавших, проходили саперы с фашинами, собирались апшеронцы, которым делался расчет; инженерный капитан Васильев бегал взад и вперед, иногда перепрыгивал через бруствер, исчезал в темноте, откуда слышался его шепот, заглушаемый ударами лопат в землю, плеском воды и шумом бросаемых фашин.

- Николаев! Где Николаев? - слышался чей-то голос.

- Здесь, ваше б-дие!

- Не забудь запалы!

- Никак нет! В кармане у меня, ваше б-дие!

- То-то же! Да двух людей поздоровее назначить нести динамит!

- Назначил уже... Скоро и пойдем уж, ваше б-дие?

- Будьте готовы... Вот как только кончат саперы мостик, и двинемся с Богом!

Вся эта суета, все разговоры, приказания и совещания

касались предприятия, сильно всех волновавшего и интересовавшего, - взрыва нашими охотниками стены с целью проделывания бреши.

Поручик 1-го железнодорожного батальона Остолопов и гардемарин М-р вызвались пролезть в неприятельский ров, заложить под стену три пуда динамита и три пуда пироксилина и взорвать эти мины; в прикрытие охотников на случай вылазки неприятеля была дана целая рота Апшеронского полка; всем предприятием командовал флигель-адъютант, войсковой старшина граф Орлов-Денисов.

От передовой траншеи до неприятельского рва было около трехсот шагов, охотникам предстояло перейти ручей, протекавший по этому месту и дойти до так называемой подковки, то есть полукруглой траншеи, лежавшей шагах в пятидесяти от неприятельского рва и соединенной с ним узенькой и маленькой канавкой, постепенно углублявшейся и спускавшейся на дно рва.

В этой подковке должна остаться гальваническая батарейка для взрыва пироксилиновой мины и часть команды. Остальным надо было спуститься в ров, выкопать углубление под стеной, которая начиналась прямо со дна рва, эскарпа не было, заложить в это углубление мину, на случай недействительности или порчи батареи зажечь фитиль Бикфорда и выскочить изо рва.

Промежуток между местами заложения пироксилиновой и динамитной мины должен был быть шагов 12-15.

Прикрытие минеров - апшеронцы - должны были во время работы частью лежать на краю рва, частью залечь в ров по обеим сторонам работающих и в случае нападения драться до последнего, давая выиграть время до окончания работ...

- Скоро ли кончат эти саперы со своим мостом? - с нетерпением обращается граф Орлов к гардемарину, который занят стягиванием своей персоны поясным ремнем поверх полушубка и ощупыванием, на должном ли месте револьвер, чтобы не мешал ползти.

- Да, пора бы и кончить!.. Мокро, холодно... Я думаю, будет трудненько ползти по глине, которая совсем размякла...

- Зато вам будет легче работать под стеной... Удары ломом и киркой по мокрой земле не будут так слышны, - возразил на сетования гардемарина граф Орлов.

- Лишь бы не было текинского секрета в подкове, раз она занята неприятелем, придется начать целое дело...

- А вам сколько надо времени для работы?

- Не менее получаса, чтобы основательно закопать мину.

- Я думаю, что если текинцы не заметят нашего подползания,

то работу услышат... Вопрос только, сделают ли вылазку или ограничатся одной стрельбой...

- Сейчас саперы окончат мост, ваше сиятельство, - сказал подошедший поручик Остолопов.

- Вы совсем готовы?

- Совсем.

- Начальник штаба идет сюда, - послышалось из мрака... Граф Орлов пошел в ту сторону, откуда слышалось приближение нескольких человек, между собой разговаривавших.

- Если можете, выдвигайте понемногу людей из траншеи, дайте только минерам выйти вперед, - послышался голос начальника штаба полковника Гродекова. - С Богом, ребята, будьте молодцами и помните, что в случае насядут на вас текинцы, вас выручат, не бросят!..

Вот на бруствере обрисовалась одна фигура, немедленно исчезнувшая, за ней другая, третья... Послышался сдержанный шепот:

- Динамит-то подавай легче! Ну, принимай на себя!

- Что, минеры вышли? Не урони ящика с батареей!.. Передай катушку с проводниками! Не шуми, ребята!

Как призраки исчезли одна за другой темные фигуры...

Особенное ощущение, читатель, когда выходишь за бруствер, покидаешь эту надежную защиту и знаешь, что теперь окончательно открыт для неприятельских выстрелов! Ни зги не видать... Вот тут, налево, должно быть, мостик... Пригнувшись идут люди... Ручей... Остановились...

- Чего стали? - слышится шепот.

- Вперед, не задерживайте... - доносится голос графа Орлова.

- Сюда, ребята, вот мостик. - Ведет капитан Васильев передовых. Штыки звякнули один о другой, кто-то залез в воду и зашлепал сапогами.

- Тише, леший!

Там, где впереди чернеется что-то темнее окружающего мрака, сверкнул красный огонек, один, другой... Пуля ударилась в воду, и несколько капель брызнуло в лицо Остолопова, идущего рядом с ящиком динамита.

Мысль, как молния, мелькнула в голове - а что, если бы в ящик? Ощущение чего-то холодного пробегало по спине... Фашины хрустят под ногами... Наконец все перешли мостик...

- Ложись! - доносится приказание графа Орлова.

- Ползи за мной, не растягивайся, ребята! - шепчет гардемарин и с одним из осетинов конвоя Скобелева бесшумно направляется на четвереньках к едва приметной черной точке - подковке... В нескольких шагах за ним - минер унтер-офицер

Забелкин и матрос Гребенщиков...

Руки уходят в размокшую, холодную, липкую глину... Двигаться приходится со страшным трудом... Сердце стучит усилено... Кровь приливает от неестественного положения к голове, звон в ушах... От пристального напряженного всматривания в темноту начинает представляться какое-то движение в мраке... Вот снова сверкнул огонек... Раскатился звук неприятельского выстрела... Второй...

- Должно, увидали нас, - шепчет один" из охотников. Прилегли... А дождь, проклятый, моросит... Заливает за шиворот... Руки коченеют...

- Ваше б-дие! Что это как будто чернеется влево? - шепчет Забелкин на ухо гардемарину.

- Где? - спрашивает тот, сразу чувствуя какое-то особенное ощущение в сердце, определяемое выражением: сердце упало!

- А вот - смотрите, ваше б-дие, по руке!

Действительно, напрягая зрение моряк видит вблизи от себя что-то темное... Вот и еще...

- Должно, люди... Люди и есть, - слышится вокруг шепот.

- Лежать пока смирно, я поползу осмотреть!

Моряк переворачивается на левый бок, расстегивает кобуру, вынимает револьвер, засовывает его за борт тулупа на груди и ползет. Осетин не отстает с кинжалом в зубах... Вот уже близко эта черная масса... Нет сомнения - контуры человеческого тела...

- Стрелять или нет? Пусть первый выстрелит...

Осетин дергает за руку... Легли вплотную к земле... Фигура неподвижна... Подползли ближе... Осетин вынимает кинжал изо рта и берет в руку...

Но вот моряку попадает что-то под руку...

Холодное, скользкое, разбухшее и мягкое... отвратительный запах мертвечины... Гардемарин отдергивает руку; как ни коротко было прикосновение, но моряк убедился, что это была нога трупа... Чувство гадливости охватило его до мозга костей... Он начал вытирать руку о землю, о тулуп... Осетин что-то проворчал... Дальше влево виднелось еще несколько темных силуэтов убитых... Тут только моряк вспомнил, что все это пространство покрыто трупами неприятеля, оставшимися после вылазки 4 января...

Поползли далее... Все более и более обрисовывается силуэт подковки... Есть ли там кто-нибудь? Мертвая тишина не нарушается никаким звуком!.. И выстрелы даже прекратились... Тучи начали расходиться - стало немного светлее... шагах в тридцати виден бруствер подковки... Вдруг эта темная линия озарится светом залпа? Осетин пополз бесшумно вперед...

Прошло несколько мгновений ожидания... Моряк также двинулся.

- И я с вами, - послышался голос графа Орлова, заставивший от неожиданности вздрогнуть моряка.

Вот и бруствер... Затаив дыхание, поднимаются оба офицера на него и свешивают внутрь голову, держа наготове револьверы... В тот же момент черная папаха лезет им навстречу... Быстрее молнии опускаются два дула... Секунда - и грянули бы выстрелы...

- Это я, - говорит гортанный голос осетина.

Невольно глубоко, с чувством облегчения вздохнул моряк и опустил револьвер.

- До самого рва нет никого, - прошептал осетин. Через несколько минут вся команда была в подковке. Внутри этот редутик представлял из себя довольно узенькую

полукруглую траншейку. Земля из середины не была вынута, и таким образом на высоте груди человека была плоскость в виде стола. Немедленно воспользовались этим обстоятельством, поставили сюда ящик с динамитом, открыли крышку и вложили между динамитными патронами запал с гремучей ртутью и со вставленным в него куском фитиля Бикфорда, длина которого была рассчитана на две минуты горения. Минер Забелкин расположился в траншее на земле с батареей.

В это время небо начало очищаться от облаков. На горизонте стало светлеть - признак скорого появления луны. Надо было торопиться. Стена ясно виднелась, раза два или три послышались голоса текинцев...

- Ступай ты, Остолопов, со своими минерами вперед, иначе вы можете мне оборвать проводники, - прошептал гардемарин.

Два человека подняли ящик с динамитом и, пригнувшись, двинулись по траншейке...

За ними медленно потянулись, шаг за шагом, и другие... Оставшиеся в подковке с замиранием сердца вглядывались в постепенно исчезавшие во мраке фигуры... Со стены не было сделано ни одного выстрела.

- Пора и нам... Смотри же, Забелкин, не замыкай тока раньше, пока я не крикну "готово"! А теперь дай больше слабины катушке, я сам возьму проводники, смотри, чтобы не заело на катушке...

С этими словами гардемарин взял в руку концы проводников и, пригнувшись, быстро направился по траншейке в ров...

Проводники свободно тащились за ним.

Вот уже близко ров... Слышен шепот охотников Остолопова... Вот кончается и траншея... Дно рва ниже немного - фута на два... Легко спрыгнул моряк, но все-таки зашумел... Сердце упало... На стене кто-то кашляет... Вот какая-то гортанная фраза, к кому-то обращенная... Разговаривают... На стене шорох... Моряк, ни жив

ни мертв, прислонился к стене... Прижался к сырой глине, как бы желая вдавиться совсем в нее... Шорох прекратился, но разговор ясно слышен...

Вот подходит Остолопов и едва слышным голосом спрашивает, пора ли закладывать мину и не пойти ли смотреть начатую брешь.

Оставив команду, прижавшуюся к стене, оба офицера бесшумно крадутся к темному пятну шагах в двадцати левее выхода из траншейки в ров...

Еще не доходя до бреши, оба офицера споткнулись несколько раз о валявшиеся обломки глины... Вот, наконец, и груды осыпавшейся земли... Довольно пологий подъем... С сильно бьющимся сердцем поднялись, крадучись, Остолопов с гардемарином... Земля осыпается под ногами и с шумом падает вниз... От волнения шум этот кажется способным разбудить мертвых... Вот и вершина бреши... Голова моряка на уровне стены... Он приподымается и заглядывает внутрь крепости... Полный мрак. Где-то далеко блестит огонек... Собака залаяла внизу... Направо в нескольких шагах от него, на стене, разговор текинцев - слышно каждое слово... Шорох, шаги...

- Хорошо бы вскочить неожиданно на стену... - шепчет Остолопов.

Вместо ответа моряк сползает назад по бреши... На дне рва его поддерживают дюжие руки одного из охотников... И кстати... От волнения ноги дрожат, из-под козырька фуражки катятся капли холодного пота...

- Начнем работать, - говорит Остолопов.

- Пора, пора... - шепчет прерывающимся голосом моряк и идет влево от бреши, Остолопов - направо.

- Вот тут, ребята, - указывает гардемарин. - Ну, начинай ломом... У кого лом?

- У меня, ваше б-дие...

Раздается глухой удар в основание стены.

- Чего ты лезешь?.. Мне их благородие приказали начать, не тебе!..

- Пошел вон! Я - матрос... Раньше с их благородием служил... А ты что!..

- Не шумите, черт бы вас подрал... Давай лом... - И гардемарин начал осторожно ударять в глину, стараясь выворачивать побольше куски... Удары глухо раздавались по рву...

На стене смолкли голоса, но послышался шум у самого края парапета, и несколько кусочков глины упало около работавших... Должно быть, обеспокоенные шумом текинцы заглядывали через

парапет...

Работа приостановилась... Вот снова раздался говор на стене... Но ни тревоги, ни выстрела... Опять заработали ломы и кирки... Гардемарин передал лом одному из охотников и, прижавшись плечом к стене, следил за работой... Как-то невольно часто подымались глаза его наверх, где он ожидал увидеть силуэт врага, перегнувшегося через парапет... Но все было покойно... Углубление под стеной увеличивалось...

- Ваше б-дие! Почитай, уж довольно, - обратился к нему матросик Гребенщиков.

Гардемарин стал на колени и ощупал рукой углубление...

- Нет, ребята, еще мало... Валяй теперь лопатой... Выгребай всю мелочь оттуда и еще немного подкопай...

- Ну, как твои дела? - послышался тихий шепот Остолопова, вынырнувшего из мрака.

- Сейчас буду закладывать... А ты?

- У меня тоже кончают... Не забудь же крикнуть, когда будет готово...

- А где граф Орлов?..

- Во рву, около моей мины. - И поручик исчез.

- Ну довольно, ребята... Закладывай мину... Где она?..

- Вот...

Как перышко поднял один из охотников объемистый трехпудовый медный цилиндр и засунул в углубление...

- Осторожно, не порви проводников или фитиля...

- Никак нет, ваше б-дие!..

- Ну, ребята, хорошенько теперь замните весь промежуток кусками глины...

Гардемарин нагнулся осмотреть, хорошо ли вложена мина, и убедился, что весь цилиндр скрылся под землей... Фитиль Бикфорда выдавался на пол-аршина из обломков глины, которыми была сделана забивка мины...

- Ребята, уходите все по траншейке... Живо!.. Ты, Гребенщиков, беги к поручику Остолопову и скажи, что сейчас буду зажигать фитиль, и вместе с его людьми выскакивай изо рва... Слышишь?..

- Есть, ваше б-дие!..

Гардемарин остался один... Дрожащими руками вынул он коробку спичек, кусок фитиля и фальшфейер из кармана полушубка... Чиркнул спичкой... Загорелась... Стал зажигать кусок фитиля - не горит... Руки ли чересчур дрожат, или фитиль отсырел... Снова зажег спичку... Фитиль затлелся наконец... Распла-стырил фальшфейер, размял смесь... Вот в стороне работы Остолопова - шум... Слышно, как бегут люди... Доносится крик

"готово!". Над головой на стене шум, говор многих голосов... Огненная точка фитиля коснулась фальшфейера... В момент яркий, дневной почти свет залил весь ров... В глазах зарябило... На секунду моряк ослеп... Загремели над головой выстрелы... Крики... Посыпались около комки глины... Пламенем фальшфейера дотронулся моряк до конца фитиля Бикфорда, торчавшего из мины... Каучук фитиля затрещал, что-то вспыхнуло, и фитиль, зашипев, начал выбрасывать сноп искр...

Крикнув "готово", быстрее молнии бросил гардемарин фальшфейер на мокрую землю, затоптал ногой и... очутился в полном мраке, мраке страшном, беспроглядном...

Он бросился прямо вперед и наткнулся на эскарп рва... Хотел влезть по этой почти отвесной стене... Судорожно хватавшиеся пальцы встречали мокрую, скользкую глину, оставшуюся комками в горстях... Обернулся назад - фитиль выкидывает красную ленту искр... "Сейчас взрыв", - мелькнуло в голове моряка... Он бросился влево... Споткнулся о что-то... Упал... Поднялся и побежал, ощупывая руками бок рва, - везде сплошная глина - следов выхода нет... Отчаяние сдавило горло... Разум уже перестал руководить им... В такие минуты человек или седеет, или сходит с ума... Из ста человек в девяноста девяти тупое отчаяние заставляет даже не следовать инстинкту самосохранения...

Молодой моряк оглянулся еще раз назад... Искры вылетают из-под стены... Он сделал еще несколько шагов и почувствовал справа пустоту... Выход в траншейку изо рва нашелся...

Невозможно описать ощущения его... Волна радости охватила все его существо - он не думал о граде пуль, сыпавшихся со стены, не слышал страшного треска непрерывных выстрелов, гремевших на стене... Одна мысль овладела им, одно сознание наполняло его голову - возможность спастись от взрыва, избегнуть этой неминуемой, ужасной опасности...

Вот он шагнул одной ногой, уперся руками и уже взобрался во вход траншейки... В этот момент что-то со страшной силой ударило его в спину и голову, мрак озарился красным светом, открытый рот тщетно пытался набрать воздуха... Миллионы красных и зеленых кругов явились перед глазами; он почувствовал, что сверхъестественная сила подняла его и бросила... Он летит, летит и... сознание исчезло...

* * *

- Ваше б-дие, живы?..

- Что?.. Где я?.. Ты кто?..

- Гребенщиков, ваше б-дие... Вы здесь лежали, должно, взрывом ошеломило...

- Да где я?..

- Около подковки, ваше б-дие... Наши отступают... Пожалуйте руку, я вас доведу...

Гардемарин поднялся... Все вертелось перед глазами... Что-то теплое текло из левого уха на щеку... Вкус крови чувствовался во рту... Он ступил несколько шагов - кровь хлынула носом...

На левое ухо он ничего не слышал... Голова страшно ныла, спина одеревенела...

- Правее, ваше б-дие, тут ров; вот впереди наши охотники; я уж доведу вас в целости!

В траншеях гремело "ура!". Вся неприятельская стена опоясывалась огнем; пули летели градом, посвистывая на разные лады, в темноте слышался голос графа Орлова, отдавшего приказание отступать в порядке и идти в ногу.

Гардемарин шел, поддерживаемый матросом, не отдавая себе вполне отчета, что он делает.

Вот наконец близко и ручей. Не отыскивая мостика, люди идут прямо по воде, еще несколько шагов и траншея...

- Ой, убило! Ой, смерть моя, - раздается болезненный крик, заглушающий и шум перестрелки и командные слова. - Ох, братцы, тошнехонько, - кричит кто-то, и в этом крике слышится нестерпимая боль.

- Возьми его под руки, Матвеев! Чего стоишь!

- Ружье-то, ружье захвати - потеряет ведь... Эх вы, народ! Ну, тащи, что ли!

- Не суетись, ребята! Все поспеете, все будете за бруствером, доносится голос графа Орлова.

Возвращающиеся охотники входят в траншею, начальник параллели, седоусый кавказский полковник выстраивает их во фронт.

- Все ли вернулись? Где поручик Остолопов, где гардемарин М-р? звучит всем знакомый голос "Белого генерала", Михаила Дмитриевича Скобелева.

- Здесь, ваше превосходительство, - отвечает Остолопов. Моряк же еще не может выговорить ни слова и молча подходит к генералу, окруженному толпой офицеров.

- Спасибо, господа, за честно исполненный вами долг! С такими офицерами не может быть сомнения в удаче завтрашнего штурма. Я доведу до сведения государя о вашем сегодняшнем подвиге и убежден, что Его Императорское Величество не оставит вас без награды, так доблестно вами заслуженной! Ребята! Кричите "ура" нашим героям-охотникам! Ура! Ура! Ура!

Громовое "ура" раскатилось по траншеям, подхватываемое во всех параллелях, перебиваемое трескотней залпов и выстрелов неприятеля.

Генерал крепко, крепко пожал руки обоих офицеров, отошел несколько шагов, вернулся снова, еще раз пожал им руки, видимо ища слов, чтобы выразить свою признательность, но гремевшее "ура", выстрелы из мортир и непрерывная трескотня картечниц не давали возможности выслушать его.

Гардемарин стоял опьяненный радостью! Его идеал, его Бог, на которого он взирал с особенным благоговением, так сердечно благодарил его и назвал героем! Находясь еще под впечатлением взрыва, выбросившего его изо рва, он сразу подвергнулся еще впечатлению такого внимания человека, бывшего для него выше всех, человека, один взгляд которого был для него радостным лучом, способным разогнать все нравственные тучи, смягчить все физические страдания! Для молодого моряка это было слишком уже много: нервы его сдали, он поторопился завернуть в пустую полупараллель, чтобы скрыть слезы, лившиеся градом по закопченному, выпачканному грязью и кровью лицу!

Кто никогда не проливал таких слез, тот не испытывал полного счастья на земле! Эти слезы очищают, подымают человека; эти слезы не ложатся на грудь тяжелым гнетом скорби, нет - они облегчают, освежают душу; выплакавшись, человек приобретает небывалую бодрость и снова готов к самопожертвованию, к борьбе, снова готов на подвиги во имя общего блага, снова готов идти на зов долга...

Перестрелка умолкла, траншеи погрузились в тишину; моряк перевязал себе мокрым платком голову, завернулся в бурку и улегся на мокрой глине в траншее; все спало вокруг, кроме дежурной роты, вытянувшейся вдоль бруствера; гардемарин лежал закрывши глаза, в ушах звенело от страшной контузии, голова ныла, но он был счастлив, счастлив так, как никогда потом не был да и не будет...

Сквозь страшный звон, наполнявший его уши, ему чудилось, что он слышит голос Скобелева, благодарящего его; правая рука чувствовала крепкое пожатие боготворимого им героя... Через восемь часов ему надо было идти на штурм, мысль о смерти несколько раз промелькнула в его голове, но он отгонял ее; ему казалось немыслимым быть убитым через несколько часов, когда теперь он избежал такой страшной опасности в момент взрыва. Неужели судьба дала ему возможность отличиться для того, чтобы через несколько часов он был убит? Моряк твердо верил в свою звезду и заснул как мертвый, убаюканный розовыми надеждами ожидающей его награды...

Знай он, какая перспектива страшного искалечения ожидала его на следующее утро, он, по всей вероятности, не предался бы с таким удовольствием радужным сновидениям...

Какими бы стальными нервами не обладал человек, а все-таки решающий момент в его жизни вызывает невольное сжатие сердца, невольно заставляет его призадуматься, проанализировать свой внутренний мир, оглянуться на прошлое и постараться представить себе картину будущего...

Последняя кровавая сцена трехнедельной драмы, разыгравшейся под стенами Геок-Тепе, должна была наступить через час холодного мрачного дня 12 января 1881 года...

Через час должна была решиться судьба всей экспедиции и судьба многих отдельных членов этой экспедиции... Через час должен был взвиться на этих глиняных твердынях русский императорский штандарт или нашего отряда не должно было существовать... В душе каждого копошился гнетущий вопрос: буду ли я через час победителем или буду безгласной, окровавленной массой, одинаково равнодушной к победе и к поражению? Независимо от себя представлялись малоуспокоительные картины, являлись воспоминания о смерти товарищей, совершавшейся на глазах, являлось страстное, непреодолимое желание узнать свою судьбу. В душу многих закрадывалась эгоистическая надежда, что авось буду убит не я, а другой, рядом стоящий... Какая-то особая печать торжественности лежала на всех этих лицах... Иной пытался казаться развязным, и самая эта неестественная, не присущая его натуре развязность лучше всего выдавала его внутреннее смятение, вызванное, может быть, его страстным желанием жить... Каждый из готовившихся идти на штурм не был новичком в деле опасности, каждый десятки, если не сотни раз рисковал своей жизнью, а все-таки перед штурмом, перед этой решающей минутой в душу каждого забиралось какое-то особенное неиспытанное чувство, заставлявшее сильнее обращаться кровь в его жилах, сильнее сжиматься сердце...

Орудия брешь-батареи неумолчно заставляли своим гулом содрогаться землю, посылая снаряд за снарядом через голову собравшихся в третьей параллели апшеронцев в разбитую и разрыхленную землю приготовляемой бреши... После каждого разрыва гранаты, знаменовавшегося темным столбом взбрасываемой вверх земли, появлялись несколько неприятельских фигур из-за стены, торопившихся наложить войлоки и засыпать землей разрушительные результаты действия наших девятифунтовых орудий... В это же время с пронзительным гулом снова летело несколько снарядов, которые своим разрывом разбрасывали кошмы и войлоки и разрывали на куски геройских рабочих, ценой собственной жизни старавшихся парализовать страшное действие пушек "урусса"...

Колонна полковника Гайдарова, которой предстояло

штурмовать с помощью лестниц западный фас Геок-Тепе или, вернее сказать, главное назначение которой заключалось в отвлечении внимания от штурмовых колонн полковника Куропаткина и полковника Козелкова, чей натиск должен был решить судьбу штурма, давно уже вступила в дело... Ружейный и орудийный огонь разгорался все более и более около Мельничной Калы и примыкавшего к нему четырехугольного редута, сплошь занятого неприятелем, массы которого, поминутно окутывавшиеся облаками дыма от ружейных выстрелов, ясно были видны в бинокль из третьей параллели левого фланга, где собрались апшеронцы и охотники под командой флигель-адъютанта Орлова-Денисова... С напряженным вниманием смотрели офицеры и солдаты за движением своих товарищей, все ближе и ближе подходивших к Мельничной Кале, причем все более и более учащалось хлопанье текинских фалько-нетов, гулом своим заглушавших треск берданок... Но вот отряд скрылся за стенами Калы, текинцы из редута начали перебегать по траншейке в ров крепости, частью в Мельничную Калу, из-за стен которой продолжали подыматься клубы молочного дыма и доноситься раскаты орудийных выстрелов.

Брешь-батарея не умолкала... Выпускаемые ею снаряды пролетали очень низко над головами столпившихся в третьей параллели войск... Воздух содрогался от полета и с силой ударял в уши. Нашлось уже несколько своих жертв, жертв неминуемой случайности при подобных обстоятельствах... Какой-то солдатик Ставропольского полка не вовремя вздумал перебежать из одной траншеи в другую прямо через открытое место под амбразурами брешь-батареи... Сверкнул выстрел, солдатика окутало облаком дыма... Через секунду дым рассеялся, и солдатик оказался лежащим в луже крови, бившей фонтанами из шеи, на которой болтались какие-то клочья - голова была оторвана снарядом... Нельзя сказать, чтобы этот случай произвел особенное впечатление на присутствовавших, - каждый был так мысленно сосредоточен на самом себе, что смерть постороннего не могла сильно затронуть ничьих нервов... Судьба, значит, было суждено этому солдатику кончить таким образом свою жизнь... А может быть, не подвернись он под свой снаряд, он был бы убит на штурме!..

Канонада не прерывалась ни на минуту... В месте пробиваемой бреши все также взлетала земля, со стены неприятель отвечал редкими ружейными выстрелами; одним из этих выстрелов был тяжело ранен в правую руку храбрый подполковник Ставропольского полка Ципринский-Цекава, высунувшийся чересчур за бруствер; этот бравый офицер, старый

типичный кавказский вояка, командовал батальоном вышеназванного полка, отбил вылазку текинцев 4 января на левый фланг, поражая их выдержанными меткими залпами. Время штурма приближалось... В передовой траншее собралась группа офицеров... Несколько человек на скорую руку закусывали бутербродами, предложенными для общего пользования графом Орловым-Денисовым. Сам граф, одетый по кавказкому обычаю перед штурмом во все новое, при помощи денщика прицеплял свежие флигель-адъютантские аксельбанты.

В это время подошел к группе офицеров гардемарин.

- Ну что, как ваша контузия? - обратился к нему граф, крепко пожимая руку.

- Ничего, так себе, голова болит меньше, но на левое ухо ничего не слышу - должно быть, лопнула барабанная перепонка!

- До свадьбы заживет. Выпей-ка коньяку да закуси перед делом...

- А вдруг ранят в живот, лучше натощак идти на штурм, - возразил гардемарин.

- Пустяки... виноватого найдет! С полным ли желудком, с пустым ли, коли суждено - не избавитесь! Выпейте, право лучше... а то так холодно!

Моряк последовал совету - выпил рюмку коньяку и стал закусывать бутербродом с солониной...

- По местам, господа, по местам, - раздался в это время голос полковника Козелкова, начальника штурмовой колонны левого фланга, который, ковыляя раненной еще в турецкую кампанию ногой, обходил траншею.

Все офицерство бросилось поспешно на места - в траншее воцарилась мертвая тишина, нарушаемая приказаниями офицеров, отдававшимися вполголоса. Взоры всех обратились на правый фланг, где должен был быть взрывом подан сигнал к штурму.

Все солдатики, сняв шапки, крестились - лица были бледны, глаза неестественно горели...

Томительно подобное ожидание...

- Помните же, ребята, - слышался голос графа Орлова, - как взрыв сейчас выскакивай за бруствер, стройся и быстрым шагом вперед; шагах в тридцати или сорока от стены - "ура" и бегом. На бреши залечь, оправиться и разом в штыки...

Земля дрогнула, заколебалась, люди в траншеях покачнулись, многие схватились друг за друга, чтобы не упасть, над восточной стеной крепости поднялось облако дыма и пыли со столбом всевозможных обломков и летящих фигур... Как один человек выскочили из-за бруствера охотники и апшеронцы... Начали

выстраиваться... Какой-то солдатик, бледный, дрожащий, видимо ничего не сознающий от страха, поднял винтовку и, никуда не целясь, торопливо выстрелил... Как бы по мановению волшебного жезла затрещали выстрелы между не успевшими выстроиться людьми...

Полковник Козелков, граф Орлов, офицеры старались остановить эту беспорядочную стрельбу... Голоса их заглушались трескотней... Козелков, видя бесполезность словесных уговоров, прибегнул к помощи костыля, граф Орлов шашкой плашмя начал водворять порядок... Стрельба прекратилась, колонна, выстроившись, двинулась к мостику через ручей...

Текинцы не стреляли пока... На мостике началась давка... штыки со звоном цеплялись один за другой... Задние напирали на передних, многие с мостика сталкивались в воду, намокали до пояса, с трудом вылезали на берег, отряхивались и торопились занять свое место... На неприятельской стене вспыхнуло несколько дымков... Фельдфебель апшеронцев, видный, красивый мужчина, ничком рухнул на землю... Чаще, чаще зашлепали пули в эту скученную массу... Люди падали, убитые наповал, загромождая дорогу... Раненые старались выбраться из этой давки... Все время слышался зычный голос графа Орлова, ободрявший людей... Мостик перейден... Штурмовая колонна двинулась... Раздались звуки "марша добровольцев"... Страха как не бывало... А между тем эта грозная белая стена все чаще и чаще стала окутываться дымом, чаще и чаще падали люди... Граф Орлов в своем щеголеватом мундире шагах в десяти впереди колонны, с обнаженной шашкой шел ровным шагом, часто поворачиваясь и что-то крича солдатам... Оставалось до стены шагов около ста... Граф Орлов вдруг покачнулся, выронил шашку, левой рукой схватился за кисть правой... Через несколько мгновений он снова шел впереди, держа шашку в левой руке... Шагах в пятидесяти он снова упал и больше уже не мог подняться - фальконетная пуля раздробила ему бедро...

Прапорщик Усачев упал как скошенный - пуля раздробила ему колено... Колонна все редела и редела, оставляя за собой неподвижно лежащих в лужах крови убитых, умирающих в судорожной агонии, или раненых, со стоном отползающих назад... Все ближе и ближе подходили редевшие ряды к стене... Ясно виднелись черные папахи и длинные стволы фальконетов и винтовок, непрерывно извергавших дождь пуль... Громкое "ура" прогремело в горсти оставшихся в живых, стремительно бросившихся бегом вперед, с ружьями наперевес. Еще упали несколько человек, с разбегу уткнулись лицом в землю... Вот и ров... Люди прыгают в него... Несколько уже лежит у основания

бреши, и берданки их непрерывно гремят почти в упор в эти коренастые, черномазые фигуры, по пояс высовывающиеся из-за стены с шашками, копьями и пистолетами... Гардемарин со своими охотниками был в нескольких шагах от рва, когда увидел текинца, целящего в него из какого-то неимоверно длинного ружья... Инстинктивно повернулся он правой стороной... Секунда ожидания... Удар, страшный по силе, но безболезненный, - в правую щеку... Револьвер выпал из руки, схватившейся за щеку, вся рука окрасилась кровью, что-то горячее лилось из горла за рубашку, рот наполнился какой-то кашей, кровь хлынула фонтаном из носа и изо рта... Медленно, неестественно осторожно опустился моряк на землю, сначала на колени, потом упал на руки... Выплюнул кровь и с нею пять зубов с осколками челюсти... Из простреленного горла не могло вырваться ни звука... Лужа крови около него все увеличивалась... В голове мелькали мысли: "Неужели это смерть?!" Пули щелкали около в землю; ни одной живой души около не было, мертвых было много, слишком много... В нескольких шагах лежал барабанщик, повернув как-то странно голову под грудь; на нем были длинные, не черненного товара сапоги, совсем рыжие... Они обратили на себя внимание моряка... Прямо против него, на бреши, шла рукопашная схватка... Летели комки земли из-за бреши, камни... Несколько солдатиков ползли по бреши, скатывались назад... Вот какой-то офицер вскочил на вершину... За ним бросились солдаты... Офицер перевернулся и, распростерши руки, упал навзничь... Гардемарин все это видел как в тумане... А кровь из него все лилась и лилась, а с нею вместе уходила и жизнь... А жить так хотелось, как никогда... Он хотел крикнуть: умираю, спасите, подберите меня! - но простреленный язык и горло не повиновались - только хлынула фонтаном кровь. Желая подняться с земли, он оперся левой рукой, и страшная боль в груди, дала ему знать, что и грудь прострелена... Рука подогнулась, и он упал на левый бок с глухим стоном, с сознанием неминуемой смерти...

Вот, вот сейчас все кончится, я перестану думать, чувствовать, мучиться... Ах, как страшно, как хочется жить!..

Обрывки мыслей, воспоминаний теснятся в голове... Представилась ему вдруг фигура Изотова, денщика его отца, водившего его гулять маленьким мальчиком лет пяти... Вот он в своем тулупчике играет в снежки... "Ах, какая масса крови около меня", - мелькает одновременно мысль, и представление об этом слове "масса" вызывает в его мозгу воспоминание о давно забытом уроке механики в Морском училище... Живо, живо представляется ему фигура преподавателя и он сам, сидящий на скамейке с пером в руках... Вспомнилось лицо товарища и, странное дело,

лицо человека, с которым он никогда не был особенно дружен и близок... А кровь все льется и льется; чувство слабости овладевает им все больше и больше... Глаза закрываются, и открывать их становится все труднее и труднее... Начинается ряд галлюцинаций... Ему кажется, что над ним склоняются дорогие ему лица... Все ближе и ближе склоняются эти лица... Он уже забывает, что ранен... Ему хорошо... Какая-то блаженная истома овладевает всем существом...

- О Господи, о-х!.. - раздается около. Снова возвращается сознание действительности... Рядом около него стоит на коленях прапорщик-апшеронец Каширинов - руки прижаты к груди, изо рта хлещет черная кровь...

- Копьем... О...ох, - храпит он... Лицо искажено судорогами. Вдруг он вскакивает, шатаясь как пьяный, и бежит куда-то. Пример подействовал и на гардемарина... Какая сила подняла его - трудно сказать... Но он поднялся и пошел, -поминутно останавливаясь, отплевывая кровь, спотыкаясь... Вошел в ручей, обмыл лицо, зачерпнул руками воды, попытался проглотить - вода вылилась через горловую рану наружу... Сознание готово было покинуть его... Бывший всего в нескольких шагах бруствер нашей траншеи как-то удивительно подымался и опускался у него в глазах... Земля стала уходить из-под ног... Чья-то рука крепко ухватила его вокруг талии... Кто это был - он не знал, видел только синий околыш и красный кант фуражки... Лицо подхватившего его было для гардемарина покрыто каким-то облаком... Он слышал какие-то слова, но какие - не мог разобрать... Влезал на бруствер... Упал... Сильная боль снова привела его в себя... Он увидел знакомое добродушное лицо камергера Балашова... Красавец доктор Красного Креста Малиновский подскочил... Он чувствовал, как его раздевали, разрезали на нем матросскую рубашку; чувство холода заставило его стонать, острая боль в левом боку вызвала крик, он оттолкнул кого-то и увидел Малиновского, показывающего что-то на окровавленной ладони Балашову, безнадежно качавшему головой. Слышал требования носилок, чувствовал, что с ним что-то делают, но ему казалось, что это не его укладывают, а кого-то другого, что он только смотрит на это... Носилки закачались... Мучительнейшая боль и холод во всем теле... Вот навстречу идет какой-то казак... Вгляделся в лицо, снял папаху и перекрестился... "Я, значит, уже умер", - думает моряк, но страшная боль в груди от удара носилок о выступы траверса дает ему знать, что он живет, чтобы страдать... Давка в траншеях страшная... В месте соединения с двумя другими ходами сообщений накопились десятки носилок, сталкивающихся между собой... Стоны

беспомощного отчаяния раздаются с них, смешиваясь с трескотней выстрелов и криками "ура". Пули свистят через голову... Носильщики вздрагивают, сбиваются с ноги, тряска от этого вызывает припадок бессильной ярости у гардемарина: он старается достать до спины передового носильщика сапогом, бередит свои раны и впадает в забытье...

* * *

Геок-Тепе взято... Земля пропитана кровью... Наступила ночь... Из крепости доносятся редкие ружейные выстрелы - добивают найденных в ямах текинцев... В лагере гремит музыка и песенники. Вино льется рекой - войска пируют! Маркитанты-армяне больше всего в барышах от победы - десятки и сотни ценных вещей, в особенности ковров, приобретено за несколько бутылок водки... Уцелевшие офицеры мечтают о наградах, видят радужные сны и не слышат нарушающих тишину ночи протяжных, мучительных стонов и вздохов, вылетающих из намётов Красного Креста и госпиталя - это изувеченные герои дня, из которых многие во мраке ночи призывают к себе смерть как избавительницу от невыносимых мук! Они сделали свое дело, принесли посильную жертву, товарищам не до них... У каждого столько своих хлопот и интересов, и злобы дня... Но находятся люди, которые не забывают их - это две сестры милосердия, Стрякова и графиня Милютина... Они, как две тени, скользят из кибитки в кибитку, из намета в намет, и с ними является успокоение для несчастных раненых... Заботливая, нежная женская рука поправляет умирающему подушку, и его душа отлетает в то время, когда уста посылают благословение этому существу, облегчившему последнюю минуту расставания со страдальческой жизнью... Мучимый лихорадкой, с запекшимися от внутреннего жара губами, с пересохшим горлом лежит раненый... С ангельской осторожностью и заботливостью сестра подымает ему голову, и струя прохладной освежающей воды с вином льется ему в горло... Дрожащим голосом, еле слышным, говорит он: "Спасибо, сестрица". Холодящая рука едва приметно пожимает руку сестрице, и для нее, для этой чистой души, полной бескорыстия, эта благодарность стоит всякой другой... Вам, лучшие самоотверженнейшие из русских женщин, обязан я жизнью, обязан больше чем жизнью - облегчением мучительных, нечеловеческих страданий, и вам посвящаю последние строки моих воспоминаний, переполненных сценами кровавой борьбы, среди которой вы явились воплощенной идеей самопожертвования на пользу страждущих людей...

Воспоминания о вас изглаживают то тяжкое чувство нравственной и физической боли, которое навеяли на меня

вызванные моей памятью образы прошлого...

Я убежден, что все раненые, пользовавшиеся попечением вашим, до конца жизни будут носить в своем сердце самое святое впечатление о тех, кто жертвовал ради них своим спокойствием, здоровьем, жизнью из бескорыстного чувства человеколюбия, являющегося феноменом в нашем холодно-рассудительном веке.